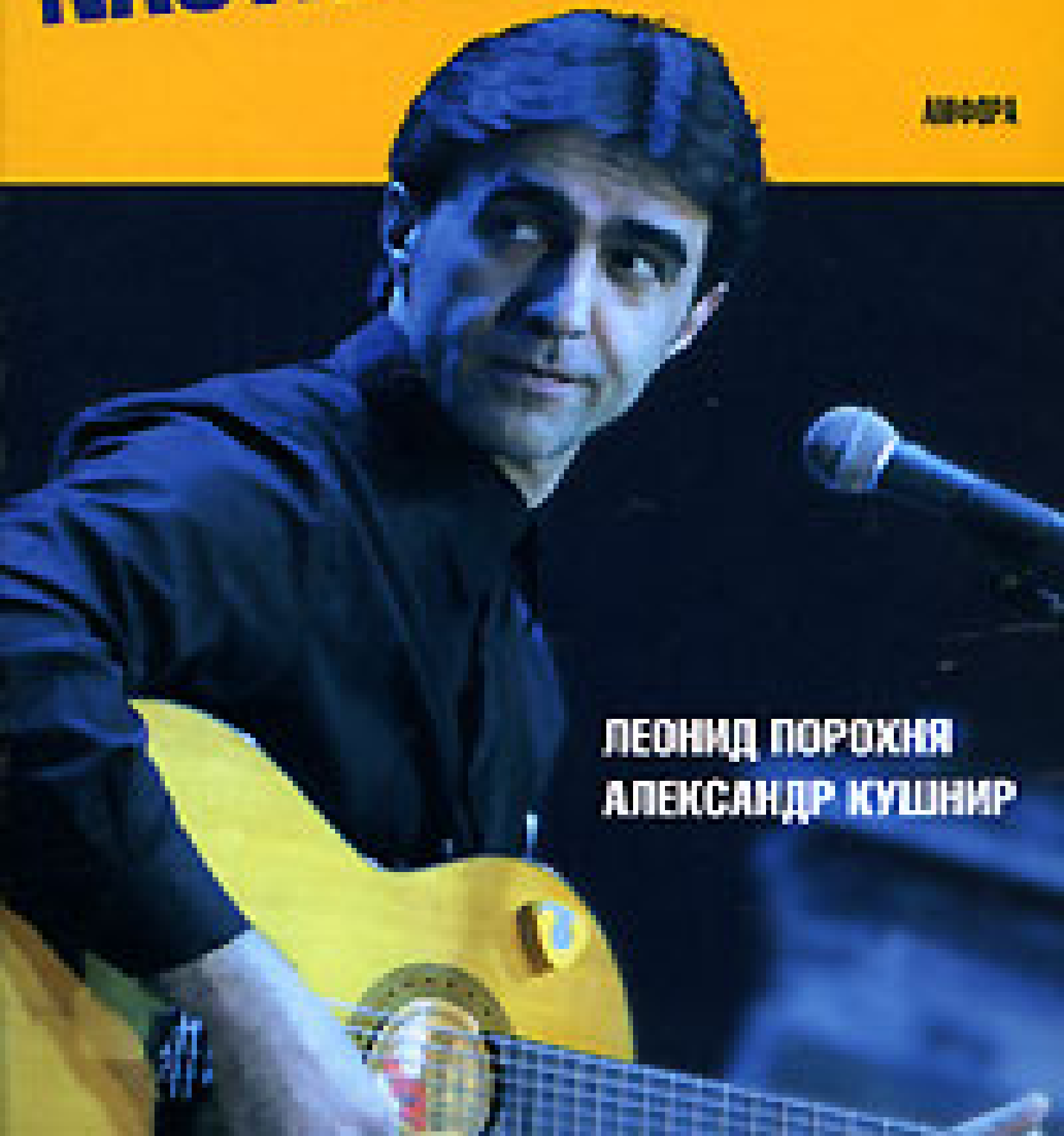

STOGOFF
TRUST

NAUTILUS POMPILIUS

АВТОР

ЛЕОНІД ПОРОХНЯ
АЛЕКСАНДР КУШНИР

Annotation

Книга охватывает всю историю культовой группы: с момента основания в 1982 году до распада в 1997-м.

- [Порохня Леонид Иванович, Кушнир Александр Исаакович](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Часть 1 Достоверное описание жизни и превращений Nautilus'a из Pompilius'a](#)
 - [1978-1984. "Алибутилус"](#)
 - [1985. "Невидимка"](#)
 - [1986. Прорыв](#)
 - [Скованные одной цепью, связанные одной целью...](#)
 - [1987. С песней по ступенькам](#)
 - [1988. "Скованные"](#)
 - [1989. По дороге в Коломьяги](#)
 - [Часть 2 Утомленные роком](#)
 - [Новый состав, новая программа, новый звук](#)
 - [Russians are coming!](#)
 - [Немецкий след](#)
 - [Штурм Москвы](#)
 - [Уход Джавада и возвращение Потапкина](#)
 - ["Рок против террора" и рок против "Наутилуса"](#)
 - ["Наутилус" в Японии: иллюзии и реальность](#)
 - [Юридический фасад "Наутилуса"](#)
 - ["Чужая земля"](#)
 - [Возвращение Кормильцева](#)
 - [Хождение по мукам](#)
 - [В поисках выхода](#)
 - [Запись "Титаника"](#)
 - [Весенние метаморфозы](#)

- [Раскрутка “Титаника”](#)
 - [Запись на “Леннаучфильме”: промахи и ошибки](#)
 - [“Крылья” над Европой](#)
 - [В зоопарке](#)
 - [После бала](#)
 - [Акустика](#)
 - [Band on the run](#)
 - [На пути в Англию](#)
 - [Post Scriptum. О превратностях плавания в эпоху великих географических открытий](#)
 - [Post Post Scriptum. Про курочку Рябу.](#)
 - [notes](#)
 -
-

**Порохня Леонид Иванович,
Кушнир Александр Исаакович**

Nautilus Pompilius

Вместо предисловия

История становится ИСТОРИЕЙ, только отойдя в историю.

Когда эта книга задумывалась, группа “Наутилус Помпилиус” была уже далеко не сверхновой, но еще живой. Было это в 1995-м, осенью. Тогда поэт Кормильцев, очарованный открывшимися возможностями компьютерных технологий, решил сотворить первую в России CD-ROM-энциклопедию: “в одной упаковке” собрать музыку, клипы, фотографии и какой-то текст. Кормильцев сговорился с двумя авторами, значащимися теперь на обложке. Авторы взялись за дело. Они как-то не задумывались о том, что пишут ИСТОРИЮ, – времени не было, писали быстро, сдавали шустро... CD-ROM “Погружение” вышел в свет летом 1996 года. Найти его теперь, пожалуй, не удастся.

Ближе к осени того же 1996-го Илья Кормильцев и Владимир Пинич, в руках которых скопился целый ворох материалов по “Наутилусу”, решили его еще куда-нибудь пристроить. И началась работа по подготовке бумажной версии компьютерного издания. Были вновь призваны те же авторы, что-то там такое перерабатывали, дописывали, уточняли...

А жизнь меж тем шла себе дальше... И так получилось, что первые экземпляры книги были привезены из Германии аж через два с половиной месяца после того, как группа “Наутилус Помпилиус” официально прекратила свое существование... Была, была в том некоторая издевка: книга называлась “Введение в Наутилусоведение”.

Все почему-то считали, что в эту историю читателя нужно пока еще только “вводить”, сама же история

будет длиться и длиться... А она – раз! – и кончилась. Но книга вышла. В 1997-м. Теперь и она – “библиографическая редкость”.

И вот третья реинкарнация давней задумки Кормильцева. Которого уже нет с нами...

Она существенно отличается от предыдущих. Не текстом, хотя кое-что дописано. Текст превратился в ИСТОРИЮ. Что сами авторы обнаружили... с изумлением. Смыслы какие-то новые пролезли... Плюс ностальгия, если у кого она есть...

Никаких больше “введений”. Вот вся история группы “Наутилус Помпилиус”. Но не только.

Это повод или попытка понять, что произошло с нами в восьмидесятые–девяностые. Перечень приобретений и поражений... Отголосок былых надежд.

* * *

Гуд-бай, Америка! – Ну?..

И что? Что хотелось и что получилось? Как все случилось?..

История ехала и по нам, и по “Наутилусу”. Оказывается, это интересная история... Она перед тобой, читатель!

Леонид Порохня

5 августа 2007 года

**Часть 1 Достоверное описание
жизни и превращений
Nautilus'а из Pompilius'а**

1978-1984. “Алибутилус”

Они ездили в агитки в Архитектурном институте.

Чтобы картошку не копать, они ездили в агитки.

Егор Белкин

А начиналось все в 1978-м, когда в Свердловский архитектурный институт поступили Бутусов Вячеслав и Умецкий Дмитрий. И отправились на картошку в деревню Мамино. Работали от зари до зари, а вечером студенты, у кого сил хватало, жгли костер, развлекались как могли. Там, у костра, и возник прообраз будущего “Нау” под названием “Медный таз”. Таз и правда был, натурально медный, нашли его абитуриенты Умецкий и Гончаров на свалке. Гончаров по нему колотил, Умецкий брэнчал на гитаре, пели оба, звучало, по воспоминаниям очевидцев, ужасно, но бодро. Там же у костра сидел вечерами и Слава Бутусов. Его называли “Отдельный герой”: красивый небритый юноша, он слишком явно выдавался из общей массы. Нетрудно догадаться, что этот “герой” и составил основную конкуренцию группе “Медный таз”.

Слава пел “Отель Калифорния”, чрезвычайно популярную тогда песенку “Eagles”, с псевдоанглийской тарабарщиной вместо слов. Пел низким, хриплым голосом, о нем до сих пор вспоминают тогдашние абитуриенты, а особенно абитуриентки... Одним словом, обратил на себя внимание. И девочек, которые провожали Славу очень пристальными взглядами, и парней, которые этим девичьим взглядам не очень-то

радовались, и – заметим особо – основателя группы “Медный таз” Димы Умецкого.

Потом пошла учеба. В Архитектурном институте всегда было принято хоть чем-то, но выделяться, производить впечатление творческое, и тут студенту Бутусову талантов было не занимать: его рисунки уже на абитуре расходились по рукам, в аудиториях преподаватели выделяли его сразу и однозначно, а годы спустя чуть ли не хором жалели, что такой архитектурный талант пропадает. “Талант”, правда, имел обыкновение задумывать проекты великолепно, но “до ума” доводил их редко, интерес пропадал. Весьма существенное свойство, о котором единогласно вопиют очевидцы, заключалось в некоторой Славиной мягкотелости, странно дополнявшей очевидную Слаvinу талантливость.

Умецкий тоже был явно не без талантов, хотя и несколько особенных; своеобразен, смешил всех кого ни попадя, хохмил, балагурил, внешность имел нарочито несерьезную, но иногда за шутовством проглядывало умное лицо очень непростого человека. Редко и незаметно. И как раз Умецкий высказывал время от времени идею: а не создать ли рок-группу?.. Высказывал разным людям, один соратник у него был – Игорь Гончаров, рубаха-парень, душевный, симпатичный, вечно с улыбкой до ушей. Нужен был еще как минимум один... Тогда и стал Дима присматриваться к Бутусову.

А Бутусов ни о каком рок-н-ролле не думал, Бутусов свободное время проводил в редакции институтской газеты “Архитектор”, месте в те годы популярном: там была своя, особая, веселая жизнь. В которую как раз и вламывался время от времени рок-н-ролл... Так что первое столкновение Славино с музыкой происходило в рамках обстоятельств журналистских: в 1981 году состоялся первый свердловский рок-фестиваль,

прошедший под эгидой Архитектурного института (“САИ-1981”), освещением которого и занималась газета “Архитектор”. Слава по заданию редакции брал интервью сперва у Насти Полевой, тогда солистки “Трека”, а затем, отчаянно робея, у лидера группы “Урфин Джюс” Александра Пантыкина. Робел, кстати сказать, не на шутку, даже попросил для храбрости дать ему девочку в помощники. Сам Пантыкин такого эпизода не помнит.

Однако между редакцией и знаменитым рокером завязались кое-какие отношения, и вскоре Сан Саныч Пантыкин попросил архитекторов нарисовать эмблему “Урфина Джюса”. И Бутусов изобразил “козью ножку”, до сих пор красующуюся на обложке альбома “УД” “Путешествие”... Изобразил, кстати говоря, наскоро, черной шариковой ручкой, доделывать пришлось его однокурснику и приятелю Ильдару Зиганшину. Слава редко что доделывал, ему было некогда.

Вскоре он же вместе с Зиганшиным придумал еще одну хохму, тоже связанную с рок-н-роллом.

Вспоминает Ильдар Зиганшин:

Журнал тогда польский был, “Шпильки”, страшно нам нравился. И не помню, кто первый принес рисунки пантыкинские песни, но появилась идея сделать парню подарочный альбом из этих пакостей. Берешь строчку из песни, она сама по себе абсолютно абсурдна и предполагает все что угодно, а туалетная манера рисунков подходит ко всему; чем пафоснее, тем круче получается... Рисовалось все левой рукой, была у нас со Славой договоренность, что мы правой рукой не рисуем, только левой. Постепенно получились эти два альбома, “Путешествие” и “Пятнадчик”. И

торжественно Сашке их вручили. Я так подозреваю, он потом еще долго обижался...

Впрочем, дружбы с Пантыкиным тогда не получилось, так себе, шапочное знакомство после фестиваля.

Который оказал довольно сильное влияние еще на одного архитектора, на Диму Умецкого. Вскоре именно Дима предпринял шаги, приведшие в конечном счете к появлению “Наutilus”. Шаги заключались в том, что Дима стал регулярно заглядывать в редакцию газеты “Архитектор” и со Славой разговоры разговаривать...

Вспоминает Зиганшин:

Слава, он инертный человек, но Дима чувствовал, что этот человек “вывезет”. Это понятно было любому, даже не в плане музыки, а во всех планах. Славу можно было приставить к любой совершенно области, и он бы “вывез”. Дима это понимал, Дима его и сбил с пути истинного. Другое дело, что Слава сам был абсолютно к этому готов. Хотя были какие-то легкие препирания, насчет “будет ли это хорошо, перспективно ли”...

Как бы то ни было, скоро Дима со Славой стали захаживать в общежитие, известное как “Промобщага”, там жил Гончаров, там же было место для репетиций, небольшой зал, который использовался то как столовая, то как бар, а потом превратился в дискотеку... В нем новообразовавшаяся команда, троица студентов, известная уже многим своим балагурством, мастерством по части выпить, повеселиться, стала на гитарах тренькать...

Скоро дотренились до того, что стали во время дискотеки вклиниваться между номерами и с завидным отчаянием и весельем “лупить” вещи английского происхождения, то есть по мелодике английские, а по словарному составу – чистую тарабарщину, слов никто не знал и знать не хотел, хотя упрекнуть их в том было по техническим причинам невозможно: слова на тамошней аппаратуре не прослушивались. Народ, оторванный от дискотеки, относился к жутким ритмам с непониманием, потому что танцевать становилось очень сложно. И просто слушать было сложно, так что от музыки кайф ловили преимущественно музыканты, публике удовольствия не доставалось.

Впрочем, самих музыкантов это не очень расстраивало. Оригинальность рок-н-рольной жизни тех времен заключалась, в частности, и в том, что жизнь эта была практически независима от чего бы то ни было, в том числе и от публики. Чтобы стать настоящим рокером достаточно было время от времени таскать по институтским коридорам какие-нибудь колонки, время от времени блуждать по тем же коридорам с загадочным видом, а в оставшееся время пить портвейн и разговаривать о музыке.

Ребята были студентами, портвейна вокруг – пруд пруди, разговоров и компаний – выше крыши. Там, в компаниях, и проглядывало время от времени одно довольно странное свойство Бутусова: он был прирожденным лидером, но как бы помимо своей воли. Приходил потихоньку, садился в уголок, сидел себе тихо, не стараясь привлечь общее внимание, но внимание само собой постепенно на него переключалось.

Вспоминает Саша Зарубин:

Особенно когда он играл и на ходу придумывал гармонию, а пел английскую тарабарщину. И что-то из него шло, заставляло его слушать, какой-то кайф ловить... Так было, когда я еще только-только с ним познакомился, даже вместе еще не играли. В этих случаях Слава, на удивление, не визжал, пел хриплым, низким голосом; наверное, это ближе к тому, как он сейчас звучит. А манера, в которой он пел в общаге на танцах, была совсем другой, визжащей и кричащей.

Так или иначе, в 1982-м появилась первая запись, сработали ее втроем плюс Андрей Макаров, студент курсом помладше и звукооператор. Получился альбом, причем без названия. Это очень интересная черта: обыкновенно начинающие рокеры в первую очередь придумывали название и группе, и десятку будущих альбомов, и только потом учились играть на гитарах. А “Группа из Промобщаги” существовала, записывалась, и все без названия.

Альбом был готов, оставалось заставить хоть кого-то из рокеров его послушать, что было не так и просто. Разнообразие свердловской рок-н-рольной жизни сводилось в те времена к постному выбору между “Треком” и “Урфином Джюсом”, относившимися друг к другу, мягко говоря, прохладно. Первый являл собою объединение герметичное, напоминавшее религиозную секту с уклоном в философию и морализаторство... Оставался “УД”, во главе которого стоял вездесущий и всеобъемлющий Сан Саныч Пантыкин, маленький, джинсовый, перманентный – в смысле волос, а не пространственно-временных характеристик – и страшно знаменитый, о чем сам не то чтобы догадывался, а просто знал. Невзирая на прошлые встречи, добраться до него было сложно.

Вторая стычка с “Урфином Джюсом” чуть не закончилась для Славы печально: на концерте в одном из техникумов присутствовали земляки Белкина и Назимова, жители города Верхняя Пышма, эдакого свердловского Ливерпуля, люди простые, а Славе взбрело в голову жечь спички, что пышминцам по пьяному делу не понравилось. И некто Мишель Злоцкий, впоследствии, разумеется, тоже рокер, обратился к Бутусову на предмет прекращения пожароопасного занятия. Слава отвечал, что ведь “по кайфу”.

– Я тебе дам, по кайфу!.. – И Славе чуть-чуть зажженные спички не нагорело... Разбор тогда быстрый был, рок-н-рольный...

До Пантыкина Бутусов все-таки добрался, и тут выяснилось, что оба любят “Led Zeppelin”, это было в те времена волшебное слово. Кроме того, выяснилось, что Слава со товарищи как раз закончили запись. Вскоре Дима со Славой и портвейном явились к Пантыкину в гости. При них была магнитофонная катушка, раскрашенная в лучших мальчишеских традициях “под фирму”: чего на ней только не было нарисовано, наклеено, а на вкладке значилось: “Али-Баба и сорок разбойников”. Было ли это название группы либо название альбома, Пантыкин так и не понял. Однако участие в судьбе будущих “Наутилусов” принял самое горячее. В первую очередь тем, что понес пленку по городу.

Отзывы были разные.

Вспоминает один из несложившихся поэтов “Нау”, Дима Азин:

Играли плохо, запись была вообще никудышная, но там был Бутусов, орал страшно, верещал, вообще что-то там было такое... крутое совершенно.

Вот еще.

Вспоминает Егор Белкин, тогда гитарист “Урфина Джюса”:

А Сан Саныч Пантыкин говорит: “Вот молодые какие-то пацаны”, – и приволок эту запись. Я послушал, и что-то меня так качнуло, что парень вопит из последних сил... Ну, действительно, там такие вокальные штуки были... В общем, они явные были рокеры, хоть и в кепочках. Они выглядели очень прилично.

В любом случае, их услышали. И сразу посоветовали сменить барабанщика. Далее произошло событие незаметное, но важность его недооценить трудно: первый разгон в будущем “Нау”.

На том же курсе учился высокий строгий юноша Саша Зарубин; постепенно выяснилось, что он играл на барабанах и в школе, и в армии. К нему и подошел однажды Слава, позвал “попробовать”. Зарубин согласился, вместе отправились в студенческий клуб, едва взялись за инструменты, как вошел Гончаров. Сел, молча посидел, послушал, подождал, когда кто-нибудь что-нибудь ему объяснит, и ушел. Кстати, никто ему так впоследствии ничего и не объяснил.

Примерно тогда же, осенью 1982-го, пригласили в группу Андрея Саднова, гитариста. И вскоре началась в клубе Арха методичная работа над новой программой, которую планировалось записать летом. Группа оформилась, хотя сразу было понятно, что группа эта – студенческая, институтская. Разве что Слава с Димой вели себя для просто любителей несколько странно: друг без друга их увидеть уже было почти невозможно. По вечерам, когда Зарубин с Садновым уходили домой,

парочка лидеров оставалась, и если бы институт не запирался на ночь, сидела бы до утра...

К тому времени окончательно оформилось разделение функций.

Вспоминает Саша Зарубин:

Слава был тогда странный, какие-то биотоки от негошли, и было неважно, что он поет, он чисто физически ловил свой музыкальный кайф, чего, конечно, про Диму сказать нельзя. Дима был большой энтузиаст в плане организационном, если нужно было о чем-то договориться, договаривался он, все вопросы решал он. Слава в этом плане был человек не то чтобы пассивный, это было “не его” по натуре. Но Диму он не использовал, просто ловил кайф оттого, что на гитаре играет, поет, сочиняет свои песни. Об остальном он просто не задумывался. В этом был кайф и для Умецкого, он все равно понимал, что как музыкант он слаб. У Димы в большей степени крыша ехала в том плане, что “мы будем крутые” и тому подобное. Хотя если он это и говорил, то в виде шутки.

А пока была зима, и обсуждался Пантыкиным и Колей Граховым, энтузиастом рок-н-ролла и будущим президентом Свердловского рок-клуба, вопрос – кому ехать на рок-семинар. Пусть не сразу, но вспомнил Сан Саныч про Славу: “Есть в Архитектурном коллектив, тоже „Led Zeppelin“ играет”. Название “Led Zeppelin” было паролем – Коля сказал: “Берем!”

Что такое рок-семинар в 1983 году? Это очень большая пьянка. Отчего-то именно в это время, когда повсеместно рокеров поприжали, в Свердловске комсомольцы возьми да и организуй попойку за

государственный счет. Очевидно, хотели выпить... Рокеры тоже выпить любили, так что начался семинар дракой, условно говоря, между “Треком” и “Урфином Джюсом” в лице барабанщиков Володи Назимова (“УД”) и Жени Димова (“Трек”). Надраться и подраться они успели еще по дороге, в автобусе, а на турбазе, где поджидала основная рок-н-рольная масса, ударников уже выносили из автобуса на руках.

Дальнейшее семинарствование проходило в портвейновом угаре, вечером играли невообразимый сейшн, кто с кем до сцены дошел, тот с тем и играл. Утром играли в футбол на заснеженном поле, потом пили на лекциях, до которых, впрочем, Слава с Димой не дошли – хитроумные архитекторы стояли с бутылкой портвейна у входа в лекционный зал и щедро из этой бутылки всех одаривали. Последним семинарским утром, когда голова была на всех одна и болела нещадно, а денег тоже на всех чохом не наблюдалось, Александр Васильевич Новиков, совершенно тогда непьющий, молча куда-то уехал и вернулся с ящиком пива. Так был спасен свердловский рок...

Собственно говоря, на семинаре ничего особенного не произошло, поскольку до такой степени пьяные люди ничего особенного совершить не могут. Единственным подлинным событием стало знакомство с будущим “Наутилусом”. Стоит ли говорить, что молоденькие и неожиданно для рокеров прилично одетые архитекторы всем моментально и окончательно понравились?.. Впрочем, еще по дороге на турбазу случился (кроме драки) один весьма примечательный разговор.

Вспоминает А.Коротич:

Мы ехали со Славой, разговаривали. Он сказал, что у него проблемы с текстовиком и что

он хочет обратиться к Кормильцеву. Я его начал отговаривать, на что Слава промолчал.

Тут же по возвращении они и договорились с Пантыкиным о совместной записи альбома. Мэтр согласился, он никогда не мог отказать себе в удовольствии стать кому-нибудь родным папой. А формальным поводом сотрудничества стала песня под названием “Ястребиная свадьба”, которую Слава просто не знал, как делать. Тогда наусы впервые встретились с Шурой Полковником, который годами позже стал их бессменным звукорежиссером; встретились и с его прославленным магнитофоном типа “Тембр”, у которого в каких-то мистико-акустических целях сбоку висели натуральные консервные банки. Шура утверждал, что банки отводят помехи, по всеобщей электрической безграмотности ему приходилось верить. Естественно, до магнитофона с банками Макарова не допустили. Андрюха обиделся. Тогда – в первый раз.

Работали в июне, Зарубина от института послали сено косить, пришлось ему сбежать. Как только доделали инструментальные подкладки, Полковник, человек вообще безапелляционный, заявил: “Всем выйти, Слава смущается!” – и выгнал музыкантов, те опомниться не успели. Слава стал петь...

Вспоминает Пантыкин:

Во время работы люди приходили, говорили самое разное: что это бесперспективно, что Славка петь не умеет, что все это нудно, заунывно... А многие утверждали и обратное, что это “класс”, необычно, но, правда, петь чувак все равно не умеет.

Тогда же появилось название “Наутилус”. Предложил его Андрей Макаров, который до того предложил и неприжившегося “Али-Бабу”. Большого впечатления название ни на кого не произвело, так что довольно долго им и пользовался один Макаров. Однако понемногу, коль скоро другого не было, “Наутилус” прижился сам собою.

“Переезд” вышел чрезвычайно по манере пестрым и неопределенным, но вышел. И мало кто его услышал.

Из интервью А.Зарубина:

Даже в институте “Наутилус” никто толком не знал. Андрюша Макаров жил в общежитии и какой-то “промоушн” пытался устроить, хотя на танцах это было сложно крутить, под такие вещи не потанцуешь... Но он все равно ставил. И все равно общая масса нас не знала. Да, собственно, успехов-то практически никаких и не было.

Успехов особых не было, но к осени потребовалась институту агитка, дабы сеять культуру среди студенческих и крестьянских масс, а кандидатов, кроме “Нау”, не наблюдалось. Их поставили в известность, что нужно готовить программу, и тут стало понятно, что под Славины вещи заставить танцевать невозможно даже студентов на картошке. За несколько дней насобирали песенку типа “Опять от меня сбежала последняя электричка”, аранжировали посмешней, а кроме того, взяли в группу нового человека, Витю Комарова, более известного по прозвищу Пифа. Взяли клавишником, поскольку Пантыкин, игравший на модном по тем временам “препарированном пиано” (в молоточки втыкались кнопки, при ударе о струны издающие “почти синтезаторный” звук, но при этом

отчаянно эти самые струны рвавшие), произвел впечатление неизгладимое, успех напичканного кнопками фоно решили развивать.

Программу сдали кислой комиссии и отбыли в деревенское турне. В сопровождении девочек в черных трико, которые в первом отделении танцевали, и пары чтецов-шутников объехали по точкам несколько районов, программа с “электричками” скоро обкаталась, работали в деревенских клубах “для местных”, на площадках для утомленных картошкой студентов.

Из интервью А.Зарубина:

Для Славы, для Димы это были, скорее всего, первые выступления со сцены, кайф они ловили страшный, а залы в клубах всегда были полные, там не каждый день такое бывает... Залы маленькие, даже нашей аппаратуры хватало, народ приходил процентов на пятьдесят пьяный, свистел, орал, а после концерта нас всегда ждала брага... Хотя пили не слишком много, деньги нас сдерживали. В общем, все были счастливы.

Впрочем, деньги – не помеха, и самым дельным человеком в агитке оказался шофер Серега, всегда возивший сено, а тут вдруг – музыкантов, чем Серега очень гордился. ГАИ на поселковых дорогах не наблюдалось, так что пил Серега с группой наравне и очень всех любил.

Вспоминает Зарубин:

Однажды он с какой-то девицей договаривался насчет бесплатной браги, а она хотела деньги стясти, так он ей говорит: “Ты

что, с ума сошла? Приехали рокеры, ездят, нас веселят, а тебе три литра браги жалко..." Она смутилась, извинилась и принесла брагу.

Тут же приведем еще одно замечание Саши Зарубина, тоже не лишнее забавности:

А что касается женского пола, настолько Слава с Димой были внутри музыки, что о женщинах даже разговор не заходил. После агитки две девицы, которые в трико на сцене танцевали, подошли ко мне и говорят: надо как-нибудь собраться... Я Славе сообщил, что девочки предлагают вместе посидеть, Слава сказал: "Да ты что, посылай их сразу!"

По приезде из агитки выяснилось, что кому-то нужно играть теперь уже на вечере первокурсника, кандидатов, разумеется, не было, и у "Наутилуса" один из организаторов поинтересовался, нет ли в репертуаре чего-нибудь поинтересней "электричек". Ребята предложили свою программу. Репетировали наскоро, в клубной комнате, без вокала. Слава вообще не любил петь на репетициях, так что играли один инструментал. В первом отделении концерта выступала самодеятельность, а у "Нау" уже была некоторая известность, заработанная на колхозных полях; в зале покрикивали: "Наутилус! Наутилус!" Ребята в это время судорожно отработывали "на коленках" недорепетированное заранее.

Перед вторым отделением натянули на сцене и в зале какие-то сети, подукрасились и... скисли на первой же песне. Это был первый концерт студенческой группы "Наутилус", он же оказался и последним: программа недоработанная, сырая, разученная без вокала, опыта никакого и полный зал ДК

автомобилистов, первый большой зал в их жизни. Доигрывали “на автомате”, публика прокисала на глазах. Слава повернулся к залу боком, носом в кулису, дотягивал кое-как, в “Ястребиной свадьбе” просто перестал петь. Впоследствии это станет его коронным трюком, музыканты вновь и вновь, как и в тот, первый раз, будут играть “на месте” в ожидании слов... Покуда не надоест.

Умецкий еще пытался переломить ситуацию, в конце закричал: “А теперь Лядовы Цепеляны!” – шутка – врезали “Цепов”. Их в агитке более-менее обкатали, прошло чуть веселей... С концерта уходили в настроении кошмарном. И были поражены, когда на следующий день в институте к ним подходили совсем незнакомые студенты и благодарили за новые песни...

В некотором смысле история студенческой группы “Наутилус” тем и кончилась: дело шло к дипломам, к выпускным экзаменам, выяснялось понемногу, что не все собираются дудеть в дуду, у некоторых касательно будущего были собственные соображения. Отчего будущее становилось неопределенным; группа кончалась, если не считать одного занимательного случая: их пригласили на ТВ. Даже не пригласили, а притащили “урфин-джюсы”, которых в свою очередь и правда пригласили в новогоднюю развлекательную программу, составленную из номеров студенческой самодеятельности. Так появился на свет божий первый клип грядущего “Наутилуса” и – что действительно интересно – состоялось первое деловое сошествие Славы Бутусова и Ильи Кормильцева.

Забавно, но имел место самый настоящий “социальный заказ”: “Урфин Джюс” должен был сочинить песню веселую; ею оказалась великолепная старая белкинская шутка с оригинальным названием “Новый год”. “Нау” была заказана песня грустная;

наскоро, впопыхах выдали на-гора шедевр под названием “Пыль снежная” и со стихами Кормильцева:

*Пыль снежная летит в глаза и тает на лице,
Мерцая, словно бриллиант в серебряном
кольце...*

Очень романтичная была песня, очень романтичный стоял Слава в ореоле кружащихся рождественских свечек, а руки того же Пантыкина профессионально скакали по клавишам рояля. Впрочем, говорят, что на самом деле руки были Пифины, то есть Комарова. А сам рояль не звучал, потому что микрофона не хватило. Передача вызвала какой-то гнев каких-то властей, вышла днем, никем почти не замеченная, и тут же, согласно директиве свыше, была стерта. Копия, впрочем, по случайности сохранилась.

Невзирая на скандал и рискуя получить еще один, режиссер опять пригласил “Наутилус”, записали звук, но на съемки видеоряда Слава неожиданно поехать не смог. Встала проблема: кому за солиста рот открывать? Отказались все и сразу, пришлось “Славой поработать” Саднову, режиссер обиделся, передача вышла без “Нау”.

И... долгая, глухая пауза... Дипломы, военные лагеря, все кончалось само собой. Больше всех такое положение дел не нравилось Умецкому, уже в лагерях он постоянно заводил разговор на тему: “Пора дело делать”. Внешне все упиралось в студенческий статус “Нау”: без институтского клуба они лишались аппаратуры, базы, всего. Проблем внутренних было больше. Дима дергался, Слава отмалчивался. Пытались заставить Зарубина купить барабаны, которые, разумеется, своей стоимостью превосходили все возможности вчерашних студентов, что Зарубина ставило в тупик. Дима выдвинул смелую идею: а не

поехать ли Саше в стройотряд, не заработать ли денег, не продать ли все, что дома есть, тогда на барабаны как раз хватит. Зарубин отвечал, что самому Диме роскошную бас-гитару подарила бабушка из Германии, так не подарить ли бабушке заодно и барабаны?..

Одним словом, в июне месяце все уже работали, Саднов выходил на диплом и был страшно занят, со студенчеством было покончено. Казалось, со студенческими мечтами тоже...

1985. “Невидимка”

Если архитектура – это застывшая музыка, то советская архитектура – это застывшая советская музыка.

В. Бутусов

Как ни странно, в реальном появлении группы “Nautilus Pompilius” виновата социалистическая организация труда: после веселого Арха ребятам предстояли большие испытания в виде проектных институтов. Славе предназначен был Уралгипротранс, Диме – Уралтеплоэнергопроект. В последнем заведении Умецкий целый год рисовал на планшетах декоративную плитку: планшеты напоминали ему стены общественного туалета. Бутусов тоже работал... с отвращением. И никакой богемы, привычной по вольному Арху, никакого веселья, все больше тупая производственная пьянка...

Остальные члены “Наутилуса” разъехались кто куда, а плюс еще семьи, забота о завтрашнем дне, легкая неустроенность, неуклонное повышение производительности труда и прочая, прочая... В конце 1984-го Славу с Димой от происходившего тошнило, и нешуточно.

А тут еще съездили Слава с Димой в Питер. У свердловских рокеров в те времена была странная система поощрений: подающих надежды отправляли в Питер, на рок-концерты; заранее созванивались с организаторами, чтобы билеты начинающим рок-н-рольщикам обеспечить, “на шару” туда пробиться было совершенно невозможно. Обратно оба приехали просто окрыленные, с горящими глазами. Очень может

быть, поездка эта сыграла в их судьбе роль едва ли не решающую.

На дворе стоял 1984-й, в воздухе пахло гарью: полуживой Черненко на троне, гонения легкие с порывами до средних, переходящие в нешуточные, общее рок-н-рольное уныние и бесконечные переговоры с комсомольско-культурным начальством... Именно в этот момент из города Верхняя Пышма возник странный человек Толя Королев, он-то и сбил с пути истинного пару начинающих архитекторов.

Королев был циник, то есть человек честный, он хотел делать деньги и делать их на музыке, работал на опытном заводе то ли мастером сменным, то ли что-то подобное, а по вечерам занимался дискотеками, тогда это дело было в расцвете. На ниве музыкального бизнеса Толик успел потрудиться, среди рокеров имел твердую репутацию проходимца, так что выбора у него особенного не было, но были напор и деловая хватка. Тут и подвернулся ему приунывший “Наутилус” в количестве двух человек. Толик взялся за дело: купил Славе первую настоящую гитару, купил остродефицитный микрофон типа “Шур” и в довершение всего подбросил идею записаться вдвоем.

А к тому же один из свердловских рок-авторитетов (пока умолчим об авторстве) встретил однажды Славу с Димой и заявил: “Ничего из вас не выйдет. И ничего вы никогда не запишете!” Приговор архитекторов добил и разозлил одновременно. В середине января 1985-го Слава с Димой решились окончательно, договорились с урфиновскими звукарями, с Ильей Кормильцевым, тогда владельцем единственной в Свердловске портативной студии, а в первых числах февраля неожиданно возникли в гостях у Вити Комарова, клавишника студенческих времен, тоже изрядно к тому времени подуставшего от работы в конторе под названием Главснаб.

Витя “Пифа” Комаров отличался демонстративно – по тем временам и представлениям – не рок-н-рольной внешностью, отчаянным весельем и наличием машины марки “Жигули” по прозвищу “Голубой Мул”. Бог весть почему, но Пифы Дима со Славой поначалу стеснялись и объясняли всем его появление в группе именно наличием машины, которая весьма во время записи может пригодиться. Но когда оказалось, что Пифа отличается, кроме машины, еще и удивительным музыкальным чутьем, стесняться перестали.

В середине февраля они уже сидели на квартире бывшего однокурсника, Димы Воробьева, и записывали “Невидимку”. Дело происходило весело, безвылазно, а когда на записи один из звукарей поинтересовался, нет ли чего поесть, радостный Умецкий извлек из-под стола ящик портвейна. Альбом писался бодро, полупьяно, с азартом, постоянно приходили и уходили какие-то друзья, некоторые оставались, некоторые – до утра... Слава записывал вокальные партии, зарывшись с головой и микрофоном под одеяло, потом выскакивал оттуда на свет божий красный от удушья, весь в поту. И всем было ясно, что альбом просто не может не получиться.

Точку поставили 8 марта, вечером наусовская троица тайком сорвалась с записи, унося драгоценную пленку, и в общежитии Архитектурного института состоялась неофициальная премьера. Дискотеками там заведовал Андрей Макаров, к нему и обратились: “Андрюха, это надо поставить на дискотеке...”

И Андрюха поставил “Гуд-бай, Америку”... Ребята страшно волновались, и... ничего. Никто не понял, не поздравил, первые рецензии были выдержаны в духе: “Ну, „Наутилус“ и „Наутилус“...”

9 марта состоялась вторая премьера, теперь уже официальная, с рокерами и портвейном. Там же, в квартире Димы Воробьева. И тут наусы расквитались за

вчерашний холодок: маститые рокеры просто растерялись. И как-то неуверенно, постепенно набирая обороты, принялись хвалить “Наутилус”, о котором еще вчера вспоминать не хотели! Один только авторитет, недавно пророчивший им полное забвение, сидел молча и угрюмо, к вечеру случился у него внутренний кризис на тему “мир ушел вперед, а я стою у дерева”... Такова печальная история о том, как Пантыкин побывал в роли пророка и что из этого вышло.

В те же дни встала еще одна проблема: название. То, что группа вырвется за пределы Свердловска, стало ясно всем, однако в те времена “Наутилусов” в стране насчитывалось от трех до девяти, не считая бесчисленную самодеятельность, тоже знакомую с Жюлем Верном, так что в массе “Наутилусов” вполне можно было потеряться. Выручил полиглот Кормильцев: он единственный не только читал французского фантаста, но еще и знал, откуда взялось название подводной лодки капитана Немо. Кормильцев рассказал о моллюске, размножающемся весьма своеобразно: он отрезает от себя членики, наполненные плодотворяющей жидкостью, а те самостоятельно отправляются на поиски адресата... Факт, к тому же зафиксированный в последней песне альбома: “Я отрезаю от себя части...”, показался символичным, “Наутилус” стал “Помпилиусом”.

Так само собой и получилось, что за каких-то несколько дней “Нау” из полуобреченной некогда студенческой команды превратился в рок-группу, к тому же с оригинальным полулатинским названием и очевидной потенцией стать лучшей командой города. Тяжеловесные “Трек” с “Урфином Джюсом” с трудом доживали последние свои деньки, именно на “Наутилус” ложился груз ответственности за будущее свердловского рока; это понимали все, понимали ветераны, коим такое положение не слишком-то

нравилось, понимали и Дима со Славой, оттого и нервничали.

Начиналась полоса долгих, нервных метаний, продолжавшаяся почти год. Для начала нужно было определиться со стихами. Вообще-то тексты Слава сам писал, но сам же отдавал себе отчет в том, что с текстами у него не очень-то получалось. Как ни крути, в “Невидимке” рядом с блистательной “Гуд-бай, Америка!” (“Последнее письмо”, слова Д.Умецкого) помещалась история о том, как “леопард гоняет стадо, а те в изнеможении орут...”, разгадать таинственный смысл которой мало кому удавалось даже после подробных Славиных комментариев. Когда-то пробовал он поработать с Димой Азиным, приятелем Пантыкина, поэтом, – не получилось. А мысль о том, чтобы пригласить в группу Илью Кормильцева, возникала в разговорах давно, еще в 1983-м. Но Слава все не решался: по тем временам Кормильцев был величиной изрядной и фигурой более чем противоречивой.

Дело заключалось даже не в том, что Кормильцев был “штатным” поэтом “Урфина Джюса”, в каковой роли автоматически попадал в категорию “махров”, а в чрезвычайной оригинальности самой персоны Ильи Валерьевича, которая одновременно людей к нему притягивала и их же от него отпугивала. Химик по образованию, полиглот по призванию, знаток совершенно невероятного по нормальным понятиям количества языков (штук около пятнадцати) и обладатель самых странных познаний из самых неожиданных областей человеческого опыта, поэт и в некотором роде философ, Илья Кормильцев отличался странностью внешнего вида, невоздержанностью поведения (в обществе, разумеется) и... чем он только не отличался... Хотя Славе был он, естественно, интересен главным образом в контексте поэтических способностей, но именно в этой области репутация

Кормильцева была в тот момент на грани самоуничтожения.

Илья писал стихи для “Урфина Джюса”, и мало где его ругали с таким усердием, как в “Урфине Джюсе”. Почему – вопрос другой, однако стараниями джюсовцев среди свердловских рокеров к 1985 году утвердилось мнение, что Кормильцев – поэт “нулевой”, работать с ним – только время терять. И тут, ко всеобщему изумлению, возник Слава. Помните, как по дороге на рок-семинар старый друг и автор многих обложек и “УД”, и “Нау” Саша Коротич от сотрудничества с Кормильцевым “стал Славу отговаривать”?.. Его и после отговаривали многие и весьма усердно; но отговаривать Бутусова, который что-то решил, дело безнадежное. И слава богу, иначе не довелось бы нам услышать ни про Делона, ни про “скованных”, ни про “хочу быть с тобой”.

Впрочем, прецедент сотворчества с Кормильцевым уже был, когда во время телевизионных съемок давней новогодней программы Кормильцев наскоро изобразил на Славину музыку нечто постсоветское: “Я мерз, но грел собою снег, а значит, жил. И так в сражение холода с теплом я победил!” Второй совместной работой стала песня “Кто я?” из “Невидимки”, третьей – песня про девочку и фотографию известного французского киноактера... Тут вышел казус, едва сотрудничество не расстроивший: первое прослушивание вызвало у поэта чувство воодушевленного недоумения.

“Премьера песни” случилась во время очередной дружеской попойки в коммунальной комнате Вити “Пифы” Комарова, в которой, кроме хозяина, жил в те времена Федор, манекен; его некогда в воспитательных целях использовал на своих концертах “Урфин Джюс”. Без руки, без ноги, потрепанный и побитый, Федор производил впечатление труповидное и использовался в качестве ночного сторожа Витиной машины: сидел в

ней по ночам, воров отпугивал. И неплохо с такой ролью справлялся.

Итак, происходила попойка, и Слава неожиданно сообщил, что решил подарить Илье на день рождения песню. До дня рождения оставалось еще месяца три, но это детали. Тогда и выяснилось впервые под музыку, что “Ален Делон не пьет одеколон”. Илья жутко взбодрился, выскочил на балкон, схватил Федора в охапку и сбросил его с третьего этажа. Стоял непоздний вечер, народ по улице прогуливался и происходящим выкидыванием натурального почти человека был, мягко говоря, ошарашен... Наусы с хохотом и криками выскочили на улицу, подхватили бедного Федора под руки, под ноги и с причитаниями типа: “Осторожно, ногами за дверь не зацепись!” – утащили в подъезд. Говорят, соседи потом на Пифу донос состряпали, а может, и не было такого, неважно.

Фокус заключался в том, что Илья написал смешные, даже издевательские стишки о пролетарской дурочке из многоэтажных кварталов, единственным утешением для которой среди фантасмагории родимого бытия стала фотография на стене.

Ален Делон, Ален Делон
Не пьет тройной одеколон.
Ален Делон, Ален Делон
Пьет двойной “Бурбон”...

Именно “тройной” в противовес “ихнему двойному”...

Слава воплотил их в сочинении почти трагическом. Неудивительно, что Илья крепко насторожился, услышав тяжелую, полную мрака и безысходности песню на свои по замыслу ернические стишки. Но в отличие от урфиновского прошлого, в котором поэт

отличался чрезвычайной скандальностью и готовностью биться насмерть за каждую запятую, ругаться не стал, стерпел даже исчезновение целого слова “тройной”, которое Слава по каким-то личным соображениям петь отказался наотрез.

В итоге оба соавтора не слишком-то понимали, как к этому эксперименту относиться. Дело решил Шевчук, каким-то ветром занесенный в Свердловск; в то время свободный и умный, читавший философские труды Толстого Л.Н. и что-то постоянно проповедовавший, причем с употреблением таких слов, которые свердловским рокерам и не снились. Разве что Кормильцеву, да и то в дурном сне... Слушали его напряженно, но поступали “с точностью до наоборот”. В тот приезд Юрий Юлианович почему-то отчаянно агитировал Бутусова ни в коем случае не связываться с Кормильцевым. Однажды вечером, когда по обыкновению пили у Белкина горячительные напитки и с упоением спорили, Шевчук пошел в атаку и заявил, что “по-настоящему” у Бутусова песни получаются только на свои тексты.

– Например?.. – осторожно спросил Слава.

– “Ален Делон”, например! – отрубил Юрка.

С тех пор Бутусов с Кормильцевым стали гораздо друг к другу ближе. Но оба всегда и со вниманием прислушиваются к словам Шевчука.

Завершилась эта история значительно позже, в 1988-м, на сочинской набережной, где после гастрольного концерта прогуливались в полумраке и по обыкновению спорили Бутусов и Белкин. Егор, следует заметить, относился к “Делону” давно и плохо, а с некоторых пор вел совершенно разнузданную “антиделоновскую” агитацию, сводившуюся к требованию “подзаборных песен не исполнять”. Слава все не соглашался, и надо же такому случиться, чтобы в районе гостиницы “Ленинград” из кустов донесся

нестройный, невпопадный юношеский хор, в добрых дворовых традициях поминавший под расстроенную гитару известного французского киноактера.

– Слышал? – возопил ликующий Белкин.

Слава промолчал. Но больше про “Алена Делона” уже никто и ничего из его уст не слышал. А жаль.

Однако вернемся к исторической реальности: альбом все-таки записали, и “Наутилус Помпилиус” явился в свет собранно, мелодично, пусть даже слегка выпивши. Важнее всего в тот момент для ребят было перейти из разряда рок-н-рольных друзей в разряд собственно рок-н-рольщиков.

К тому времени достаточно уже знаменитый “свердловский рок” в реальности представлял собой замкнутую группу человек из десяти, между собою задолго и накрепко переругавшихся. С одной стороны, друг друга они терпеть не могли, с другой – новичков в свой гадюшник старались не допускать. Что ни говори, а дело не только в амбициях: время стояло позднесоциалистическое, полувоенное, чувство опасности распространялось на всех, даже на близких друзей. В мае 1985-го уже вяло дул “апрельский ветер перемен”, а в Уфе газетные статьи приговаривали Юру Шевчука чуть ли не к расстрелу...

Рокеры могли с тобой дружить, пить, разговоры разговаривать, но всегда существовала некая корпоративная грань, переступить которую не удавалось почти никому. Над наусами, которых все знали еще со времен рок-семинаров, зависла некая неопределенность: “Невидимкой” “махры” готовы были даже восхищаться, но авторов все еще пытались при встрече милостиво по головке погладить. Но был ход: старые супергруппы дружно приказали долго жить и о себе вспоминать, начиналась “эпоха сольников”. Тут “махры” готовы были с наусами посотрудничать, но на вторых – для “Нау” – ролях. Слава с Димой, которым

юношеской гордыни в те времена было тоже не занимать, мудро стерпели. Они пошли в “наймиты”.

Уже в мае 1985-го они в качестве сессионных музыкантов работают в проекте Жени Димова, бывшего руководителя и барабанщика группы “Трек”, записывают с ним ультраметаллический альбом под названием “Мост”. Чуть позже, в июне-июле, тоже в качестве сессионников работают над записью альбома Егора Белкина “Около радио”. Там же, во время перерыва, всем “Наутилусом” записывают с Настей Полевой Славину песню “Клипсо-Калипсо”, записывают просто так, чтобы Насте помочь. В августе помогают Пантыкину записать музыку к спектаклю Свердловского ТЮЗа “Три пишем, два в уме”; это, кстати, одна из самых смешных их записей, пели песни Андрея Макаревича “в оригинальной упаковке”, веселились до упаду.

Но и в рамках “Нау” двигались вперед: чуть не каждый день – репетиции, 1 июня состоялись первые гастроли в Челябинске, там играли в каком-то заводууправлении с Настей в роли вокалистки, но без Шевчука, который обещал приехать и не смог.

В результате к осени неожиданно для “махров” оказалось, что “Нау” – “в доску свои”. Результат, кстати, замечательный, тому же “ЧайФу” потребовалось еще почти полтора года на то, чтобы “войти в топ”. Уже в середине октября вполне серьезно обсуждается перспектива совместных концертов с “Урфином Джюсом”, в тот же день вечером в обкоме ВЛКСМ разбирались программы трех групп: “УД”, “Нау” и “Флага”. И после длительного разговора – вердикт: все три группы допущены к фестивалю! Сейчас трудно сказать, к какому именно из несостоявшихся фестивалей, но определенно следующее: на внешнем – пусть внутрисвердловском – фронте “Нау” одержали победу. На фронте внутреннем дела шли иначе.

1985-й двигался к концу на всех парах, то есть на нервах. К осени наусы не на шутку дергались: над группой висела странная неопределенность. Все вокруг будто бы оживало, в городе наметились кое-какие подвижки с рок-клубом, в воздухе, если не считать исчезнувшего алкоголя, витало ощущение послаблений; “Наутилус” топтался на месте в судорожных попытках обрести собственное лицо. Которое почему-то не обреталось. Сотрудничество с Настей, общей любимицей, ни к чему определенному не привело и понемногу сходило на нет. Успели, правда, записать по случаю Слаvinу песню “Белые волки”, Настя пела, подпевала трогательным голоском очаровательная Славина дочка, шестилетняя Анечка, дальше не пошло.

26 октября состоялся первый “настоящий” концерт “Наутилуса” в Свердловске, в ДК МЖК. Пифа, Настя, Слава, Дима. Затеял его Володя Шахрин, в те времена депутат райсовета и строитель собственной квартиры в рамках “молодежных движений”. Концерт был подпольный, то есть знали о нем все кто ни попадя; при входе случилась давка, каждый второй проходил, называя фамилию Пантыкина, отчего самого Сан Саныча организаторы впускать отказались. Звук был плохой, свистело, музыканты начали бодро, но скоро скисли. Выступление вышло сырым, непродуманным... Зал орал, хлопал, свистел... Ушли с импровизированной сцены разбитыми, потом долго пили и огорчались.

Шахрину, кстати, данная инициатива чуть не стоила честно заработанной квартиры: ответные меры не замедлили разразиться, и решено было Шахрину, как виновнику безобразия и вообще человеку, для руководства МЖК неудобному, в выдаче квартиры отказать. Заминали скандал силами будущего рок-клуба, Дима со Славой беспомощно ругались, Коля Грахов ходил в обком то ли партии, то ли комсомола. Кое-как утряслось.

В последних числах ноября была предпринята последняя, отчаянная во всех отношениях акция: запись нового альбома. Устроились у Славы дома, но дело не пошло: вещи были новые, да получались по-старому, по-невидимковски. То есть хуже. Слава нервничал, Дима то веселился, то ругался. Дошло до того, что в “Нес и не донес” Слава никак не мог придумать гитарную партию, остальные считали, что она совсем не нужна, в конце концов записали без Славы, пока он спал. Проснулся и, разумеется, разозлился. Вылилось все в ссору со звукооператорами.

Чтобы спасти положение, позвали Андрея Макарова, тогда он и стал “своим” звукарем группы; альбом дописали, но после долгих обсуждений решили не выпускать. И только почти годом позже стало ясно, что решение это было мудрым: чтобы прийти к “Разлуке”, нужно было новое дыхание.

А в стране творились странности, в рок-порядках происходила судорожная, пока невнятная активность, все говорили о переменах, комсомольское и околокультурное начальство вдруг сделалось вежливым: хотя и не стало еще явно заигрывать “со всякой шпаной”, однако разрешило некоторые собрания и разговоры о роли рок-музыки в деле воспитания подрастающего поколения. Каждую неделю шли бурные заседания полуразрешенного рок-клуба, на которых наусы выполняли главным образом функцию увеселительную. А то вдруг являлся на собрание чайфовец Вовка Бегунов, чем вызывал панику среди новичков: приходил в рабочей одежде, а работал он милиционером...

Как-то Бутусов шел на собрание, а у входа в ДК Свердлова стоял “синий коробок”. И рывкнуло из динамика: “Гражданин Бутусов, подойдите к машине!” Слава на подгибающихся ногах кое-как до машины доковылял и только там понял, что внутри сидит тот же

Бегунов. По причине душевного потрясения Бутусова пришлось портвейном чуть ли не на месте отпаивать... Так кончался год, весело.

1986. Прорыв

...и друг друга любить...

Русская народная песня

Год 1986-й начался концертом, посвященным дню рождения Сан Саныча Пантыкина, о чем из участников почти никто не догадывался. Проходил он 11 января в красном уголке института с мудреным названием Уралтехэнерго и во многом для “Наутилуса” стал решающим. По недоброй свердловской традиции был он полуподпольным с разрешения инструктора райкома комсомола Андрея Глухих, который и получил за это разрешение по полной мере: персональное дело на него завели уже 18-го того же месяца, рокеры долго потом собирали “по кругу” подписи под письмом в ЦК ВЛКСМ; но это другая история.

К вечеру около здания Уралтехэнерго, что на дальней заводской окраине Свердловска, толпились друзья и знакомые; утаить факт подпольности не удалось, многим билетов не досталось. С началом опоздали, как обычно, минут на сорок; сквозь казенные шторы в зал, прямо на сцену, било солнце. Над сценой гордо возносилась надпись касательно “электрификации всей страны”, здоровенный бюст Ленина с трудом задвинули в угол, кое-как закрутили в оконные шторы...

К началу концерта появился Леха Могилевский, саксофонист, тогда проживавший в деревне, где трудился по распределению после окончания музучилища в должности директора клуба. И откуда рвался обратно в город. Приехал он выступать с “Флагом”, но что-то не срослось, тут и подскочили

наусы, которые в тот день не пили, страшно волновались и впервые, кажется, были исполнены того особого “бодряка” (Умецкий очень любил это словечко), который потом помогал им “брать города”.

Вспоминает Могилевский:

“Нау” пригласили меня на халяву, даже не репетировали... Меня постригли, одели... А я был настолько зашорен, что говорил: “Да вы что, надо в тельняшке выступать! Такой рок будет!” Благодарение богу, Макаров не допустил меня до тельняшки, а одел в какие-то потрясающие футболки, бананы...

Касательно “футболок и бананов” замечание неспроста, группа напряженно искала свой образ, пусть не всем это было понятно – “махры”, люди опытные, к “футболкам” относились с осуждением. Искали и стиль музыкальный: Могилевскому как бы просто предложили подудеть, а в результате остался он в группе на годы.

Из интервью В.Комарова:

Мы говорим: “Ты же дудишь на саксофоне? Давай, в „Америке“ поддуди. Тут всего три аккорда... И в „Рислинге“ поддуй немножко”. И нам страшно понравилось. Решили попробовать его на следующей записи, хотя брать в состав тогда не собирались.

Концерт для “Наутилуса” прошел отлично, публика доброжелательно веселилась в зале, ребята отчаянно веселились на сцене и сошли с нее с явным желанием “мочить”. Уже вчетвером.

Появление Могилевского, которое внешне воспринималось почти как недоразумение, в реальности было логичным и даже необходимым. Здесь нам следует совершить небольшое лирическое отступление на тему хваленного свердловского профессионализма, ради чего процитируем газету *“Московский комсомолец”* (30.07.87) :

В Москве утвердилось своеобразное отношение к свердловским рокерам: это замечательные музыканты, обладающие настолько весомым багажом профессионализма, что с такой тяжестью за плечами им весьма непросто преодолеть рубеж десятилетий: 70-х и 80-х. Хотя вдумчивый исследователь уже в 83-м мог бы предположить, что группа, которая сумеет, не теряя присущего свердловчанам профессионализма, соотнести свое творчество с актуальными и болезненными проблемами, неминуемо выйдет в конце концов на первые места в советской рок-музыке. Такой группой стал “Наутилус”...

О профессионализме группы, и даже музыкальной ее изощренности, говорено и писано немало, однако профессионализм “Нау” – явление странное. Хотя бы потому, что Слава Бутусов на гитаре играл плохо. А Диме Умецкому не очень-то удавалась игра на басу... Лидеры группы изначально в профессионалы не годились, в чем сами себе вполне отдавали отчет. Но в Свердловске играть плохо было даже стыдно.

Краеугольным камнем наутилусовского “крепкого” звучания стал Витя “Пифа” Комаров, у него было несколько странное, но по-своему совершенное чутье на крепкую клавишную фактуру. Вторым подспорьем во времена от “Невидимки” до “Разлуки” стал синтезатор

типа “Ямаха ПС-55”, простенькая машинка, созданная – по японской задумке – для домашнего и детского музицирования. С каковой целью и был в нем встроены драм-бокс, электрическим путем имитировавший игру глуповатого, но достаточно уверенного барабанщика.

Для “Невидимки” этой пары оказалось достаточно, однако музыка менялась, становилась сложнее, обрастала совершенно новыми по духу текстами и скоро окончательно переросла и аранжировочные, и исполнительские возможности троицы архитекторов. Возникла брешь, с которой и пытались справиться весь 1985 год. Заполнил ее приход Могилевского, композитора, саксофониста, клавишника, вокалиста и аранжировщика. Леха и определил будущую характерность звучания и аранжировок “Нау” времен его “золотого века”. Не говоря уж о том, что был он выпускником не архитектурного института, а музыкального училища имени П.И.Чайковского – заведения во всех смыслах достойного.

Кстати, впоследствии, во время многочисленных кадровых пертурбаций, Слава брал в группу только профессионалов, желательно со специальным образованием. Барабанщики: Алик Потапкин – экс-“Флаг”, музучилище; Володя Назимов – экс-“Урфин”, училище; Игорь Джавад-Заде – экс-“Арсенал”. Клавишник Алексей Палыч Хоменко – этот просто везде переиграл и некоторым музыкантам чуть ли не в отцы годился; гитарист, звукорежиссер, мультиинструменталист, вокалист и композитор Володя Елизаров годился в дяди... И так далее... А потом и сам Слава научился.

Однако с приходом Могилевского не все было ясно: его в то время постоянно брал в группу Пантыкин; стать “урфин-джюсом” считалось великой привилегией; понимал это Леха, понимали и Слава с Димой. Но в “Урфине” дела шли к почетной кончине, скандал

следовал за скандалом, после каждого из них Пантыкин с малопонятной стабильностью, хотя и без особых оснований, Могилевского обратно выгонял. А потом опять брал

От урфин-джюсовской кадровой суеты Могилевский к июню, то есть к первому фестивалю рок-клуба, совершенно запутался. Наусы ждали. На фестивале взорвалась последняя бомба: “Урфин Джюс” выползал на сцену тяжело, с очевидным намерением посмертно провалиться, что успешно и сотворил на глазах многочисленной публики. Дело было не в Лехе, а в метафизике, но и он в тот день постарался; как раз к концерту пьян был до полной невменяемости. Его спешно мыли, прогуливали, материли, после чего выгнали на сцену. Ну Леха и наиграл...

Из интервью А.Могилевского:

И меня выгнали из “Урфина Джюса”, я ушел заплаканный совершенно. Славка меня обхватил, сказал: “Не плачь, завтра реабилитируешься”. А на следующий день – полная победа. И Славка оставил меня при “Наутилусе”.

Забавно, но обстоятельства инцидента еще долго вызывали в Свердловске подозрения, поскольку чьей-то доброжелательной рукой Леха как раз перед концертом уведен был на берег реки Исети, а там при участии того же доброжелателя “доведен до кондиции”. Возникли сомнения, а не задумано ли мероприятие и не осуществлено ли именно Бутусовым, ибо Славу в тот момент никто не видел. Мало кто знает, что деяние это на самом деле совершил Белкин, урфиновский гитарист, просто признаться у него духу не хватило. Так или

иначе, Могилевский стал четвертым из “Нау”, и это было хорошо.

Теперь к вопросу о “футболках и бананах”. Весь посленевидимковский период в манере одеваться и поведении на сцене Слава с Димой все еще пытались отыграть образ, созданный в студенческие времена “Группой из Промобщаги”, то есть всячески кривляться, извиваться, в чем были они со своей худобой и странной пластикой более чем забавны, но, к примеру, с суровым текстом “Князя тишины”, написанным венгерским поэтом-экспрессионистом Эндре Ади в начале века и непонятно как попавшим к Бутусову, ужимки и прыжки явно не ладились. А с последующим репертуаром кривляться становилось и вовсе странно. Клоунада, каковой они, по сути, и занимались, все больше противоречила песням, которые уже в материале “Невидимки” с натяжкой можно было отнести к “ерническим”, а с каждой новой работой “Нау” все дальше уклонялся в сторону, с клоунством несовместимую.

Последняя отчаянная попытка зацепиться за цирковую тенденцию была предпринята на первом Свердловском рок-фестивале, 20 июня 1986 года, попытка масштабная и во многом интересная. Были подключены архитектурные друзья, раскрашена и разукрашена сцена, перед началом выступления занавес закрыли, по авансцене бродили люди в странных костюмах, зал волновался. Пронесли плакат “Добро пожаловать!” – и опять унесли... В зале посвистывали, на местах Агап с Шахриным затянули “Светит месяц, светит ясный”. Песню подхватили, попели, публика сама занималась “предконцертной подготовкой”. После некоторых мытарств занавес разъехался, на сцену сквозь растянутую бумагу “вломились” Бубу и Уму, расписанные под коверных, в бодренькой раскраски костюмчиках. За музыкантами

выписывали странные па Корнет и Терри, два толстяка, старинные архитектурные приятели. И поехало...

Под звуки очередного прощания с Америкой наусы стали пускать в зал бумажные самолетики, на сцену взбегали рокеры, в финале собрался сборный хор музыкантов рок-клуба, он пел “Гуд-бай, Америка, о-о-о!”. Был почти триумф, было ощущение рок-н-рольного братства, но все равно ребята уходили с концерта какие-то нервные. Больше в клоунском виде “Нау” на сцене не показывался. Следующий концерт состоялся 5 сентября того же года – впервые перед публикой появились малоподвижные фигуры в псевдovoенной, псевдогусарской, псевдоорденоносной униформе.

Впрочем, в некотором смысле Слава так и не изменил образу клоуна, просто из Белого обратился в Черного, если такое возможно... И только много позднее, когда из песен полностью исчезли всплески черноватого юмора, Бутусов окончательно стал рок-звездой. Или не окончательно?..

Как бы то ни было, выступление на фестивале прошло удачно, наусов хвалили. На следующий день Слава с Димой в последний раз выступили в качестве вокалиста и, соответственно, басиста группы “Степ”, которой руководил Женя Димов, экс-“Трек”. “Рубились” страшно, Слава восседал на помосте в невероятных лохмотьях и с микрофоном в руках, пел по бумажке, поскольку тексты не выучил, что в зале воспринято было как оригинальность. Зато пел от души, то есть голос сорвал к середине выступления, дальше хрипел, визжал, задыхался...

* * *

Через месяц в клубе Архитектурного института, где Андрей Макаров исполнял функции директора, сели на запись. Трудились весело, портвейно, опять ездили по кабакам к закрытию, заимствовали у кабацких музыкантов клавиши, поутру ходили с кругами вокруг глаз. Тогда же как-то сам собой прибился к группе Алексей Палыч Хоменко, у которого обыкновенно выпрашивали клавиши на запись. Зашел однажды в подвал, посидел да так и остался в группе.

Альбом пошел, материал весь был наигран, недоставало разве что обрамления, которое появилось случайно.

В то лето посиделки чаще всего происходили на квартире Леши Балабанова, начинающего киношника, а Балабанов любил, хотя и не умел, попеть, а пел одну-единственную песню: “Разлука, ты разлука, чужая сторона”. Остальные подтягивали, и после исполнения эдак двухсотого обросла русская народная песня такими руладами, что явно просилась в вечность. Тогда Диме и пришла идея – а не записать ли заодно и ее? – и у альбома появилось название вкупе со знаменитым “Эпиграфом”. Появилась и еще одна известная песенка.

За два года до того, в 1984-м, Илья Кормильцев в пижаме сидел по ночам в подъезде – дома ему курить не позволялось – и писал на кусочках бумаги тексты... Автор этих заметок тогда, холодной черненковской зимой, прочитал два и с полной уверенностью сказал: “Илья, тебя посадят...” В ответ Илья улыбался, но невесело, он никогда не был героем. Тексты назывались “Скованные одной цепью” и “Метод Станиславского”. Впоследствии оба перешли к Бутусову, и летом 1986-го один стал песней. Второй потерялся. Автор до сих пор считает, что второй был много лучше, но так всегда потом кажется... Увы, Слава всегда не слишком осторожно обращался с бумажками, а Илья никогда не оставлял черновиков...

4 августа состоялась премьера “Разлуки”. Скандал состоялся двумя днями позже: прибежал встрепанный президент рок-клуба Коля Грахов: “„Скованных“ нельзя!” Опасения, навещавшие “Нау” и раньше, благодаря которым, например, строчка “За красным рассветом коричневый закат” благоразумно окрасилась в розовый цвет, подтверждались. Начались судорожные переговоры, в результате которых решено было альбом распространять без “Скованных”.

Помогло недоразумение: одному из свердловских “магнитофонных” людей об этом решении не сообщили, он и продолжал гнать запись целиком, а когда недоразумение вскрылось, было в общем-то все равно. В деяниях незадачливого писалы попытались искать состав злоумышленного преступления, но не это важно. Важно другое: как рокеры ни боялись, власти не реагировали. Одному Богу известно, почему все-таки в то на демократию не слишком жирное время ни малейших гонений в отношении “Скованных” так и не последовало. Хотя к выступлениям текст еще переписывали, пытались что-то поправить...

Несколькими годами позже один из бывших партийных, человек грузный и умный, случайно наткнулся на запись “Скованных”, чутко выслушал до конца, вздохнул и признался с виноватой улыбкой: “Как они тогда смогли? До сих пор жутко становится”. Как знать, быть может, и их прокачало?

Скованные одной цепью, связанные одной целью...

Из интервью В.Комарова:

А в августе мы подгадали, у всех отпуск случился одновременно, у меня, у Димы, у Славы, а у Белкина вообще отпуск пожизненный.

В жизни случались не только концерты и записи, случались и поездки в Сочи. В качестве лирических отступлений... В Сочи, например, ходили на концерт “Форума”, тогда страшно знаменитого, правда, пить начали сутра, до “Форума” Слава не дотянул, Пифа повез его домой, а Белкин с Умецким затусовались с музыкантами, так что их два раза выгоняли со стадиона. И Пифа, наконец до стадиона добравшись, стал свидетелем следующей картины:

Идет концерт, на трибуне стоит аппарат, музыканты играют, а перед трибуной по гаревой дорожке идут пьяные Белкин с Умецким. И тут навстречу капитан, который их уже два раза выводил и сказал, что, мол, больше, чуваки, на глаза мне не попадайтесь... Страшно обрадовался: попались, теперь я вас в ментовку сдам. Тут Белкин капитану в бубен как выписал на глазах у всего стадиона... На трибунах: “Браво!” – фуражки в небо полетели... Они бежать в гримерку, музыканты их спрятали. Капитан просто не ожидал такого поворота. Менты все оцепили, стали искать, так что Диму с Егором музыканты вывезли на полу в автобусе, под аппаратом. Потом мы два дня дома сидели, со страху переодевались... Отдых был полноценный. Такой вот “рок-н-ролл как норма жизни”.

Пятого сентября на “Открытии сезона” в рок-клубе на сцену впервые вышли ребята в милитаристском облачении, застыли у микрофонов и “отдубасили” всем в общем-то знакомую наутилусовскую программу под гробовое молчание зала. Только Слава время от времени зачем-то руки над головой заламывал, а так – полная неподвижность, сдержанность, мрачный сарказм... Зал будто изморозью покрылся, никто такого не ждал, слишком привыкли к бесшабашным и веселым наусам. И как-то сразу стало ясно, что группа наконец и окончательно случилась.

В октябре Леха Балабанов снимал подпольно фильм “о Белкине и девочке-целочке” (это не название, а содержание). Было забавно: то сцена с панками, то бардак на квартире общей знакомой; круче всех был Умецкий, восседал в ванной, погрузивши ноги в горячую воду, и вел “антигорбачевскую агитацию”: “Если от недопоя ноги попарить минут пятнадцать, сто грамм внутри превращаются в стакан! Только помни: главное – не перепарить”.

После съемок, разумеется, выезжали к тому же Лехе на квартиру, где мероприятие продолжалось до утра. Там-то однажды и предложил Слава спеть новую песню. Друзья согласились. Слава взял гитару и в довольно непривычной для себя манере стал петь:

Я пытался уйти от любви,
Я брал острую бритву и правил себя...
Я укрылся в подвале, я резал
Кожанные ремни, стянувшие слабую грудь...
Я хочу быть с тобой...

Пел старательно, с чувством, по окончании установилась в комнате продолжительная пауза, первым слово взял Белкин:

– Ну это полное г..но!

Слава несколько опешил, однако друзья поддержали вышеприведенное мнение, и через полчаса выяснилось, что такой дерьмовой песни Слава в жизни своей не писал... Еще через полчаса Слава надрался до такой степени, что неоднократные попытки усадить его в такси и отправить домой увенчались полным провалом; спал на кухне, под газовой плитой.

Как бы то ни было, Слава мнение друзей уважал, так что в результате “дружеской пирушки с обсуждением” песня чуть было не отправилась “в корзину”. Только через полгода, 3 мая 1987 года, “Нау” впервые решились сыграть эту песенку, при этом чувствовали себя как-то неловко, робко интересовались у знакомых: “А тебе понравилось?” На сей раз почему-то всем и поголовно понравилось. А они почему-то не очень уже верили...

Справедливости ради следует отметить, что “братская тревога” со стороны Белкина была не столь уж и беспочвенна – года через полтора, когда “Наутилус” стало модно не хвалить, а ругать, песенка про “хочу быть с тобой” стала главным козырем в руках хулителей, поскольку давала явный повод заподозрить “Нау” в страшном рок-н-рольном грехе – склонности к “попсе”. А от повода до приговора путь у нас недолгий... За “попсу” давали “вышку”.

Вернемся, однако, назад, в 1986-й, который катился к финалу. 17 октября приключился последний рок-семинар, скопом выехали на турбазу “Селен”, выпили, к ночи переругались все, кроме “ЧайФа”, дававшего концерт, и Бутусова, дню рождения которого концерт был посвящен. Шахрин пел, рядом развеселый Славка отключивал нечто лихое и орал что ни попадя. Он уже считался баловнем судьбы, ему завидовали...

Существует интересное свидетельство *Ильи Кормильцева*, человека непостороннего и, мягко

говоря, неглупого:

Тогда начинался самый жуткий период в его жизни, пять или шесть лет ужаса. Он не бывал на репетициях, репетиции шли без него. Спал по восемнадцать часов в сутки, мучился, суицидировал и все прочее... С после "Разлуки" и до 91-го где-то года. У него были очень обостренные, незащищенные реакции. Слава - идеалист большой по отношению к людям, так воспитан. Для него истинное лицо человека всегда открывалось с большой травмой. И о женщинах он как-то уж совсем хорошо тогда думал. Слава, очевидно, никогда всерьез не мечтал переустроить сей мир, а больше ориентировался на поиски в нем какой-то ниши, необитаемого острова или с друзьями, или с близкими людьми, с любимой женщиной. С которыми всего окружающего просто не будет.

Уходил в прошлое еще только второй год эпохи "Наутилуса из Помпилиуса"...

1987. С песней по ступенькам

Кто я?.. Где я?.. Куда я, куда?..

И. Кормильцев

Год 1987-й начался символично: “Нау” в полном составе загремел в вытрезвитель. Часа на два. В те времена ресторанам приходилось осваивать противоестественную для подобных заведений безалкогольную жизнь, вот кабак под названием “Малахит” с целью привлечения трезвых доходов и бросился в пучину молодежной культуры. И общий приятель, большой весельчак Женя Горенбург затащил туда “Нау”. После концерта переместились в подвал, в подсобке начался междусобойчик... А пьяный сторож настучал: “в кабаке пьянка”, что звучало глупо; однако приехала милиция и обвинила всех в “состоянии алкогольного опьянения”. Им не без резона возразили, что, мол, “вы, менты, сами все пьяные”... Те обиделись и пригрозили экспертизой, с каковой целью предложили дышать в стакан... В общем, замели всех.

Одновременно раскручивалось гастрольное колесо; “Нау”, все еще числившийся вразряде “молодых”, выступал в качестве разогревающей команды перед Егором Белкиным, в группе которого Слава с Димой играли на басу да на гитаре, пахали по два отделения подряд, после своего выступления бежали красные, потные в примерку переодеваться, перекрашиваться, так что публика во втором отделении их признать не могла.

Гастроли были смешные. Начало января – Казань; в столовой Молодежного центра наусов чуть было не поколотили гопники – внешний вид не понравился;

спасли два случайных милиционера. В Куйбышеве музыкантов атаковали толпы молоденьких шлюшек, школьниц лет по шестнадцать с весьма нешкольными намерениями; еле отбились. Начало февраля – с “ЧайФом” в Перми, середина февраля – Брежнев, шесть концертов за день – три своих, три белкинских... Клинило крышу. В Брежневе вечером Илья растолкал Потапкина, сразу по приезде в гостиницу завалившегося спать, и попросил утром разбудить на самолет. Проснувшись, Алик решил, что Кормильцев являлся к нему во сне, а потому неясно, будить его наяву или нет. О чем Алик даже совещался с товарищами. Коллегиально решили, что присниться может всякое, а Илью не вовремя разбудишь – горя не оберешься. Возвращался Кормильцев поездом, ругался страшно.

Фестиваль в Ижевске – тогда временно Устинове – проходил 22 марта в ДК с веселым названием “Металлист”, к которому вечером стянулось весьма агрессивное воинство, состоявшее из пролетарского вида молодых мужиков, коим не то “металлисты” насолили, не то газет ребята начитались, а в те времена газеты прыщеватых и робких юнцов с побрякушками объявляли почему-то главными врагами пролетарского интернационализма и прочих совковых достояний. Так вот, мужики, которые так себя и называли – “мужики”, – натурально прибыли бить зловредных металлистов, причем одного отловили и отлупили до бесчувственности. По одноименному ДК потянулся слух, будто бедный металлист скончался; как знать, быть может, так оно и было, мир праху его. А победительные мужики провели короткую и безрезультатную стычку с милицией, которая бороться с ними явно не собиралась, потому что в конце фестиваля сама довольно успешно спровоцировала драку с металлистами и здорово их поколотила, после чего перебазировалась к служебному

входу ДК, дабы искоренить первоисточник зла, то бишь металлистов-музыкантов. Организаторы заволновались, оповестили музыкантов всех до единого, чтобы после концерта собрались у центрального входа, дабы сто пятьдесят метров до гостиницы преодолеть коллективно и под охраной.

Так оно и вышло, если не считать Бутусова, у которого в те времена – да и после – все выходило наособицу. О предупреждении Слава просто забыл, переоделся, тщательно причесался и, недоумевая по поводу отсутствия остальных, одиноко тронулся домой через служебный вход. Где и вляпался в толпу враждебных металлу мужиков.

– Металист? – поинтересовались мужики и приготовились Славу бить.

– Я что, похож на металлиста? – искренне удивился Слава.

Мужики присмотрелись: очень интеллигентный юноша... И отпустили Славу с миром. Испугался он уже в гостинице.

В начале марта по Свердловску прокатилась весть: приглашают в Питер с концертами, да не просто с концертами, а на выездной пленум Союза композиторов, где будут все советские “махры” от композиции, а играть придется чуть ли не с “Аквариумом”. Впечатление новость произвела ошеломляющее, рок-н-рольная жизнь была напрочь парализована, все с жаром обсуждали – ехать или не ехать. Общественность разломилась на сторонников – кто помоложе и противников – кто постарше и поопытней. К слову сказать, те, кто постарше, к тому времени были в общем-то без работы, но зато с жаром запугивали молодых храбрецов, которым как раз было что показать.

Наусы оказались в эпицентре, поскольку выяснилось, что на собственно пленуме вкупе с

“Аквариумом” выступать предстоит именно им. Сейчас трудно понять ту атмосферу, но это на самом деле было страшно. Тем более что Дима и Слава не очень-то в себя верили, Кормильцев не верил никому вообще, а друзья и приятели не хотели в них верить... Пантыкин, к мнению которого всегда старались прислушиваться, на каждом углу агитировал против, а сущая сумятица в головах началась с приездом Майка: он сообщил, что на сцене ЛДМ выступать нельзя ни с “Аквариумом”, ни с прочими ленинградскими супергруппами, потому что “они вас сделают”... Атмосферу нагнетали все подряд, включая людей посторонних; и все подряд боялись. Правдами-неправдами пытались “отодвинуть” от поездки Шахрина, хотя никто не знал, зачем, собственно, его вместе с “ЧайФом” отодвигать... Бутусова Белкин “угovarивал” чистой водкой, ему почему-то страшно хотелось ехать, хотя сам боялся, быть может, сильнее прочих.

3 апреля вылетели в Питер, пребывая в состоянии недоумения и нерешительности, в составе: “Нау”, Белкин и “ЧайФ”. По дороге бедокурили, подъехали на “Икарусе” к святому для каждого советского рокера месту по адресу: Рубинштейна, 13, где поблажили и пофотографировались, на ходу потеряв Белкина с Бутусовым, которых потом долго искали. В ЛДМ устроились по номерам, и в первый вечер никто – ко всеобщему изумлению – даже не напился.

Утром следующего дня началась форменная паника: потерялся еще и Лешка Могилевский. Должен был прилететь, но задержался по причине похода на какую-то свадьбу, где нарезался, и самолет проспал.

Тон задали “чайфы”, концерт происходил в 12.30 дня, народу набралось от силы ползала, но “чайфы” вышли на подвиг, и они его совершили. “Махры” в виде Бутусова, Умецкого и Белкина напряженно наблюдали из-за кулис, как встает на уши огромный, пусть

полупустой ЛДМовский зал. “Махрам” становилось все тревожней.

Могилевский, играть которому предстояло и с “Нау”, и с Белкиным, приехал только в 6 вечера, в 20.20 начался концерт. “Нау”, Белкин, “Присутствие”. Еще перед началом возникло такое напряжение, что кончиться все могло чем угодно, сорваться мог каждый. На “Разлуке” зал сперва завыл, потом засвистел и вдруг грянул дурными овациями, масть пошла. После “Гудбай, Америки” в зале стояла форменная паника.

Счастливые наусы рванули переодеваться, им предстояло тут же выходить в белкинском составе. Лучше бы они этого не делали. Как бы то ни было Белкин провалился, и со страшным треском. А за компанию проваливаться пришлось Диме со Славой. Публика не рассмотрела в них только что покинувших сцену “Наутилусов” и почему-то на Диму обратилась праведным гневом в виде бутербродов с колбасой, которыми принялась в него кидаться. Колбаса была полукопченая, от чего не легче...

Со сцены уходили зашуганные, как после драки со старшеклассниками, а тут еще Шевчук подъехал, который сам буквально за полчаса до того провалился на собственном концерте, по поводу чего неслегка выпил. И устроил похохотать! Ревел: “Металлисты!” (одеяние у Белкина и правда было по непонятным причинам металлическое), швырял Белкина в огромное зеркало в коридоре, подвернувшегося Пантыкина треснул лбом в переносицу, только очки по коридору зазвякали, а Бутусова назвал отчего-то Борзыкиным, нежно обнял и аккуратно оборвал тому все пуговицы с пиджака. Из ЛДМа Шевчука уносили силой и на руках. Белкин исчез, в тот день никто его не видел. А Дима со Славой незамедлительно впали в протрацию.

Наутро – утро долгожданного пленума – они с пришедшей девицей заперлись в номере и стали пить

портвейн. Свердловская рок-н-рольная делегация занервничала, попыталась было вернуть заблудших овец на путь истинный, но те решили всем доказать, что никакие они не овцы, с каковой целью стали швырять из окна восьмого этажа пустые бутылки, только что освобожденные от портвейна. У дверей номера за день перебивали представители рок-общественности обеих столиц плюс столицы Урала, администрация Ленинградского дворца молодежи, менты какие-то; бесполезно – “Наутилус” спьяну решил выдавать себя за “Варяга”. Но поскольку в закрытом помещении портвейн неминуемо должен был когда-нибудь кончиться, очухались примерно за час до концерта.

Отбиваясь от Кормильцева, который как раз окончательно проклял тот час, когда решился связать судьбу с алкоголиками, Слава с Димой неверной походкой тронулись на сцену. Там прохаживался благостный Гребенщиков и со всеми подозрительно вежливо здоровался.

Вокруг шли приготовления к ответственному концерту, на дверях торчали милицейские посты, нигде, никого и никуда не пропускали, в зале кучковались милиционеры и камеры телевидения... Тут концерт еще раз оказался под угрозой срыва: выяснилось, что остальным свердловчанам, включая самых-самых “махров”, не дали билетов. И рок-клубовцы вполне в комсомольских традициях этого заведения приняли коллективное решение – поставить организаторам ультиматум: или билеты свердловчанам, или играть не будем. Положение спас Илья, за что на него еще долго все обижались: поэт заявил, что плевать ему на всех, “Нау” будет играть в любом случае...

На сцене у Славы стало плохо с голосом, Слава все время мотал головой и пил воду, что немудрено после такой подготовки... Под сценой бродил, наливаясь

мрачными предчувствиями, Давид Тухманов, он отвечал за мероприятие – маялся. В “Шаре цвета хаки” Слава забыл последний куплет, привычно дождался, когда музыканты бросят играть, подошел к микрофону и сказал: “Нельзя”. Зал решил, что дальше – и вовсе криминал, радостно зашевелился; телевизионщики заводили камерами; Тухманов вообще пропал... Худобедно доиграли, в зале творилось странное бурление, несколько затушеванное телевизионными софитами и камерами, с профессиональным, почти кагэбэшным любопытством шнырявшими по рядам, отчего становилось совсем неудобно.

Со сцены ушли, судорожно соображая, что же произошло: то ли провал, то ли еще что; но вслед за “Нау” рванули фотографы, радио, телевидение, просто журналисты, и примерно через полчаса до героев наконец дошло, что на самом деле приключился триумф.

Гребенщиков во втором отделении был велеречиво профессионален и неожиданно скупен, свердловчане даже растерялись; публика частично балдела, частично расползалась по фойе; композиторы размеренно перемещались в буфет.

Гвоздем вечера был “Нау”, и вбит этот гвоздь был прямо в пленум несчастных композиторов, что выяснилось на последовавшем в Зеркальной гостиной обсуждении, которое, впрочем, назвать таковым было трудно – композиторы молчали. Посеревший Тухманов сидел безразлично и даже чему-то улыбался. Постепенно, нехотя разговорились, возникали то музыковеды, лепившие нечто мутное, то какой-то рабочий, стихи читал... Во время выступления Гладкова на сцену выскочила Ната из “Зомби” и крикнула, что Тита забрали в ментовку. Началась паника, а Тухманов почему-то дал слово Родиону Щедрину. Тот вздохнул и сказал:

– А что?.. Все мы “скованные”. Я лично скованный...
Композиторы насупились.

Вечером в гостинице пошли разборки “против алкоголя”, с криками, с обвинениями, с доказательствами вреда водкопития... А когда пафос достиг вершины, Коля Грахов неожиданно предложил выпить. И выпили.

Почти сразу случился фестиваль в Новосибирске, выступили “Нау” отменно. А через день выяснилось, что Алика Потапкина забирают в армию. Пришлось срочно уговаривать и вводить в программу Володю “Зяму” Назимова. Впереди маячили стены Москвы.

Москва, город всяческими дарованиями обильный, в глубине своей коллективной души в собственные свои силы не очень-то верит, а потому поджидает искони какого-нибудь сибирского мужичину, который правде-матке вразумит без остатку, совокупно премного удовольствия доставив. Тут бы, кажется, и катить мужичью во стольный град, да вот беда: не всякого мужика столице надобно, всякие и так прут... Мужик Москве нужен особенный.

Тайну эту свердловские рокеры раскусили в начале 80-х, когда “Трек” в столицу был зван да поехал, а вернулся очень потрепанный. “Урфин Джюс”, наоборот, не поехал, хоть и собирался, как-то раз даже аппаратуру в поезд затащили, но тактический дар Пантыкина взял верх, едва успели до отхода аппарат обратно из поезда выбросить. Вот и вспоминают в Москве старые люди, что была когда-то легендарная группа “Урфин Джюс”... А “Трек” в московском рокерском народе переименовали в “Дрек” и вспоминать отказываются. Но совсем не известно, как бы сложилось, если бы “Урфин” вовремя из поезда аппарат не выгрузил...

“Нау” собирался брать Москву “всерьез и надолго”, въезд на белом коне планировался загодя, тщательно, с

учетом прошлых ошибок. Сперва нужно было “сделать” провинцию, далее – Питер, там, “Нау” знали, штурм пленума Союза советских композиторов удался. До старой столицы вести из некогда новой быстро летят, в Москве заволновались.

Газета “Московский комсомолец” (30.07.87) писала:

“Наутилус” покори́л Ленинград и намеревался продолжить свой триумф в Москве... Но выступления были отменены, и встреча с асами уральского рока весной 1987 года не состоялась. Жаль. Москвичам есть чему у них поучиться: если именитые ленинградцы выглядели бледновато на фоне “Наутилуса” и “ЧайФа”, то, мысленно представив себе их появление, скажем, на июньском фестивале рок-лаборатории в ДК им. Горбунова, мы получили бы просто сокрушительный для столицы контраст.

Так-то оно так, но в Свердловске считали, что столица “не созрела”. Наполеон, согласно известной картине, сидел в ожидании ключей на походном стульчаке. Но не дождался. Бутусов поступил мудрее: он сидел на кухне у Белкина, скрашивая тактический маневр питием крепленых напитков. А в промежутках выезжал на “околостоличные” мероприятия.

23-24 мая – Вильнюс, “Литуаника” – лауреатство.

Саша Калужский, тогдашний директор, смеялся по поводу того, что “Наутилусу” дали первое место, чтобы москвичам не давать. Это правда, но не вся публика в Вильнюсе настроена была очень агрессивно, а “Нау” посреди 1987 года вышел на прибалтийские подмостки

не просто с русскоязычной, а вообще с русской народной песней в качестве “эпиграфа”.

Вспоминает Леша Могилевский:

Когда “Разлуку” запели, на сцену полетели коробки, копейки, спички горящие, а пели-то в потемках... И как ни странно, народ не мохнул, а крепко разозлился, я видел Умецкого, он был готов взорваться... Мы стали рвать струны, строить рожи, я начал из “малыша” выламывать клавиши... И поперло, зал переломился, “Мальчик Зима” ухнул, включили свет, а у нас, оказывается, грим несовковый... Концерт кончился “на полное ура”, мы стали уже спокойно по окрестностям перемещаться.

21 июня – концерт в Таллиннском дворце спорта, атас.

27–28 июня – Черноголовка, самое “подстоличье”. Сюда “Нау” планировался по-серьезному.

Вспоминает Сергей Гурьев, один из организаторов фестиваля:

Когда появилась “Разлука”, она произвела впечатление культурного шока; тогда мечтой любого менеджера стало привезти эту группу в Москву, Москву потрясти и так далее. В Питер (на пленум СК. – Л.П.) была специально экипирована экспедиция, посмотреть, как все выглядит на концерте; оказалось, еще круче, чем думалось. И как раз намечался фестиваль в Черноголовке, такой был научный городок с особым статусом, где больше разрешали, чем в Москве.

В Черноголовке царила идиллия: интеллигентная аборигенная молодежь сплошь из научных сотрудников, тщательно отобранные гости из столицы – человек сто, кто в автобус влез; четкая организация, отличная гостиница, от нее по одну сторону – зальчик мест на шестьсот, по другую – лес, за лесом озеро, туда ходили купаться. И ближе к полуночи все проживающие слышали, как марширует по лесу “Наутилус”, сам себе распевает: “Марш, марш левой, марш, марш правой...” Кто-то пораженно выдохнул: “Вот... Идет живой „Наутилус“”. Как будто там уже ходил когда-то мертвый “Наутилус”...

На следующий день – концерт, последний концерт Потапкина перед армией, просто очень хороший концерт. В результате – третье место согласно социологическому опросу (впереди “ДДТ” и “Алиса” – неплохая компания!).

Параллельно происходили странные концерты “то ли в Рыбинске, то ли в Саранске”... Там было весело: аппарат “трехполосный” – три колонки на сцене, не слышать ни черта, зал набит – из деревень крестьян автобусами привозили... Три хлопка в зале, публика спит... Директорствовали тогда Саша Калужский и Костя Ханхалаев, они эти концерты устраивали. Впрочем, тоже практика...

11 сентября открылся фестиваль в Подольске, знаменитый фестиваль, “ключи от Москвы”... Открывался в обстановке перестроечной неразберихи, когда никто не знает, что уже можно, а что еще нельзя. То открывался, то обратно закрывался с последующим все-таки открытием. Перед самым стартом рассылались неугомонными комсомольцами телефонограммы, что, мол, ехать не надо; пару часов спустя за подписью Рудинштейна уходили телефонограммы противоположно-пригласительные; неразбериха творилась полная. Но и в этой сутолоке “Наутилусу”

отведена была собственная роль, образцово-показательная, на грани анекдота: среди организаторов в последний момент произошел раскол на тему “вызывать свердловчан или не вызывать”.

Свидетельствует Сергей Гурьев:

Комета (Наталья Комарова. – Л.П.) решила, что в Подольске бардак, а свердловские группы, они такие аристократичные, интеллигентные, любят комфорт... Какой-нибудь “Цемент” из Риги, он поймет, а Свердловск может и не понять, там люди благообразные, их в это пекло тащить как раз и не нужно. Поэтому повторные телефонограммы не надо посылать, не прилетят так не прилетят... А мне было обидно, и я настропалил Рудинштейна, чтобы он все-таки в Свердловск позвонил. Комета потом ходила и думала: “Кто их вызвал? Я же не хотела; у нас могут с ними отношения испортиться!.. В гостинице в туалете свет не горит, а тут группа из Свердловска!..” Правда, музыканты немножко переживали, ныли, но, с другой стороны, комсомолки любили их больше всех, бегали, гладили им воротнички.

Что удивительно, суровые уральские рокеры и поныне в качестве первых воспоминаний о Подольске обыкновенно выкладывают, что свет в сортирах не горел, что спали на матрасах и укрывались матрасами... Как ни крути, люди-то благообразные... Но ничего, сдюжили. Под открытым небом, под дождичком, спали, укрывались, пили сухое вино; были там дикие очереди за вином, да еще нужно было идти за ним в сам Подольск.

Бродил по коридорам Майк, и было его жалко.

Из интервью А.Могилевского:

Он тогда крепко пил: как мы с сигаретами ходим, так он с пузырем ходил.

Перед концертом Майк лежал трупом, вокруг, затравленно матерясь, бегали организаторы.

Из интервью С.Гурьева:

И вдруг Майк встал, на автопилоте концерт отпел, никто даже не заметил, как он чудовищно пьян.

Пили, впрочем, все, и отчаянно: Шевчук устроил ночью страшный грохот в номере, оказалось, пытался выбросить в окно кровать. Зачем – непонятно, но не выбросил, сил не хватило, уснул.

Но дело не в пьянке, дело в музыке... А с музыкой в Подольске обстояло неважно. То есть просто плохо, причин чему было множество. Не приехал Володя Назимов, барабанщик, пришлось на ходу вспоминать, что такое работа с драммашиной; да и весь выезд из Свердловска был сопряжен с такими нервными перегрузками, что было в общем-то не до музыки. На сцене не работали мониторы, играть пришлось “вслепую”, никто друг друга не слышал... Но аудиторию это не интересовало.

Свидетельствует Сергей Гурьев:

В зале царил полный экстаз. Никто, кроме совсем немногих, которые были в Черноголовке, не мог понять, что концерт идет как-то не так. Для всех это был полный шок. “Отличные песни, отличный имидж группы, прекрасные

аранжировки” и так далее. Все видели “Наутилус” в первый раз, и никто не знал, насколько лучше “Наутилус” может быть. Никто не понимал, что это плохой концерт.

Как бы то ни было по результатам социологического опроса “Нау” оказался лучшей группой фестиваля. И до сих пор можно услышать от очевидцев, что именно в Подольске довелось им повидать лучший, замечательнейший концерт тогда еще малоизвестной группы “Nautilus Pompilius”. При том, что концерт в Подольске стал едва ли не худшим за всю историю “Нау”. Симптом замечательный, они доросли до того, что публике стало неважно, слушать их или не слушать...

Мало кому известно, что на том же Подольском фестивале “Наутилус” был освистан и оплеван. Буквально на следующем после собственного триумфа выступлении. Запыхавшиеся и довольные, они вышли помочь Насте, неожиданно оказавшейся без музыкантов, и нарвались на оглушительный свист вперемешку с яблочными огрызками. Работали, толком не подготовившись, чужую программу, играли плохо; концерт непростой Насти, поставленный “встык” с уже звездным, накатанным “Нау”, не заладился и окончился раньше, чем планировалось, – их просто прогнали со сцены. Зал не узнал триумфаторов, которых двадцать минут назад любил отчаянно, которым устраивал овацию, которых не хотел отпускать с подмостков...

В декабре – мощное выступление на “Рок-панораме”, первый подлинно московский концерт... И заведомо успешный, на сей счет сомнений уже не было. Приключился, правда, малоприятный инцидент: подвернулась дама из Питера, модный фотограф, и буквально перед выходом на сцену из лучших побуждений подсунула Славе что-то покурить. А пора

играть, такая ответственная атмосфера... Слава зобнул, не очень-то представляя себе последствия, ну и началось... “Я хочу быть с тобой” без одного куплета сыграли, в “Марш, марш левой” забыл слова почти полностью. Хотя по поводу дурной памяти на слова – это Славин давний и любимый конек... Но публике было все равно, в рядах наблюдались заранее заготовленные цепи – откуда понатащили? – при первых звуках “Скованных” народ их повытаскивал и давай греметь. Триумф собственного рабства... Одним словом, весело прошло. Группа, выступавшая после “Нау”, минут пятнадцать не могла начать игру, зал бисировал и требовал нового кумира.

Звоночек протренировал перед самым Новым 1988-м: уволили Андрюху Макарова. По прозвищу Макаревич. Посчитали, что нужен более грамотный звукооператор, коим показался Володя Елизаров, старый друг Хоменко Алексея Палыча... Саша Калужский известил о том Макарова, и тот ушел. Обиделся в последний раз.

1988. “Скованные”

Однажды жена Мичурина полезла на яблоню за грушей, а на голову ей свалилась дыня.

Д. Умецкий

Год начинался неплохо. То есть хорошо. Даже отлично! “Наутилус” получил красивую бумагу следующего содержания:

“Московский комсомолец”

Грамота

НАГРАЖДАЕТСЯ группа “НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС”, признанная по итогам 1987 года лучшим дебютом в читательском опросе “Звуковой дорожки”

Редактор газеты “Московский комсомолец” — подпись (П.ГУСЕВ)

Ведущий “Звуковой дорожки” — подпись (Д.ШАВЫРИН)

И планов имелось форменное громадьё.

Музыканты в начале января отправились уже по-настоящему в столицу. Собирались работать в студии Чернавского. Веселились, как могли, настроение у всех было отличное. И старались, как могли, не замечать, что в воздухе витает особая атмосфера нервной и неприятной популярности, всегда сопровождающая появление новой крупной звезды. К счастью, такое долго не длится, но и “недолго” не всем удастся пережить. Или хотя бы обойтись без крупных потерь.

Музыканты оказались в общежитии МВТУ имени Баумана, там засели на месяц, за который пару раз побывали на студии Чернавского, где, к собственному удивлению, занимались обивкой стен какой-то тканью;

пару раз сходили в спортзал, а на выходе из января получили по сто с чем-то рублей зарплаты... Но что казалось им куда более важным: ни Славы, ни Димы в общаге не наблюдалось. Слава в том январе большую часть времени проводил с финнами, неожиданно возникшими на горизонте в связи со съемками документального фильма о советском роке "Серп и гитара". Режиссер, Марьяна Мюкконен, в Славу просто влюбилась, киногруппе Слава тоже очень понравился, в результате чего он и растворился в пространстве настолько основательно, что мог неделями не появляться вообще.

А Дима растворился в другом направлении, Дима вплотную занялся московской жизнью. С теми же последствиями. Музыкантов это раздражало необычайно, однако они, как могли, пытались работать. Сотрудничество с Чернавским не состоялось. Зато само собой случилось другое крупное знакомство: они попали в студию Кальянова, студию Пугачевой – не хухры-мухры! И понемногу договорились до альбома.

"Забивали его в цифру" прямо в общежитии, забивали Хоменко и Елизаров, у них в комнате и клавиши стояли, и секвенсор, который Славе финны подарили. Здесь следует подробнее остановиться на "гуманитарных" результатах кадровых перестановок: к Хоменко прибавился Володя Елизаров, звукорежиссер, аранжировщик, композитор, мультиинструменталист. Забежим вперед и добавим, что вскоре должен был появиться басист Витя Алавацкий...

Это были люди совершенно для группы новые и стоявшие особняком, это мягко выражаясь. Отличные профессионалы, музыканты со стажем, никак с рокерским не соотносимым, люди старой кабацкой закалки, но без рок-н-рольного прошлого. Слово "кабацкий" в данном случае используется не оценочно, а определительно; музыканты, по много лет игравшие в

ресторанах, – люди особенные и по-своему замечательные. Со странностями. Старый кабацкий музыкант, например, не пьет, потому что если бы пил, давно бы уже не был музыкантом, а возможно, и вообще бы “не был”. Профессионал, но склонен к определенному музыкальному прочтению любой вещи, трудолюбив, но в результате должен получить за работу деньги, что само по себе совсем не плохо, но явно действовало бывшим энтузиастам на нервы. Люди пришли, склонные не к загулу, а к работе, совершенно не падкие на жидкие проявления новообретенной славы, но привыкшие к стабильности...

Они и уселись прямо в общежитской комнате творить новый альбом. Сперва его нужно было “забить в цифру”, то есть заложить в музыкальный компьютер все партии. Забивали без Славы, он тусовался где-то, и без Димы; их привлекали редко. Тогда, кстати, с большим удивлением обнаружили, что в “Гуд-бай, Америка” Дима всегда играл не ту гармонию. На концерте, в шуме и гаме, не слышно, и он всю жизнь играл неверную ноту. А когда в цифре забивали бас, оно и вскрылось ко всеобщему музыкальному конфузу. Но это мелочи. С готовым почти альбомом явились в студию Пугачевой.

Туда же пришла Алла Борисовна.

Вспоминает А.П.Хоменко:

И сама со Славой маялась, у него тогда очень плохо было с голосом, мы просто уходили в другую комнату, там сидели, а он стоял с наушниками, она – рядом с наушниками и с текстом, и прямо карандашиком отмечала, что, мол, “тут ты спел, а отсюда давай перепевай”... А потом, когда вышел Могилка и спел, она говорит: “Ты почему все с первого раза поешь

классно?” Могила все спел без вопросов, а со Славкой работали... Она была его первая учительница пения.

И сама спела бэк-вокал в “Докторе моего тела”. Увы, альбом это не спасло. Назывался он “Князь тишины”. А на бутлегерских кассетах почему-то значилось: “Казнь тишины”. Ошибок случайных, как известно, не бывает.

Впоследствии на обложке альбома появился список состава: “Вячеслав Бутусов – вокал, гитара; Алексей Могилевский – саксофон, бэк-вокал; Алексей Хоменко, Виктор Комаров – клавиши; Владимир Елизаров – гитара, бас; Владимир Назимов – ударные”. И дело даже не в легкой неправде: и барабаны, и бас, и клавишные – почти все в альбоме исполнял компьютер, что не могло не сказаться на уровне его “автоматизированности”. Дело в том, что Дима Умецкий поминается только в качестве соавтора слов “Прощального письма” – в просторечии “Гуд-бай, Америки”.

Случилось все глупо до неправдоподобия: в первых числах февраля пришел Дима и предъявил ультиматум – или принимаете мои требования, или я уйду. Требования, сказать по-честному, были не ахти какие, но и не слишком приемлемые: убрать Хоменко и Елизарова, оставаться в Москве, менять “крышу” вкупе с директорами, еще мелочи какие-то... Или он уйдет. Слава сказал: “Если ты все решил, уходи”. И уговаривать не стал. Дима на такой разворот не рассчитывал, его должны, обязаны были уговаривать! Но пришлось уходить.

Срочно выписали из Свердловска Витю Алавацкого и, поскольку очередной концерт назначен был буквально на следующий день, посадили за пульт. Елизаров за ночь выучил всю программу на басу. Играли без Димы. Закончился январь 1988 года.

Странный январь. Славу никто не видел, его возили по столице как свадебного генерала. Музыканты сидели в холодной общаге и обижались, много пили; иногда появлялся Слава, “одаривал” их парой блоков дефицитного в то время “Кэмела”; они обижались еще сильнее, но брали – курить-то надо... А Дима просто влюбился. Но главное не в том: в январе стало ясно, что “Наутилус” уже превратился в нечто, которое стало выгодно делить на части. Делить “на разных основаниях”, в зависимости от конкретных устремлений каждого конкретного участника деления. А участники были очень разные...

Вспоминает А.Могилевский:

Изолировать Славу начали Калужский и Ханхалаев...

И зря они это начали. Однажды на концерт приехал Стас Намин со своим директором и, когда узнал, за какие – даже по тем временам! – смешные деньги Ханхалаев продает “Нау”, сказал: “Ребята, вам надо с ним расставаться: либо он дурак, либо просто много ворует”.

Расставаться, впрочем, пришлось бы и без советов умного Намина: вокруг “Нау” шли постоянные маневры слишком мощных сил.

Из интервью А.П.Хоменко:

Она (А.Б.Пугачева. – Л.П.) его (В.Г.Бутусова. – Л.П.) тащила к себе, и не получилось только потому, что он инфантильный, ему это на хер все не нужно. А Намина он просто боялся. Аллу он не боялся, Алла – баба, а Стаса он боялся,

потому что Стас – он майор, он сразу посадит на гауптвахту, и все.

Ответ на вопрос, почему они не попали в сферы, сулившие и деньги, и славу, и всяческие прелести, до сих пор остается загадкой. И уж сущая загадка – как могло выйти, что группа, известная так или иначе практически всему дееспособному и не очень населению страны, не смогла обеспечить себе многолетнее и безбедное – хотя бы в смысле финансовом – существование? Обратимся опять-таки к Хоменко, да простится автору обильное цитирование.

Славик не мог существовать в рамках упорядоченной работы, в рамках машины, которая должна ехать. Он идет себе пешком, остановился, пятку почесал, пошел, побежал, лег, поспал... Только так он может... Он нищий по жизни, он не хочет перспективы, ему это все не надо. По жизни, по нутру не надо. И это нормально, я его сравнить мог бы только с одним человеком, с Моррисоном. Он шаманит на сцене, и все, а народ поддается этому шаманству. (Sic! Помните, как студент Арха на пьянках брал гитару и пел тарабарщину, от которой невозможно было оторваться? – Л.П.) Моррисону нужно было что-нибудь?.. Так вот, Славка – как Моррисон, то же самое. А группа... Баллистическая ракета летит, понимаешь, моторы режут, первая ступень режет, вторая работает, а боеголовке – ни хрена не надо.

Но идем дальше. В начале марта Володя Назимов почти ушел, Калужский его вернул. К середине апреля “ушли” Калужского вкупе с Ханхалаевым. В то же время катилась какая-то бесконечная гастроль в Алма-Ате,

работали с “Машиной времени”, разогревали перед нею толпу... Тогда появился новый директор, Боря Агрест, которого все и до сих пор поминают добрым словом.

Из интервью А.Могилевского:

Что бы он там ни крутил за нашими спинами, его любимая поговорка была: “Занимайся творчеством”.

Написали заявления в Росконцерт, сложили туда трудовые книжки, а тут еще стали их приманивать Америкой, должны были ехать летом 1988-го, Генрих Боровик устраивал “Марш мира” по семнадцати городам Штатов. Но в мае “Черный кофе” ездил в Испанию, и у них звукооператор “сдриснул”. Тогда решили, что “Машина времени” – ребята проверенные, а остальные – кто их знает, кто они такие, вдруг все останутся? Кислород перекрыли.

5 мая, ДК УЗТМ. Первое за долгое время выступление “Нау” в Свердловске. В зале сидел Кормильцев, шутил: “Вот она, поступь капитала!” Зал ревел, заводил сам себя, группа работала угрюмо, тяжело. Пантыкин, которому концерт страшно не понравился, высказал все Алавацкому и Кормильцеву. И был ошарашен, когда оба – оба! – с ним согласились...

Играли. Где только тогда не играли! И зачем играли? Непонятно.

В те времена у Славы появилось новое развлечение: стал он посиживать в холле очередной гостиницы и подозрительно ехидно по сторонам поглядывать. Странное явление тут же привлекло внимание Кормильцева, который и поинтересовался: в чем дело?

– Сядь, – сказал Слава, – посиди...

Илья уселся рядом и вскоре увидел проходившего по коридору... ну, не важно, кого именно. Слава, давась

от смеха, шепнул:

– Смотри, “Наутилус” идет...

Шел и правда “НАУТИЛУС”... Потом прошел второй “НАУТИЛУС”, потом третий... Ребят распирало от собственной “наутилости”; Слава мрачно веселился... Музыканты не понимали, в чем дело, но все равно обижались.

А с музыкой становилось все хуже, играть стало противно, музыканты на чем свет стоит крыли Бутусова, Кормильцева, друг друга и всех фанатов чохом. В головах царила смута. И всех почему-то страшно интересовал ответ на один простой вопрос: почему? Что такого нашла эта публика в “Наутилусе”?.. Откуда эта несчастная популярность, никому уже, кажется, не нужная? То приходили к выводу, что виной тому собственные очень профессиональные аранжировки, то склонялись к мысли, что все дело в текстах Кормильцева, которого, надо сказать, никто из музыкантов терпеть не мог. Но выходило, что, если не Илью хвалить, придется хвалить Бутусова, что было бы слишком. Славу могли только ругать.

Мало того, музыканты перешли в оппозицию по вопросам коммерческим: тут, во всяком случае, всегда был повод придраться, а если не было, то можно было его просто заподозрить. Требовали рассчитываться по-другому, хотя никто не знал, как именно, и почему-то всех страшно раздражала Славина привычка с каждого концерта платить Кормильцеву. Все отказывались понимать, как за единожды написанный текст можно постоянно деньги получать. Спорадически вспыхивали натуральные бунты; в довершение всего введен был в те времена модный “бригадный подряд”. Бригадиром избран был Витя Комаров, он “утрясал” проблемы со Славой и с администрацией, он записывал протоколы собраний коллектива. “Слушали – постановили...” Это не шутка, какие тут шутки. “Постановили увеличить

ставку В.Бутусова, солиста и автора музыки группы „Наутилус Помпилиус“, на сто рублей за единичное выступление”.

Слава то впадал в прострацию, то мучился одиночеством. И судорожно искал выход. В качестве такового появился в июне Егор Белкин, старинный Славин собутыльник, бывший гитарист “Урфина Джюса” и прочая, прочая... Стало легче, но ненадолго, Белкин – тоже не подарок, да к тому же с философским образованием и неукротимой привычкой поучать, доблестный продолжатель велеречивых традиций Демосфена и Цицерона, хотя и не подозревавший о печальном конце обоих. Но был у него один подлинный козырь: на гитаре играл и поныне играет великолепно.

Скоро Слава опять искал выход, искал мучительно. И выход неотвратимо должен был выйти странен. Все понимали, что группа катится, но куда?

* * *

По большому счету, перед нами встает старый, занудный вопрос: почему распался, да и потом долго еще – если не всегда – будет перманентно распадаться “Наутилус Помпилиус”? Касательно причины всех неприятностей обыкновенно существует распространенная версия – деньги.

Вспоминает Витя Комаров:

Пока не начались деньги, все было просто отлично... Коммерческие рельсы нас и загубили.

Другие считают примерно так же. Но дело все-таки не в деньгах. Или не только в них.

По самому крупному счету, проблема в том, что в начале пути никто ни малейшего представления не имел, куда дорожка заведет; шли скопом в одну сторону, а тут и началось... И нужно решение принимать одно на всех, а головы-то разные, и люди разные, все разное. Образуется пропасть в недавно братских рядах, а перепрыгнуть не получается, да и не хочется. Что поделать, такова судьба всех энтузиастов, наконец добравшихся до вершины – непонятно, что на ней делать. Так что в сравнении с рокерами тех времен прославленные лебедь, рак и щука являют собою образец мира, взаимопонимания и целеустремленности.

Ребята, по отдельности милые, добрые люди, замечательные профессионалы, напоролись на пережитки “равенства и братства” (“свободы”, говоря по чести, в рок-н-ролле вообще никогда не водилось) просто потому, что вчерашние равные друг другу братья рано или поздно должны были обнаружить, что не совсем и не во всем друг другу равны. И обнаружили, но понять и принять таковое положение не смогли. Еще вчера все были друганы, а теперь одного возят по спонсорам-шмонсорам, с одним разговоры разговаривают, с ним же бумаги подписывают... А он уже и сам сообразил, что за подпись ему единолично отвечать придется, он уже что-то там думает и по-прежнему, по-колхозному со всеми не советуется... Да и его понять можно: вчерашние друзья в нынешние подчиненные ну никак не годятся. В принципе не годятся... А еще и амбиции... Обиды мешались с обидками, вчерашние друзья впадали в детство, срывались в крик, обижались до слез; назавтра садились ладком похмеляться, и все начиналось заново.

При подобных размышлениях люди причастные и знающие сперва кивают, затем задумываются, потом морщатся и... “Если бы не Слава...” Если бы не Слава, не было бы “Наутилуса”. Но если бы не Слава, прежний

“Наутилус” бы был. Как говаривала одна дама: “Получается парадокс”.

Психология Бутусова – загадка для многих, больно странная штука... Мнений на сей счет высказано во множестве, но есть свидетельства, примечательные своей исторической объективностью. Например, протокол заседания Свердловского рок-клуба от 30 июня 1986 года: “разбор полетов” по окончании первого фестиваля. Разбирали группу “Флаг”, которая из побуждений наивно-патриотических выставила на сцену флаг Советского Союза, “в боях погорелый, пулями побитый”, каковые повреждения нанесены были полотнищу перед концертом членами группы и грозили вызвать кары вплоть до закрытия любимого рок-клуба. Братья-рокеры частью ругались, частью “Флаг” выгораживали, но нам интересно следующее:

Бутусов: С одной стороны – правление, которое должно отреагировать, с другой стороны – группа, которую мы все хорошо знаем. Нужно выбрать решение, которое бы всех удовлетворило. Давайте проголосуем.

Далее – ругань, предложения, мнения, и опять...

Бутусов: Давайте проголосуем.

Еще поругались, проголосовали. Вот стенограмма:

“Голосование: оставить кандидатами – 22; исключить – (никого); отклонить заявление на 6 месяцев – 46; воздержались – 1 (Бутусов)”.

В некотором смысле ответ на вопрос, каковы воззрения Бутусова, дал *Кормильцев* в одном из интервью 1990-го:

Что касается Славы, у него определенных взглядов не было и нет. В том смысле, что вообще нет. Можно по-разному это оценивать, но для меня он – скорее святой, чем гидроцефал.

Слегка неприятно, но довольно точно во всем, что касается конкретных взглядов и решений, то есть их отсутствия. Скорее всего, с некоторых пор самой неприятной обязанностью стала для Славы именно необходимость принимать решения; он как мог от нее уклонялся, позволяя “решениям” самим выкристаллизовываться в пространстве. А затем смирялся с ними, сколь бы странными и неприятными они ни выходили. Ответственность же с необходимостью ложились на Славины плечи, с чем и остается его поздравить... Впрочем, прямой обязанностью Бутусова, единственно сочетавшейся с его способностями, были все-таки песни.

Так вот: за лето 1988-го Бутусов не написал ни одной песни. Вытаскивал старые из загашника, маялся, новых не было.

* * *

В августе выступали в Сочи, дежурные курортные концерты, парк Фрунзе. Разогревала публику какая-то металлическая команда, концерт в шесть вечера, а что такое шесть часов в Сочи? Солнце лупит в глаза, народ обмахивается газетками, слушает “Скованных одной цепью”... А до этого жуткие металлисты прыгали, что-то пытались “лабать”... В общем, парк отдыха... И каждый день скандалы. Лешку Могилевского к концу вообще “сняли с дистанции” за попытку выехать на концерт во фраке, с саксофоном и в трусах. Впрочем, бывало и

похлеще... Сняли его с поручением срочно зашить, о чем он впоследствии даже бумагу Славе предоставил. Не помогло. В какой-то там по счету раз уходил из группы Назимов, его возвращали, он опять уходил.

В сентябре – первая поездка за рубеж, Финляндия. Выступали в кинотеатрах перед фильмом Марьяны Мюкконен “Сerp и гитара”, только два концерта прошли в нормальных залах: один играли с финской командой “Гидиапс”, другой – в тусовочном кафе в центре Хельсинки, где выступают гастролеры, одни имена которых – почти легенда. Стены в кафе расписаны автографами на разных языках, чуть не все знаменитые буржуи отметились. Слава написал: “Совки попали в засаду”...

Гастроли вышли спокойные, практически без происшествий, но с большим количеством нервов, истрепанных в спорах-разговорах, в ругани. Кормильцев день за днем отводил кого-нибудь в сторону и нудил, что ему ничего не нравится, что группа зациклилась, что кризис наступил, все плохо, жутко, скучно, однообразно... Нагнетал атмосферу. А Слава из сомнамбулического состояния уже почти не выходил, да и видели его только во время концертов, сразу после которых в компании Белкина он растворялся на финских просторах вплоть до начала следующего концерта. Музыканты тоже разделились на две партии, “пьющих и непьющих”, к первой относились Зема, Пифа и Могилка, фактически уже зашитый, но духовно – еще нет. Ко второй – кабацкие люди. Томились порознь.

Было, правда, слабое развлечение с автостоянками, которое, если бы тамошние полицейские были порасторопнее, могло бы перерасти в развлечение мало-мальски приличное, ан не вышло. Взятый напрокат автобус оставили у гостиницы, утром обнаружилась на лобовом стекле бумажка: штраф. На следующее утро фокус повторился, и оказалось, что порядок прост:

утром в одно и то же время, в 8.05, приходит полицейский и рассовывает под “дворники” штрафы. Уральские хлопцы рассудили здраво, стали вставать в половине восьмого и минут на сорок выезжать на природу, за город. Ничего о подобной подлости не подозревая, приходил пунктуальный шуцман, расклеивал штрафы, возвращались наусы, ставили автобус на место и ложились спать. Правда, несколько штрафов все равно накопилось, но автобус был прокатный, талончики аккуратно сложили в бардачок, и кто там расплачивался, неизвестно...

Домой возвращались поездом, Могилевский вез пару порнографических журналов, его дружно пугали таможеней; окончательно затравленный Леха спрятал журналы в соседнем вагоне под мусорное ведро, откуда они, ко всеобщей радости, исчезли. Таможенники на Леху внимания не обратили.

Егор Белкин курил со Славой в тамбуре и размышлял – вслух, естественно – о том, не пришло ли время вернуть Диму. Слава слушал, слушал, пообещал по приезде в Москву с Димой переговорить, поехал к нему прямо с вокзала... И не вернулся.

Хотя нет, съездили еще в Ташкент.

Из интервью В.Комарова:

Все это настолько к тому времени приелось, что походило на нудную работу, можно было стоять на сцене и думать о чем-то своем, можно было с закрытыми глазами играть... Нудятина пошла... Слава очень плохо пел, болел, постоянно возил с собой какие-то лекарства, какие-то штуковины себе в горло засовывал, заливал что-то... У него были проблемы с голосом. Программа работалась кое-как, а под

*конец шел блок нетленок, народ его ждал и –
“Ура!”.*

Последним было выступление в Свердловске 14 октября, на третьем фестивале рок-клуба. Перед началом огромный зал Дворца молодежи странно томился, начали не сразу, медленно, неуклюже раскачиваясь, но под рев восторга, который постепенно стал спадать, спадать...

В последних числах октября к Лешке Могилевскому пришел в гости Зема, отбил в коридоре чечетку и объявил:

- Все, мы уволены.
- Ну и слава богу, – сказал Могилевский.

1989. По дороге в Коломьяги

*Там что-то ужасное происходило,
Чикаго тридцатых годов.*

Е. Белкин

Уходил в прошлое второй год славы. Не Бутусова, а просто. “Нау” был объявлен лучшей группой Союза Серпастых, в хит-парадах от него деваться было некуда, сами хит-парады похожи были как близнецы. “Группа года”, Бутусов – лучший то композитор, то певец, а то вдруг, к собственному немалому удивлению, даже и гитарист... Кормильцев периодически оказывался лучшим поэтом-песенником, газеты пучило от “Наутилуса”. Которого уже не было.

Были Слава и Дима. Опять вместе. Что и не странно, весь период катастрофической популярности – или популярной катастрофы? – оба незаметно приближались друг к другу. Но оба по-разному. Во время разлуки Дима если чем-то и был одержим, так это спасением “Наутилуса”, считал, что “Наутилус” идет под откос, что нужно Славу спасать, что нужно срочно менять стратегию, менять тактику, все переделывать. Только и разговоров было что о “Нау”. Дима рвался спасать Славу, а Славе очень хотелось с Димой помириться и снова работать вместе. Оба – совершенно искренне. Вот и вся немудреная подоплека события, вызвавшего в свое время столько сплетен и вопросов.

Встретились, засели дома у новой Диминой жены, Алены Аникиной, веселые от обретенного и обоим позарез необходимого единства, назначали друг друга то “художественным руководителем группы „Наутилус Помпилиус“” (им стал Дима), то “музыкальным

руководителем” (Слава); пили чай, обсуждали новый альбом. Раздобыли какую-то “портостудию”, стали записываться, чего-то не хватало.

Из интервью А.Пантыкина:

Слава мне позвонил и сказал, что они собираются работать над альбомом, что он состав старый распустил и хочет на подмосковной даче спокойно поработать.

Недолго поколебавшись, мучимый дурными предчувствиями, Пантыкин прихватил с собой клавишу и поехал в Москву, откуда был тут же вывезен на дачу. Намечалась весна, в воздухе пахло влагой, в доме тепло, из маленькой комнаты получилась довольно приличная студия, работай, да и только... Вышло поработать, но в большей степени вышло “да и только”...

Из интервью А.Пантыкина:

Обстановка поначалу была великолепная, веселые Слава, Дима, на природе, никаких лишних людей, мы втроем... Поставили клавишу, привезли какой-то пульт, магнитофон, все включили, Слава показал материал, материал отличный, просто отличный. Но дальше началась... ерунда.

Фокус заключался в том, что собираться работать и собственно работать – разные вещи. А с целеполаганием у обоих руководителей “Наутилуса” наблюдались разночтения. Плюс прибывший Пантыкин, который тоже себе на уме, хоть и призван был – по сути – повторить собственный подвиг времен “Переезда”.

Дима был поглощен организаторской деятельностью, мотался в Москву и обратно, выбивал деньги, договаривался. Ему слегка портило настроение то, что всякие спонсоры с ним разговаривали, однако на документах желали видеть подпись Бутусова. А на даче работали вдвоем Слава с Пантыкиным, писали аранжировки, наигрывали демонстрационную запись. Приезжал Дима, слушал и делал выводы. Ему почему-то казалось, что при участии Пантыкина из “Наутилуса” неминуемо выйдет “Урфин Джюс”, что вынуждало относиться к результатам труда настороженно. Случались легкие недоразумения: Дима во время работы чаще всего на даче не присутствовал, кто и что предлагал, не слышал, а по приезде уличал в “урфинджюсости” куски, выдуманные Славой. А то вдруг хвалил за “наутильность” придумки Пантыкина.

В тот момент Дима имел сформировавшуюся, но, судя по всему, совершенно невнятную концепцию будущности “Нау”, которую с азартом и претворял в жизнь.

Рассказывает Пантыкин:

Дима хотел сделать “Наутилус” актом искусства в его, Димином, понимании. Вне рамок социальных, рамок поп-культуры, популярности, славы... Им владела идея сделать... до сих пор не могу понять, что он хотел сделать. “Наутилус” к тому времени имел свою историю, уже были стонущие залы, пленки крутились чуть не в каждом доме... Он стал частью культуры страны. И вдруг нужно было сказать, что это все была х...я, а вот теперь мы, ребята, займемся делом, потому что истинное искусство, оно вообще в другой области залегает.

Вскоре дела обрели все свойства сказки про белого бычка: Бутусов с Пантыкиным выдумывали, приходил Дима и говорил:

– Не то.

– Что “не то”?

– А хрен его знает! Не то, что должно быть!

Что именно “должно быть”, он не знал, предлагал идеи плана не музыкального, а общегуманитарного или организационного; Бутусов с Пантыкиным пытались их как-то реализовать на пленке, а потом Дима опять приезжал из Москвы и признавал в сделанном явные признаки “Урфина Джюса”... Переписывались тексты, перекраивалась музыка, каждая песня была уже на пленке в десятках вариантов; Диме все не нравилось. Слава все чаще сидел с понурой головой и вскоре выработал оптимальный способ общения с внешней средой: при первой попытке начать “серьезный” разговор – стакан коньяка залпом, и мир прекрасен. И вскоре этим способом Слава уже пользовался практически во всех случаях.

Наконец пришло, по мнению Димы, Пантыкину время собирать манатки, Сан Саныч отбыл на историческую родину, прихватив синтезатор и за собственный счет; обещанных денег он, как не справившийся с творческой задачей, не получил.

Дом в Коломягах, переезд в Питер, новая администрация – последний Димин подарок “Наутилусу”. Дом отыскали случайно, здоровенная хоромина с мезонином глядела на почти деревенскую улочку выбитыми окнами, в гостиной бомжи жгли костер из дверей. Хозяин сидел в тюрьме, сидел крепко, лет восемь еще оставалось “трубить”; его отыскали, заключили договор о “сдаче внаем жилья”, на договоре в качестве лица, законность сделки удостоверяющего, расписался начальник колонии, полковник какой-то, сверху приложились колониальными печатями, бумага

получилась – хоть кошек пугай... Бичей разогнали, дом отстроили почти заново, в одной из комнат оборудовали студию. И...

Ничего не “и”. Набрали музыкантов, без них даже Дима уже не мог обойтись. Но и с ними Дима сосуществовать не мог. И не потому, что все они были профессионалами, несравненно превосходившими басиста по уровню; беда была внутри. Дима уезжал в Москву, возвращался, опять уезжал... Жизнь еще шла каким-то странным, ей одной понятным чередом.

Режиссер Виктор Титов, постановщик таких замечательных фильмов, как “Здравствуйте, я ваша тетя” и “Жизнь Клима Самгина”, должен был приступить к съемкам фильма по сценарию Алены Аникиной под названием “Человек без имени”. Готовились по-настоящему, ездили на пробы. Там небритый, замерзший Слава сидел однажды в автобусе, мрачно смотрел на мир, автобус остановился на окраине деревушки, мимо шла молоденькая девушка. Случайно бросила взгляд на автобусное окошко, всмотрелась и с тихим воем: “Бутусов! Бутусов...” – стала заваливаться в обморок. Виктор Абросимович Титов, внимательно эту сцену наблюдавший, буркнул: “Дикость какая-то...” Слава смолчал, уже привык. Уже выработал в себе отношение к происходящему, неожиданное в своей “бутусовости”: “Делаешь вид, что это не с тобой происходит. И нормально”.

К концу 1989-го вокруг имени “Наутилус Помпилиус” витала таинственность, ни поклонники, ни газетчики, а подчас и друзья не знали толком, что же происходит. Да что там поклонники, вот выдержка из интервью Ильи Кормильцева, данного корреспонденту свердловской газеты “На смену” в начале декабря (9.12.1989):

Этот год я занимался не столько “Наутилусом”, сколько другими вещами. С трудом представляю сегодня, чем они (“Наутилус”. – Л.П.) занимаются. Приходится судить по конечному результату. Последний раз я их видел по телевизору. Это произвело на меня удручающее впечатление.

Илья несколько лукавил, потому что и знал, и виделся, но заявление показательно до чрезвычайности. К тому времени поэт “собирал манатки”, он тоже не выдерживал конкуренции с Умецким, а Умецкий тоже писал стихи, активно писал. И жена его писала... Кормильцев редактировал в Свердловске журнал “МИКС – Мы и Культура Сегодня”, активно занимался художественным переводом, переводил и просто так, синхронно, чем, собственно, на жизнь зарабатывал, пробовал себя в прозе. Как это ни странно, спасла ситуацию премия Ленинского комсомола за 1989 год. По поводу присуждения которой и было дано интервью поэта, в нем он объяснял причины своего от этой премии отказа.

Выдвижение на такую премию – дело долгое, хлопотное, с бумажками и документами, с фотографиями претендентов... Свердловские комсомольцы искренне считали, что совершают для “Нау” великое благо, а что считали в ЦК ВЛКСМ – им видней, но премию после долгих мытарств присудили, и... “Русская служба Би-би-си” передала отречение от нее одного из трех лауреатов, поэта Ильи Кормильцева.

Заметим по ходу, что это было едва ли не единственное столкновение “Нау” с политикой. Авторы “Скованных одной цепью” и “Шара цвета хаки” в дело реально-политического преобразования Отечества нашего старались не лезть. Лишь однажды бес их попутал поучаствовать в сборном концерте в

поддержку демократов, то были времена выборов в Верховный Совет РСФСР, времена всенародной поддержки “демократических тенденций”, в качестве носителя которых и возник из пустого пространства Геннадий Бурбулис. “Носитель” страшно нервничал и, поскольку сам бутылку купить не догадался, быстренько самоопределился в виночерпии. А бутылка была музыкантская, горбачевская, дефицитная. Бурбулис дрожащей рукой разливал и себя не забывал; рокеры косились...

Илья Кормильцев впоследствии признавался (“Солидарность”, N 9, 1993):

Сейчас понятно, что Геннадия Эдуардовича Бурбулиса нельзя было выбирать даже в управдомы, но мне не стыдно, потому что Геннадий Эдуардович нам ничего не платил... Таким образом, это была действительно народная поддержка, пусть ошибочная.

Тогда же самому Кормильцеву было сделано предложение на предмет выдвижения в народные депутаты ультрамодного, освященного массой “демократических” имен Верховного Совета РСФСР. Если вспомнить, что именно тогда в высшие органы законодательной власти без труда попадали и модные телеведущие, и шарлатаны, и просто психопаты, лишь бы подемократичней, нетрудно предположить, что перспектива проникновения Кормильцева в Верховный Совет была более чем реальной. Илья Валерьевич крикнул и от всенародной поддержки наотрез отказался.

А позднее – забежим чуть вперед – уже весь “Наутилус” отказался выступать в грандиозном концерте 21 апреля 1993-го на Васильевском спуске.

Перед Всероссийским референдумом, в поддержку Ельцина. Участие в “поддержке” обещали оплатить, “Наутилус” заявили в афишках, в чем и перестарались.

Однако вернемся к премии Ленинского комсомола. Собственно отречение происходило вечером по телефону, Илья ждал звонка и страшно волновался, несмотря на то что все было заранее оговорено. А когда снял наконец трубку, незаметно для себя, непроизвольно выключил в комнате свет. Ему было страшно. Плюрализм плюрализмом, а хрен его знает, чем все могло кончиться... Говорил что-то не совсем внятное про “политическую организацию” и гнусную роль подписавшегося под премией А.Иванова в политической травле несчастного рок-н-ролла, телефонная связь традиционно не ладилась, Илье приходилось в трубку орать; в результате все прошло в пересказе комментатора Григория Нехорошева.

И взорвалось! Во-первых, Илья, на двух солауреатов разобиженный, о грядущем отказе даже не поставил их в известность. Во-вторых, у них были на сей счет свои планы: Дима прекрасно понимал, что на премии можно много чего наварить, и был по-своему прав. А в-третьих, скандал неминуемо должен был выйти громок, вылиться на газетные страницы, так что замяться без последствий не мог по определению. Ругались прилюдно, газетно, всесоюзно... Ругались Илья с Димой, Слава по обыкновению отмалчивался и резких шагов не предпринимал. Но активным участникам конфликта было ясно, что дело решит именно он: хрен с ней, с премией, с кем Слава останется, тот и будет “Наутилусом”. Что придавало делу немалый азарт. Увы, сколько бы Дима ни называл себя “художественным руководителем” группы “Наутилус Помпилиус”, истина уже тогда была и ему, и прочим очевидна.

Из интервью В.Комарова:

Слава может остаться один, наберет себе, допустим, хор из филармонии, все равно это будет “Наутилус”.

Оставляя же сей подводный фрегат, что тоже всем поголовно было очевидно, стало делом, чреватых множественными печальными последствиями. “Наутилус”, невзирая на морскую ассоциативность названия, прошелся по жизням своих участников самым что ни на есть сухопутным колесом по печенкам. Ни один из некогда уволенных членов группы впоследствии не смог как-то соразмерно реализоваться. Во всяком случае, в сфере музыкальной. Андрей Макаров, Витя Комаров – бизнесмены. Володя “Зема” Назимов – отличный барабанщик – тоже в бизнесе по уши. Могилевский Алексей записал впоследствии два альбома в рамках своего проекта “Ассоциация Содействия Возвращению Заблудшей Молодежи На Стезю Добродетели”, два альбома, так никому и не пригодившихся. Егор Белкин, Хоменко, Алавацкий, Елизаров... А уж на тему “заблудшие директора” “Наутилуса” можно написать отдельную книгу. Наконец, Дима Умецкий...

Вернемся к скандалу с премией. Цитировать статьи того времени не хочется, от них пахнет чистым дерьмом. И пересказывать историю Диминого ухода тоже не хочется. Как банально это ни звучит, у каждого бывают моменты слабости, срывы. В Свердловске ходили слухи, что Дима за Славой чуть ли не с топором гонялся, но это неправда. Хотя одному из администраторов крепко перепало только за то, что не вовремя под руку подвернулся.

Так или иначе, домик в Коломягах опустел ровно на одного человека. Умецкий ушел и унес с собой неявный привкус очаровательной “дури”, окрашивавшей все

вещи раннего “Нау”. “Я лучшей пары, лучшего дуэта до сих пор не видел”, – свидетельствует Егор Белкин, а он знает, что говорит.

Неприятности пошли на спад, глухо отдаваясь газетным эхом. Дошло до смешного: одновременно вышли статья в “Аргументах и фактах” (N 12, 1990), в которой Бутусов и Кормильцев делились будущими планами группы, и в “Комсомолке” (27.03), где сообщалось, что “Наутилус” окончательно распался, но скоро на виниле появится альбом “Человек без имени”. Не появился, не дали... Зря, наверное.

* * *

Дима Умецкий и Слава Бутусов всегда были слишком разными, но до времени разность эта казалась несущественной. Вот свидетельство весьма наблюдательного очевидца, относящееся еще к концу 70-х, к временам счастливого студенчества.

Из интервью А.Коротича:

Слава был молодой, симпатичный юноша, слегка ироничный, с лошадиной улыбкой, очень приятный, несколько мягкотелый, но очень талантливый. Дима – это человек с двойным дном, очень своеобразная личность. У него была маска шута горохового: смешил всех кого ни попадя, хохмач, балагур, шуточки постоянно отмачивал. С его-то несерьезной тогда внешностью... Но иногда за шутовством проглядывало, что это человек очень непростой. Умный, расчетливый, что проявлялось редко и неявно.

Еще пара цитат.

Егор Белкин:

Дима был хороший организатор, он был идеолог, он знал, “где масло, где хлеб”, этого у него не отнять. Очень грамотный человек, очень эрудированный, очень интересный, приятный человек. А Слава был талантливый.

Виктор Комаров:

Дима был идеолог, а Слава – лицо.

Во время недолгого перемирия они воистину хотели “быть с тобой”, вернуть былое единство, но смысл, содержание его каждый представлял по-своему.

Дима рвался осваивать Москву как нефтеносное месторождение. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, какие откроются перспективы, если поставить дело на нужные, то есть столичные, рельсы. Слава рвался в скит, в замкнутое пространство, где случилось бы ему наконец передохнуть, отдышаться. И поначалу надеялся, что забором, за которым можно будет спрятаться, станет Дима. Но у того были свои планы.

Умецкий с тех пор живет в Москве, где постоянно хочется выйти из дома и пойти в гости, на концерт или просто прогуляться у Патриарших. Бутусов – в Питере, где хочется уйти домой, закрыться покрепче и выпить водки. Лучше с другом, а можно и так.

Одним словом, разошлись. И не следует по обыкновению вопрошать: “Кто виноват?!” Вопрос этот, исконно русский, потому и задается так часто, что ответа не имеет по определению. Дурацкий вопрос.

* * *

Дима и Слава... Когда-то ходили они только вместе, такие красивые и такие похожие, почти братья; в их внутреннем единстве, в том, что они – группа, сомневаться никому бы в голову не пришло. А Кормильцев? Нелепый умник с неловкими шуточками... Со склонностью по любому поводу затевать разговор на повышенных тонах, переходивший непосредственно в ругань... Кто мог в середине восьмидесятых предположить, что в “Нау” останутся в конце концов эти непохожие двое, Слава и Илья... Но стало так.

Так или иначе, в новое десятилетие вступал Слава вместе с Ильей, единственным уцелевшим и, как ни странно, почти незнакомым человеком. Они не так много общались за пять лет сотрудничества, они даже не привыкли толком друг к другу. Им еще только предстояло стать друзьями, но это уже другая история, будущая история обретений, а не прошлая история расставаний.

* * *

Год девяностый начинался тихо. Слава из дома почти не выходил, зато с азартом репетировал. “Поперло” наконец... Шел январь, мозглый, мокрый питерский январь. Звонил неподалеку гулкий колокол на аккуратной церквушке, в доме репетировали, ели, спали. Жили...

*Леонид Порохня
1996 год*

Часть 2 Утомленные роком

Новый состав, новая программа, новый звук

Несмотря на то что по итогам 1989 года “Наутилус” занял второе место в хит-параде ТАСС, популярность группы начала идти на убыль. Для широких масс не осталось незамеченным то обстоятельство, что в течение целого сезона группа не дала ни одного живого концерта. Ситуацию не спас даже запоздалый выход на “Мелодии” “Князя тишины” – с репертуаром, большая часть которого уже давно была известна по концертным выступлениям, магнитоальбомам и любительским записям, сделанным с тех же самых концертов. Закономерно, что, к примеру, в итоговом хит-параде украинской “Молодой гвардии” “Наутилус” был назван “разочарованием года”, а в “Московском комсомольце” – “вице-разочарованием года”. Империя музыкального господства “Наутилуса” рушилась прямо на глазах.

Тем временем ситуация внутри группы в очередной раз изменилась. На этот раз – в лучшую сторону. Бутусов набирает новый состав, полностью состоящий из ленинградских и московских музыкантов: Игорь “Гога” Копылов (экс-“Петля Нестерова”) – бас, Александр Беляев (экс-“Телевизор”) – гитара и Игорь “Джавад” Джавад-Заде (экс-“Арсенал”) – ударные.

С Беляевым и Джавад-Заде Бутусов впервые пересекся в конце 1989 года во время записи на “Ленфильме” песенного материала, известного впоследствии под названием “Чужая земля”. После ухода Умецкого по рекомендации Беляева в качестве нового басиста был приглашен “на время” Игорь “Гога” Копылов.

Вспоминает Джавад-Заде:

Первоначально планировалось, что Гога на данном этапе поможет группе собрать “скелет” песен. Но в очередной раз оказалось, что все временное является постоянным. Мы в Гогу сразу же влюбились – он приходил на репетиции с бенгальским огнем в глазах и виртуозно играл слэпом на безладовом басу.

Джавад и Гога составили тот ударный костяк, который позволил буквально через месяц говорить об определенном потенциале и перспективах нового проекта. И если с Джавадом все было ясно изначально – один из лучших барабанщиков страны, появившийся в группе “по наводке” Кинчева, мог сыграть практически любой ритмический рисунок, то Беляев и Копылов в своих прежних командах ориентировались на музыку, имевшую мало общего с тем, что делал до этого “Наутилус”.

Вспоминает Игорь Копылов:

Мне тогдашний “Наутилус” дико не нравился. В первую очередь – из-за допотопного звучания клавиш. В “Петле Нестерова” мы минимальным составом из трех человек уже давно перестроились на гитарную музыку и ничего другого просто слушать не хотели. Уж очень сильно достала массовая депешмодовщина вокруг. Еще я недолюбливал переизбыток тарелок – хотелось побольше “мяса” и драйва.

Вскоре выяснилось, что к новому звуку стремился и Бутусов :

Я уже давно хотел внести в саунд группы новые краски. В начале восьмидесятых для меня толчком послужила “новая волна” – как форма. Теперь меня больше привлекают монстры – “Роллинг Стоунз”, Игги Поп, Лу Рид.

В январе у группы появилась возможность записать несколько песен в Москве, в ДК Русакова. К этому времени “Наутилус” успел отрепетировать с полдесятка композиций: “Музыка на песке”, “Как падший ангел”, “Джульетта”, “Тихие игры”, “Черные птицы”. Все они были зафиксированы на пленку во время сессий в ДК Русакова с помощью звукооператора Льва Орлова (подыгравшего группе на гармошке) и нескольких музыкантов из консерватории, сыгравших на скрипках и виолончели на композиции “Как падший ангел”. Долгое время оригинал этой 20-минутной демозаписи считался утерянным, пока недавно рулон с пленкой не был обнаружен Бутусовым в процессе домашнего субботника.

В Питер после московской записи группа вернулась уверенная в собственных силах. Особенно изменилось настроение у Бутусова.

Вспоминает один из администраторов “Наутилуса” того периода Андрей Тарасенков:

Когда у Славы просыпается вдохновение, он напоминает ядерную бомбу. В такие моменты Бутусов может все. И это его состояние заряжает всех вокруг.

В феврале новый “Наутилус” был приглашен принять участие в рок-фестивале “Голубой воробей”, проходившем в Восточном Берлине. По воспоминаниям

Бутусова , это был один из последних фестивалей “социалистического духа”:

Идея восстановления единой Германии тогда главенствовала настолько, что все остальное уже не имело значения.

Новая программа “Наутилуса” находилась еще в зачаточном состоянии, и была определенная логика в том, чтобы ее обкатка состоялась вдали от дома.

Вспоминает Джавад:

Первоначально ехать на фестиваль Бутусов не хотел, считая, что новые песни совсем не отрепетированы. Но мы сумели убедить его, что под лежащий камень вода не течет, и все-таки отправились в Берлин.

Но желаемого смотра сил не получилось. Практически без настройки “Наутилус” отыграл четыре песни – в условиях, максимально приближенных к боевым. Вокруг царила суета, музыкантов било током, коротили шнуры, фонили динамики. На последней композиции у Беляева порвалась струна, и песню пришлось доигрывать втроем: барабаны-гитара-бас. В такой хаотичной обстановке прошло первое живое выступление обновленной группы.

Через месяц “Наутилус” приехал в Свердловск, где дал три сольных концерта и принял участие в фестивале местного рок-клуба. Во время этих выступлений осуществлялись съемки 30-минутного фильма “Заметки в стиле рок”, из которого видно, что концертная программа дорепетировалась прямо в гримерке, несмотря на отключенное электричество.

Новые песни остудили пыл публики не хуже ушата холодной воды или дубинок выстроившегося у сцены оперотряда. Концерт начался с барабанного соло Джавада. Он появился на сцене в платке, в темных очках, коротко стриженный и стартовал с барабанной интродукции – на двух “бочках”, с применением четырех альтов, октабанов, тома, штук шести “тарелок”, целой батареи лайнбеллов. Еще на первых репетициях Джавад предложил Бутусову начинать шоу с барабанного соло – чтобы дистанцироваться от прежней драматургии и “немного прочищать людям голову”. Последующая материализация этой идеи стала фирменным знаком “Наутилуса” модели 1990 года. Барабанное соло плавно совмещалось с эффектным басовым риффом Копылова, и группа начинала играть “Отход на Север”, измененный до неузнаваемости и доведенный до предела безысходности.

Свердловские зрители были в растерянности – перед ними стоял абсолютно другой “Наутилус”, который связывали со старым лишь тексты Кормильцева и вокал Бутусова. Это был принципиально иной подход к звуку и к построению композиций. В новой музыке не было слащавого мелодизма и китча, не было традиционного тандема “клавиши-саксофон”, куда-то пропала былая помпезность. Взамен появился скрытый нерв, внутренний надрыв, жесткая гитарная динамика, заструктурированная в сложные ритмические рисунки. Окончательный итог отрыва от масс и минувших идеалов подчеркнуло выступление на бис, во время которого вместо привычного “Гуд-бай, Америка” нежданно-негаданно прозвучала битловская “And I Love Here”. Прогнозировать, чего можно ожидать от такой группы в ближайшие недели или месяцы, не мог, пожалуй, никто.

Этот тезис частично подтвердило последовавшее за концертами в Свердловске крупное весеннее турне

“Наутилуса” – первое после почти двухлетнего перерыва. Помимо ряда российских городов группа выступила в Прибалтике – в частности в Вильнюсе и Таллинне.

Вспоминает Бутусов:

Нас там очень полюбили. Не за то, что мы играли что-то очень странное и кривое, а за то, что приехали в такой судьбоносный для всей Прибалтики момент и как бы невольно оказались соучастниками в их борьбе за независимость.

Это было так и не так.

В том же Таллинне “Наутилус” знали по блестящему выступлению летом 1987 года в одной компании с “Алисой” и “ДДТ”. Ностальгические воспоминания о том концерте в течение трех лет служили дежурной темой кухонных разговоров – насколько кухонные разговоры возможны в Эстонии. Тем не менее резонанс от того свердловско-ленинградского прорыва был настолько силен, что многие люди, не попавшие на концерт и имевшие о нем лишь смутные крохи информации, все это время жили в ожидании повторного приезда “Наутилуса”. Конечно, до Таллинна доходили слухи о кардинальных переменах в составе группы, но к ним не относились чересчур серьезно, не без оснований полагая, что кашу маслом не испортишь.

В отличие от концерта 1987 года аншлаг в апреле 1990-го был стопроцентный. Люди стояли в проходах таллиннского “Горхолла”, свешивались с галерок, ютились в коридорах. Большинство зрителей проморгало наутилусовский триумф трехлетней давности и сейчас ринулось на концерт с затаенной надеждой воочию увидеть чудо. Но вместо

анонсируемого людской молвой чуда они узрели на сцене мираж в виде зафуззованного гитарного индиварианта, который не спасали даже фантастические барабанные соло Джавада.

Вспоминает один из организаторов этой акции, известный эстонский журналист и социолог Николай Мейнерт:

Облом был капитальный. Группа отошла от одной модели, ринулась в другую, а другая модель пока не шла. Этим концертом “Наутилус” на корню убил легенду, которая сложилась о группе несколько лет назад.

Выступление “Наутилуса” в Таллинне вошло в историю группы еще по одной причине. По просьбе Бутусова специально на эти концерты приехал (пока в качестве постороннего наблюдателя) Егор Белкин. Бутусов верил, что с помощью еще одного гитариста ему все-таки удастся усилить “Наутилус”.

Russians are coming!

Вернувшись с тура домой, музыканты узнали, что буквально через два месяца им предстоит выступить в Америке. “Наутилус” должен был не просто сыграть пару концертов в Нью-Йорке, но и принять участие в одном из самых крупных в мире промоушен-мероприятий под названием “New Musical Seminar”.

Как всегда, не обошлось без неожиданностей. Первая из них состояла в том, что, оказавшись в Шереметьево-II, группа узнала, что сотрудник аэропорта, который должен был передать музыкантам билеты, здесь не работает. Оставшихся пяти часов до вылета едва хватило на то, чтобы эти билеты достать. “Наутилус” начал планомерную атаку на девушек-кассиров: в ход пошли плакаты, чарующие улыбки, автографы, клятвы и обещания. В итоге в тот же день четверо музыкантов уже ночевали в Нью-Йорке – в “Marriott Marquis Hotel”, в том самом, в котором за год до этого представителям советской миссии ООН вручали награду для Горбачева – как “человеку года”.

Уже на следующий день на рейсе “Pan American” прилетела остальная часть делегации – вместе с директором группы Дмитрием Гербачевским. Новости, привезенные ими, оказались неутешительными. Вылетавший из Шереметьево представитель спонсорской организации был остановлен пограничниками уже после регистрации билета и прохождения таможенного контроля. Ему сообщили, что его виза на выезд аннулирована и, соответственно, в Нью-Йорк он не полетит. Это означало, что “Наутилус” остается в Америке без средств к существованию. Мало того: номера в гостинице были заказаны всего на один

день, а дальше надо было либо платить по 150 долларов в сутки, либо – гуд-бай, Америка.

Они нашли третий вариант.

Среди прибывших на семинар трех тысяч журналистов и продюсеров оказалась представитель западногерманского отделения фирмы “LRO Music” Рифф ле Рош, занимавшаяся экспортом свердловских групп в Западную Европу. Благодаря Рифф музыкантов “Наутилуса” удалось расселить на частных квартирах у ее нью-йоркских друзей и знакомых.

Естественно, “Наутилусу” после патриархальной Европы город первоначально не понравился – в особенности его сумасшедший темп жизни, а также то, что в течение целого дня под окнами со страшной силой ревели машины. Среди нарушителей тишины выделялись полиция, пожарные и темнокожее население Бруклина, разъезжавшее в машинах с открытым верхом и с включенными на полную мощность динамиками с гангстерским рэпом. Чтобы все видели, кто едет.

Помимо этого – грязища на улицах и в транспорте, толпы бомжей, которые активно пристают и просят помочь – хотя еще неизвестно, кто кому должен помогать.

...Концерт “Наутилуса” входил в программу семинара и должен был состояться 18 июля в клубе “Kenny’s Castaways”, расположенном в богемном районе Гринвич-Виллидж, неподалеку от легендарного клуба “CBGB”. Чтобы до конца понять масштабность семинара, заметим, что в тот же день на других площадках выступали “Jesus & Mary Chain” и “Red Hot Chili Peppers” – правда, в активе последних еще не значился “Blood Sugar Sex Magic”. Что же касается “Наутилуса”, то он оказался во главе советского рок-вторжения в “Kenny’s Castaways” – в одной обойме с симпатичной литовской командой “Vix”, а также с хардрокерской “Группой

Гуннара Грапса” и припанкованным “Соловьем-Разбойником” из Таллинна. Вся акция носила ярко выраженный домашний характер, и преувеличивать ее интернациональное значение при всех приблизительных достоинствах советских групп все же не стоит.

Наиболее сильным впечатлением от этого концерта для самих музыкантов оказалось их ощущение причастности к живой рок-истории. Дело в том, что “Наутилус” выступал в том самом клубе, в котором за шестнадцать лет до этого Йоко Оно, находясь во временном разрыве с Ленноном, устраивала свои сольные шоу. Клуб украшали наскоро побеленные кирпичные стены, массивные железобетонные стулья и маленькая сцена. Еще немного – и можно было бы поверить, что именно здесь была отснята сцена швыряния пивными бутылками из кинофильма “Blues Brothers”.

...На следующий день “Наутилус” играл в не менее легендарном месте. Группу пригласил выступить у себя в клубе бывший менеджер “Yardbirds” Гомельский – то ли одесский, то ли польский эмигрант. Сцена находилась на первом этаже его дома, и в конце шестидесятых на ней выступал Игги Поп со “Stooges”. Публики на концерт собралось человек 150 – типичный “квартирник в электричестве”, причем большую часть зрителей составляли представители советской миссии в ООН, а также съемочная группа “Global Vision” и ряд прибывших на семинар западно- и восточноевропейских специалистов. Говорят, это был сказочный концерт – возможно, лучший для нового состава “Наутилуса”. Акклиматизировавшиеся музыканты наконец-то въехали в американский образ жизни, стали более свободными, сменили свои одежды на шорты и футболки. Прием был просто феерический – “Наутилус” долго не хотели отпускать, а через пару дней их

пригласили в пригородный Оссининг, где в местной студии был отснят клип по песне “Скованные одной цепью”. На этом американская эпопея группы была завершена. Остается добавить, что официальный вызов на нью-йоркский семинар пришел в Ленинград по почте лишь спустя полтора месяца.

Немецкий след

Помимо воздушных замков и несбывшихся устных обещаний западных партнеров поездка в Америку все-таки имела одно осязаемое достоинство. Речь шла о реальном контракте с вышеупоминавшейся фирмой “LRO Music”. Миллионами в контракте и не пахло, но зато западные партнеры обязывались обеспечить участие “Наутилуса” в ряде немецких рок-фестивалей, а также профинансировать и спродюсировать запись нового альбома. Поэтому в течение лета и ранней осени 1990 года группа сыграла в Германии невероятное количество концертов. К примеру, “Нау” выступил вместе с “Аукцыоном” и “Поп-механикой” на советско-германском фестивале “Dawai Rock-n-Roll” в Касселе, а затем с небольшим перерывом отыграл в Ганновере, Гессене и Берлине.

“Наутилус” разъезжал по Германии на собственном микроавтобусе, с которым в пути вечно что-нибудь происходило. По дороге в Ганновер автобус попал в жуткую дорожную пробку, в результате чего группа явно опаздывала к началу концерта. Выбравшись на встречную полосу, водителю всеми правдами-неправдами удалось развернуться, поехать в обратном направлении, сделать огромный крюк, но все же успеть к началу. После концерта Бутусов мрачно пошутил, что в этой дорожной пробке лицом к лицу столкнулись беженцы: бизнесмены, мигрирующие из Восточной Германии в Западную, и панки, перебирающиеся из Западной Германии в Восточную.

В другой раз где-то в районе Потсдама в автобусе закончился бензин. Благо недалеко находилась воинская часть, и три добровольца – Джавад, Бутусов и Белкин – отправились в распоряжение советских войск

зарабатывать высоким искусством на топливо. На местных инструментах они втроем отыграли незабываемый концерт, причем Бутусов играл на басу, а Белкин пилил на гитаре “Урал”. Особым успехом у офицерского состава Красной Армии пользовалась композиция “Бриллиантовые дороги”, нежданно-негаданно приобретшая в данном контексте совершенно новую окраску.

Вернувшись из Германии домой, “Наутилус” планировал записать первую для нового состава пластинку. На студии “Телевизора” на Фонтанке было выкуплено студийное время, и с ноября 1990 года “Наутилус” начал записывать там новые песни. По контракту с “LRO Music” ее представитель Франк Остеланд взял на себя обязанности по звукопродюсированию альбома.

В Западном Берлине на средства матери (зубного техника по специальности) он приобрел небольшую студию, которая была расположена на втором этаже полуразрушенного дома и в которой записывались небогатые студенческие панк-группы, не слишком трепетно относящиеся к нюансам собственного звучания. В середине 1990 года “Наутилус” попытался сделать на этой студии запись нескольких композиций, но ничего выдающегося из этой затеи не вышло.

Вспоминает Джавад:

Франк заставлял нас работать под метроном и с немецкой пунктуальностью следил за тем, чтобы каждая нота была сыграна правильно. В итоге в студии начался “напряг” и запись получилась какой-то мертвой.

После берлинской неудачи запись альбома решено было перенести в Ленинград.

*Вспоминает звукорежиссер “Наутилуса”
Александр “Полковник” Гноевых:*

В то время у нас было ощущение, что на Западе все хорошо и халява там отсутствует по определению. Это оказалось иллюзией – халявы там не меньше, чем у нас... У Франка Остеланда это была первая крупная работа, он абсолютно не имел звукорежиссерского опыта, и очень скоро стало понятно, что ничего особенного из нашего союза не получится. Я должен был работать в студии вместе с ним, но так и не смог найти общий язык. В конце концов я решил: “Пусть из нас двоих это делает кто-нибудь один”.

Франк неприятно поразил не только звукооператора, но и самих музыкантов.

Вспоминает Игорь Копылов:

Франк слишком по-панковски относился ко всему, что попадало ему под руки в студии. Если под ногами путался длинный шнур, от него тут же отрезался “лишний” кусок, если барабан звучал чересчур звонко, то брались кусачки и откусывались “ненужные” пружины – “чтобы не мешали”. Апофеоз наступил в тот момент, когда немцы развинтили бас-гитару Александра Титова(одолженную басистом “Аквариума” Копылову на время записи) со словами, что в ней, мол, все стоит неправильно.

С точки зрения Джавада , в не совсем удачном конечном результате в первую очередь были виноваты сами музыканты:

Ни у кого из нас не было опыта настоящей студийной работы. Подсознательно мы пытались приблизить студийный звук к концертному. У нас была куча материала, и фактически в студии мы занимались тем, что грубо его отесывали. В итоге все получилось достаточно суховато.

Покидая Ленинград, Франк в сердцах сказал, что, кроме Бутусова, никто в группе к записи не был готов. Вполне возможно, что за этой версией скрывалась не только пресловутая разница в менталитетах.

Запись на Фонтанке, вышедшая впоследствии на пластинке под названием “Родившийся в эту ночь”, оказалась как минимум четвертой студийной попыткой зафиксировать одну и ту же программу. Впервые часть этих композиций была записана вместе с Умецким, Беляевым, Джавадом и Игорем Доценко из “ДДТ” в студии “Ленфильма”, причем мелодия “Джульетты” обрамляла тогда текст песни “Звездные мальчики”. Во второй раз половина композиций, вошедших в “Родившийся в эту ночь”, писалась в ДК Русакова и распространялась на магнитоальбомах под названием “Наугад”. Примечательно, что в магнитофонном варианте московская запись была добыта фрагментами концерта, записанного 14 и 15 июня 1990 года на концертах в ДК Ленсовета и обработанного режиссером Андреем Макаровым вместе с Полковником. Магнитоальбом – с обложкой, отпечатанной в типографии, и размноженный чуть ли не в домашних условиях, распространялся на кассетах при помощи какого-то ленинградского кооператива.

Третья попытка записать эту программу произошла на студии у Франка в Берлине.

Студийная запись, сделанная на Фонтанке, оказалась четвертой попыткой. Сложно оценивать,

была ли эта сессия самой удачной, но именно ее оригинал под названием “Родившийся в эту ночь” был отдан в Москву на фирму “Русский диск”. Первые партии виниловых пластинок появились в продаже лишь в конце следующей весны, а повторный тираж в 200000 экземпляров увидел свет в 1992 году.

В это время фаны группы, заслушав до дыр концертные записи 1988–1990-х годов (вышедшие позднее под названиями “Ни кому ни кабельность”, “Разъезд” и “Отбой”) и недоношенный мелодиевский “Князь тишины”, с чувством легкого мандража ставили на вертушки опальный плод непродолжительной советско-немецкой дружбы. Очарование “Джульетты”, камерная болезненная прелесть “Тихих игр”, трагичность “Падшего ангела” с ходу были доступны далеко не всем. “Родившийся в эту ночь” выявил важную тенденцию, сохранившуюся во всех последующих альбомах, – пластинка нравилась не сразу, и тем больше, чем больше слушалась. Это кардинально отличало альбомы обновленного “Наутилуса” от “Разлуки” и “Невидимки”, которые с первых же аккордов волокли безропотных слушателей за собой. Теперь музыка “Нау” требоваласопереживания и, следовательно, сотворчества.

Еще одним характерным моментом, который стал патагномоничным признаком группы вплоть до 1997 года, была полная, за исключением легкой рефлексии, аполитичность. В принципе, при большом желании в текстах “Нау” можно было выискать аллюзии на злобу дня, но это уже была не борьба с системой, а уход в себя и борьба с собой же. Похоже, это было взросление.

Реакция прессы на магнитоальбом “Наугад” и его виниловую версию была вполне предсказуемой. Жестковатый альтернативный рок “Наутилуса” с безупречной работой ритм-секции и нездешним гитарным минимализмом был откровенно недооценен в

то время. Чаще всего данная программа воспринималась массмедиа как неоправданная экзотика и чуть ли не предательство былых идеалов.

Свердловская “Рок-хроника” писала:

В перегруженности философией – определенный недостаток альбома. В нем нет цельности, будто авторы стремились так или иначе потрясти слушателей набором экстраординарных мыслей. Что ж, им трудно отказать в интеллектуализме. Но альбом при этом слушается как сборник случайных вещей, лишенных общего стержня.

Любопытно, что когда спустя несколько лет “Наугад” решили переиздать на фирме “Мороз Рекордз”, то в качестве дизайна его обложки с невероятной смелостью было использовано оформление альбома “Achtung Baby” ирландской группы “U2”. Сходство получилось просто вызывающим.

Штурм Москвы

Презентацию магнитоальбома “Наугад” решено было осуществить в Москве, в которой группа не выступала целых два года. Акция состоялась в ДК Горбунова 19 и 20 декабря. К этому моменту состав “Наутилуса” увеличился на двух музыкантов – виолончелиста Петра Акимова и флейтиста Олега Сакмарова, помогавших “Наутилусу” еще во время записи “Родившийся в эту ночь”. И если сотрудничество с Акимовым носило эпизодический характер (возникли проблемы совмещения виолончели и баса в одном регистре), то творческое сотрудничество с Сакмаровым продлилось вплоть до 1995-го года. К слову, чтобы выступать под знаменами “Наутилуса”, Олег отказался от десятимесячной стажировки в Принстонском университете.

Вспоминает Сакмаров:

Мы с Акимовым в студии на Фонтанке помогали “Колибри” записывать их первый альбом. В следующие после “Колибри” смены в студии работал “Наутилус”, а я всегда являлся их большим поклонником. Меня очень сильно цепляло, как Бутусов поет, а Кормильцев пишет тексты – у них просто уникальный тандем... Мы внедрились в “Наутилус”, не выходя из студии, – Слава тогда решил уравновесить жесткость гитарной линии звучанием флейты и виолончели.

Москва встретила “Наутилус” не до конца наполненным залом – несмотря на то что стоимость

билетов была на редкость демократичной (10 рублей при вдвое большей цене пачки “Marlboro”).

После нескольких песен зал разделился на две части: одна половина рванула к сцене, вторая – в буфет. На композиции “Она ждет любви”, музыку к которой написали Беляев и Копылов, тандем наутилусовских гитаристов разразился каскадом впечатляющих инструментальных импровизаций. Сентиментально-мягкие “Джульетта” и “Тихие игры”, сыгранные в акустике с выведенными на первый план флейтой и виолончелью, оказались своеобразным бенефисом Сакмарова и Акимова. На “Черных птицах” – сложной композиции с рваным ритмом – вовсе разошелся Белкин, извлекавший из гитары волны черной энергии и имитируя слайдером страшный визг птиц. В середине программы Бутусов поменял электрическую гитару на акустическую и с серьезным лицом объявил: “Песня народов Севера – „Я хочу быть с тобой“”. В зале – никакой реакции. И лишь на “Бриллиантовых дорогах”, посвященных памяти Цоя, толпа немного раскачалась, стала подпевать и жечь спички.

Вспоминает Бутусов:

Действительно, после старого состава народ воспринимал новую программу достаточно болезненно. Мы сами все это тогда достаточно болезненно воспринимали. Под знаком “даешь индипендент!” – новый индипендент, но в старых трусах. Хотя я до сих пор считаю, что то звучание было интересно – по крайней мере, в студийном варианте.

В самом конце второго выступления, когда Белкин вышивал на гитаре финальный проигрыш в “Гуд-бай, Америка”, покидавший сцену Беляев незаметно

вывернул до максимума ручку громкости на усилителе. Несмотря на то что концерт закончился весело, в итоговом хит-параде “Московского комсомольца” за 1990 год “Наутилус” с большим отрывом выиграл гонку за титул “Разочарование года”. В ленинградской прессе (газета “Смена”) ситуация выглядела более радужно: в категории рок-групп “Наутилус” занял седьмое место, в категории поэтов-песенников Илья Кормильцев был восьмым, а виниловая пластинка “Князь тишины” в итоге оказалась девятой.

Бутусов впоследствии говорил:

Я достаточно ровно отношусь ко всем так называемым результатам. И мне иногда хочется думать, что с каждым новым проектом мы делаем что-то новое – то, чего мы до этого не делали. Потом проходит время, и оказывается, что мы делаем то же самое. Затем нас начинают упрекать, что мы делаем все хуже. Вот такой парадокс. Я думаю, тут все зависит от эффекта узнаваемости. Это совершенно нормальный процесс восприятия.

Тем временем группа в полном составе репетировала в Коломьягах первые композиции новой программы “Чужая земля”.

Вспоминает Копылов:

На нас напал какой-то азарт. Репетировали недели напролет, никуда не выходя из дома. Джавад играл под бубенчик, мы втыкали гитары в какие-то допотопные ЛОМОВские динамики и... вперед. Девочки-администраторы носили нам продукты, а мы даже не знали, день сейчас

*или ночь и какое на улице время года...
Накануне грядущего тура по стране я решил
съездить домой к матери и очень удивился,
увидев, что на улице уже плотным слоем лежит
снег.*

Уход Джавада и возвращение Потапкина

Не успел начаться тур, как стало известно, что “Наутилус” покидает Джавад. Это была серьезная потеря. Помимо того, что Джавад был одним из лидеров группы и, пожалуй, самым профессиональным музыкантом “Наутилуса”, он всегда умел создать в коллективе доброжелательную атмосферу – что, впрочем, не мешало ему являться постоянным генератором, казалось бы, безумных идей. Начиная от лекции о перестройке и положении рок-музыкантов в СССР, бесплатно прочитанной им в одном из немецких университетов, и заканчивая бесчисленными музыкальными проектами – в настоящем и будущем. Как правило, Джавад возил на концерты целую кухню экзотических инструментов – какие-то гонги, казаны, октабаны, которые он два часа собирал и час разбирал.

Вспоминает Джавад:

Когда я пришел на первый выездной концерт с багажом ударных инструментов, запакованных в четыре деревянных ящика, взятых на “Ленфильме”, все меня начали тихо проклинать. Но потом поняли, что игра стоит свеч.

Параллельно “Наутилусу” Джавад успевал помогать в московской студии записаться новому хардрок-проекту Гаины, что-то замышлял с артистами “Лицедеев” – в духе авангардного джаза с элементами клоунады, мечтал о собственной панк-группе и т.п.

Вспоминает Бутусов:

Было видно, что, несмотря на свою энергию и габариты, Джавад – достаточно хрупкий человек. Перед тем как уйти, он долго рассказывал мне о своей семье и представлениях о жизни. В его биографии всего этого поп-джаз-рока было больше, чем у каждого из нас. Еще пацаном он играл на свадьбах, в цирке, и сейчас, по его словам, он заинтересовался исключительно “чистым искусством”.

Последние выступления Джавада в составе “Наутилуса” состоялись в конце февраля 1991 года в Казани, когда все четыре концерта он отыграл на одном дыхании. Во время собственных соло он чуть ли не “асса” кричал, а его барабанные сбивки и брэки звучали так, словно за барабанной установкой сидел западный рок-музыкант высочайшего класса. В “Стриптизе” он эффектно применял октабан, Полковник на пульте делал “холл”, и когда на сцене возникал ураганный драйв, Джавад добавлял еще и еще. Он прощался с группой.

Когда в “Наутилусе” стало известно об уходе Джавада, Бутусов вспомнил о вернувшемся недавно из армии Алике Потапкине, который уже успел поиграть и уйти из “Агаты Кристи”. Действительно, Потапкин, за плечами которого было не только музучилище, но и участие во взлете “Наутилуса” 1986-1987 годов (его барабаны звучат на классических концертниках того времени в Новосибирске, Черноголовке и Таллинне), в данный момент был необходим группе как воздух.

Вспоминает Потапкин:

Мне позвонили поздно ночью, и я узнал, что из “Наутилуса” уходит Джавад, в связи с чем срывается тур и намечающаяся поездка в Японию. Я уже несколько месяцев не играл, так как музыка, которую исполняла “Агата Кристи”, меня “не грела”, и из группы я ушел. Мой “технический перерыв” несколько затянулся, сопровождаемый сильнейшим безденежьем, депрессией и большим желанием завязать с музыкой вообще.

Тем не менее уже через несколько дней Потапкин встретился с группой в Перми. Алик не видел “Наутилус” более трех лет, и то, что он услышал, перевернуло его душу наизнанку:

Когда начался концерт, я просто ничего не понял. На сцене стоит грохот, рев, куча гитар, Джавад колотит по своей громадной барабанной кухне... После его очередного таджикского отвяза я подумал: “Мамочка моя дорогая! Что же я здесь буду делать?”

Пауза между концертами составляла десять дней, за которые Потапкину нужно было срочно разучить 22 песни.

Я бегал весь в мыле, не понимая, как все это “хозяйство” можно запомнить. У меня в голове была каша, в запасе всего четыре репетиции... А мне так хотелось что-нибудь привнести в ритмику группы от себя!

8 марта, спустя чуть ли не четыре года, Потапкин повторно дебютировал в составе “Наутилуса”:

Я вышел на полусогнутых ногах, и мне становится смешно, когда я вспоминаю, чего я там наковырял. В начале концерта у меня получилась не интродукция, а дурдом на барабанах. Затем мы нашли выход – вместе с Сакмаровым стали играть в начале концерта “Болеро” Равеля, которое плавно перетекало в “Отход на Север”. Возможно, в этом была какая-то закономерность – если в составе сменился человек, должно же что-то измениться в самой музыке?

Этот тур “Наутилуса” по Сибири состоял из 14 концертов в Омске, Новосибирске, Томске и Красноярске. В конце тура Алик колошматил по барабанам так, словно не покидал группу со дня ее основания.

“Рок против террора” и рок против “Наутилуса”

6 апреля 1991 года в московском Дворце спорта “Крылья Советов” состоялся однодневный рок-фестиваль, названный его соорганизаторами из “Комсомольской правды” и телекомпании “ВИД” “Рок против террора”. Помимо уникальной возможности музыкантам ведущих рок-групп страны собраться вместе, фестиваль ставил перед собой благородную цель всю прибыль от акции передать жертвам трагических событий в Прибалтике и в Закавказье. Участвующий в фестивале “Наутилус” оказался в одной компании с “ДДТ”, “Алисой”, “Бригадой С”, “ЧайФом” и еще добрым десятком рок-групп.

Фестиваль начался весьма помпезно чуть ли не на Ленинградском вокзале, когда прибывшую из Питера внушительную рок-делегацию встречал бравурными маршами военный оркестр. Следующим пунктом акции оказалась пресс-конференция, состоявшаяся в конференц-зале “Комсомольской правды”. Журналисты, словно сговорившись, задавали дежурно-поверхностные вопросы, сквозь которые участники концерта с трудом пробирались, чтобы сказать что-нибудь значимое.

В выступлении Бутусова – чуть ли не первом за последние полтора года – выделялось несколько основных моментов: о закрытии телепрограммы “Взгляд”, о политической ситуации в стране и о взаимоотношениях армии и народа. Изначально не большой любитель крупных рок-тусовок, Бутусов тогда придерживался мнения, что в нынешнее время выступление в хорошей компании просто необходимо. “Мы – „злоумышленники по духу“, – заявлял он, – и для

проведения общей политики нужно действовать совместно, чтобы не скиснуть. И чтобы всех поодиночке не придушили”.

Непосредственно сам фестиваль состоялся через день после пресс-конференции и представлял собой восьмичасовое шоу, проходившее фактически без пауз перед переполненным залом Дворца спорта. Одно из условий, выдвинутое администрацией “Крыльев Советов”, гласило, что концерт должен закончиться к одиннадцати часам вечера. Соответственно, времени на настройку у музыкантов практически не было и каждая группа успевала сыграть в среднем по 3-4 композиции. Правда, и за этот промежуток времени вполне можно было понять, кто есть кто. Благо за примерами для сравнений далеко ходить не приходилось.

“Бригада С” выплескивала энергию и буквально рвала зал на куски. Интеллигентный “Vix” воткнул в одну из композиций щедрую музцитату из “блокадной” Седьмой симфонии Шостаковича. Кинчев заводил бушующую толпу актуальными лозунгами типа “Красная гадина агонизирует, так поможем ей сдохнуть”.

Когда объявили “Наутилус”, во Дворце спорта поднялся дикий визг. Группа в составе Бутусов-Беляев-Белкин-Копылов-Сакмаров-Потапкин (все одетые в черное) начала выступление с недавно отрепетированной “Монгольской степи”. Затем пошли “Новые легионы” (показанные на следующий день по телевидению), “Эти реки”, “Князь тишины” и, в качестве коды, – “Бриллиантовые дороги”. Несмотря на взятый с самого начала чересчур быстрый темп, группа в тот день сыграла по максимуму. На фоне остальных рок-монстров, от выступления которых осталось классическое для тех лет ощущение “он пугает, а мне не страшно”, “Наутилус” в этой сложной обстановке

даже не пытался пугать. Но аура вокруг их выступления создалась страшная.

Многие чувствовали это.

Самая примитивная ассоциация, которая оставалась от их концерта на “Роке против террора”, – это ожидание апокалипсиса и приближающегося конца света. За спиной “Наутилуса” в тот момент проглядывал патологический страх – страх жизни (это не голословное утверждение), страх выбора, страх любви. В принципе под эти песни даже можно было танцевать – только это были бы танцы во время чумы. За неполные двадцать минут их аскетичного шоу на глазах у нескольких тысяч зрителей прошла грамотно выстроенная драматургия вселенского страха, впоследствии нашедшая свое отражение в “Титанике”.

...Через две с половиной недели группа выступала в Минске – в рамках международной акции в поддержку жертв Чернобыльской катастрофы. Концерт проходил на открытом республиканском стадионе “Динамо” и имел определенный европейский резонанс – в связи с участием в акции английских групп “Echo And The Bunnymen”, “China Crisis”, “Lindisfarne”. Примерно в середине программы Потапкин неожиданно сбился с ритма, Белкин в “Падал теплый снег” не успел поменять гитары, да и Бутусов на этот раз пел как-то невыразительно. А у сцены в полном составе стояла “Машина времени”, внимательно отсмотревшая весь наутилусовский триумф от начала и до конца.

После концерта в гримерной стояла мертвая тишина. Когда садились в автобус, Бутусов сказал только одну фразу: “Нам уже ничего не поможет”. Все жутко расстроились, но уже на следующий день, собравшись с духом, “Наутилус” превзошел сам себя. Как водится в истории чуть ли не всех рок-групп, телевидение из двух концертов – удачного и неудачного – выбрало неудачный.

“Наутилус” в Японии: иллюзии и реальность

Этой поездки в группе ждали давно и давно к ней готовились. В перспективе вырисовывались какие-то контракты, серия концертов в Токио и, при удачном стечении обстоятельств, целый тур по стране. Сам вариант с Японией возник после того, как один из японских представителей фирм “Virgin Records” и “Мицубиси” вышел на администраторов “Наутилуса” с пакетом конкретных предложений. По его словам, в Японии группу ждали с распростертыми объятиями.

Незадолго до отъезда Бутусов заявил в прессе:

Сейчас мы летим на гастроли на коммерческой основе. В зависимости от того, как пройдет эта пятидневная серия концертов, с нами заключат или не заключат долгосрочный контракт. Это будут не стадионные выступления – мы сразу предупредили, что на большие залы не претендуем. Кроме концертов в Токио и Осаке мы также сыграем в русском посольстве.

В жизни все сложилось иначе.

Вспоминает Бутусов:

Все сорвалось в последний момент. Мы уже были готовы подписать документы и оформлять бумаги для поездки в Японию, когда неожиданно выяснилось, что представитель “Virgin Records” бьется в конвульсиях, отравленный в одном из столичных ресторанов

чем-то типа цианистого калия. Тем не менее Япония была для нас экзотикой, и мы все равно решили туда лететь – правда, без каких-либо гарантий с японской стороны.

Вспоминает Алик Потапкин:

Незадолго до Японии на одну из репетиций пришел Слава и сказал, что все планы срываются и будет только один концерт. Все жутко расстроились, а мы с Гогой Копыловым с горя напились и поехали кататься по городу на наutilusовской “Тиссе”. По дороге мы врезались в интуристовскую “Волгу”, и я оказался в милиции – без водительских прав, в незнакомом городе, где жил всего несколько месяцев, да к тому же нетрезвый. Выручили администраторы: через несколько часов меня отпустили, а ремонт двух машин обошелся всего в 600 рублей. То есть по самому минимуму – как затем выяснилось, питерская милиция во время дежурств любила послушать “Наutilus”.

...В Японию “Наutilus” вылетал через день – рейсом из Москвы. Когда вылетали, было шесть часов вечера и солнце еще не садилось. Когда прилетели, было девять утра и солнце уже взошло – впрочем, как и полагается в Стране восходящего солнца.

В Токио “Наutilus” был три дня. За это время он сыграл единственный концерт – “в каком-то совершенно стремном месте”, напоминавшем пресс-клуб японских молодежных изданий. На разогреве перед “Наутилусом” выступали местные команды – начиная от панк-рока и заканчивая хэви-металлической группой с миниатюрной девушкой-вокалисткой. “Такое впечатление, – вспоминали впоследствии музыканты, –

что японцы только что закончили разгружать апельсины и тут же ринулись чесать хэви-метал". На этом единственном концерте поездку в Японию можно было считать законченной. Вернувшись домой, "Наутилус" узнал, что в магазинах полным ходом продается только что появившаяся пластинка "Родившийся в эту ночь", а в хит-параде "Комсомольской правды" группа поднялась до второго места, на котором и оставалась до конца лета 1991 года.

Юридический фасад “Наутилуса”

От старого “Наутилуса” в наследство группе досталась довольно разношерстная компания администраторов, которые до этого преимущественно занимались делами кинематографа. В частности, до сотрудничества с “Наутилусом” Дмитрий Гербачевский был директором картин на “Ленфильме”, а его помощник Михаил Милагин, организовавший поездку в Японию, был сыном директора тюрьмы “Кресты” и долгое время работал главным инженером станции техобслуживания.

После Нью-Йорка стало очевидным, что Гербачевский начинает плавно спиваться. В той же Америке, находясь в нулевом состоянии, он потерял загранпаспорт, а когда проходил таможенную, его вынуждены были поддерживать как слева, так и справа. “Нам надоело перевозить это бревно через границу”, – решили на собрании музыканты, после чего группа фактически осталась без юридического фасада. На “совет старейшин” был в срочном порядке вызван Борис Агрест – директор “Наутилуса” 1988 года, человек, деловые качества которого заслуживают отдельной книги. К этому моменту Агрест уже перерос детские рок-н-рольные забавы и вовсю занимался экспортом-импортом всевозможного сырья в промышленных масштабах. В качестве замены Гербачевскому он предложил Андрея Кузьмина, который в свое время выполнял функции дорожного менеджера “Наутилуса”.

Милагина решили оставить – человек он был достаточно энергичный, ловкий, и ему поручили заниматься изданием плакатов и кассет в центре под названием “Наутилус”. Милагин успел в считанные дни

зарегистрировать вверенное ему предприятие при Управлении культуры города Ленинграда, поскольку в те времена с организаций, связанных с культурой, не взимали налоги. Спустя несколько месяцев при первой же серьезной финансовой проверке выяснилось, что данный центр вместо выполнения своих прямых обязанностей торгует под маркой “Наутилуса” финской сантехникой и стиральными машинами. После этого сотрудничество с Милагиным завершилось – первая попытка создания собственной юридической фирмы ознаменовалась полным крахом.

Следующим техническим директором, покинувшим группу, оказался Андрей Тарасенко, который в одиночку пробил на “Русском диске” издание пластинки “Родившийся в эту ночь”, вышедшей в течение 1991–1992 годов общим тиражом около 300000 экземпляров. Помимо этого, Тарасенко добился того, чтобы в условиях жутчайшей инфляции выпускающая фирма в обмен на мастер-фонограмму расплатилась с группой наличными деньгами еще до выхода пластинки. Не всем сегодня приятно это вспоминать, но в дело почему-то вмешалась администрация “ДДТ”, сообщившая Бутусову, что Тарасенко сбивает “нормальные цены” и слишком дешево отдал “Русскому диску” фонограмму. Не пытаясь вникнуть в нюансы, Бутусов устроил Тарасенко разнос: “Мы подводим наших коллег. А конкретно – подводишь ты”.

Для Тарасенко, отдавшего два года жизни на выпуск пластинки и заключившего, с его точки зрения, сверхвыгодный договор с “Русским диском”, это был удар.

Вспоминает Тарасенко:

Возможно, тогда я был слишком молод и слишком впечатлителен. Но после этого

разговора я очень сильно расстроился.

Вскоре Тарасенко покинул “Наутилус” с формулировкой “по собственному желанию”.

Затем на горизонте появилась Ирина Аскольдовна Воскобойникова, работавшая при Гербачевском бухгалтером нескольких кинокартин и обладавшая феноменальными способностями в плане общения с представителями бирж, банков и крупных финансовых структур.

“Наутилусу” она клятвенно пообещала создать при киностудии собственную базу группы. “Я возьму в банке кредит, перекрою им ваш предыдущий кредит, и мы будем жить как у Христа за пазухой, – обещала музыкантам Ирина Аскольдовна. – Под маркой „Наутилуса“ мы будем снимать фильмы и иметь огромный успех”.

Первоначально все шло хорошо. Воскобойникова действительно набрала кредиты и организовала при “Ленфильме” так называемый “Творческий экспериментальный центр”, в котором хранились трудовые книжки всех участников группы, менеджеров и администраторов. Доверие группы она купила не очень дорогой ценой, отсняв при помощи своих болгарских друзей-операторов несколько видеоклипов “Наутилуса” весьма спорных художественных достоинств. Часть съемок, как водится, проводилась в Сочи – в разгар курортного сезона.

Пока “Наутилус” колесил с концертами по стране, центр жил своей трудовой жизнью. Как выяснилось позднее – весьма оригинальной. Примерно через полтора года в новоявленную организацию “Рога и копыта” пришли мрачные люди в штатском. После проведенной ревизии выяснилось, что Воскобойникова брала немыслимые деньги у каких-то бирж и “Ленфильма” под создание фильма о “Наутилусе”, а

затем под предлогом инфляции значительная часть этих средств вкладывалась в антиквариат и недвижимость. С документами и финансовыми договорами творилась полная неразбериха. Когда представители ОБХСС встретились с музыкантами, искренне пытаюсь понять, куда же, собственно, подевался этот антиквариат (сразу трудно было поверить, что так просто и в таких размерах совершались финансовые махинации), произошла немая сцена, достойная пера классика. Надо было видеть лица музыкантов, когда у них стали выяснять, не дарила ли им Воскобойникова шахматного набора со стойкой из малахита и золотыми фигурками...

В скобках заметим, что после выхода из тюрьмы Воскобойникова продала квартиру, раздала часть долгов и организовала “Центр экстрасенсорики”, который, в частности, определяет местонахождение пропавших родственников и украденных автомобилей. Трудовых книжек музыкантов с тех пор так никто и не видел.

Что же касается нового директора группы Андрея Кузьмина, то вскоре после его вступления в должность музыканты стали замечать, что концертов играется достаточно много, а наличных денег выдается на руки на удивление мало. На все вопросы по этому поводу Кузьмин отвечал, что группа “не пользуется популярностью”. Глаза его при этом постоянно бегали по сторонам.

Уход Кузьмина был делом времени. Он произошел во время осеннего тура 1991 года. Этому событию предшествовал “случай в Одессе”, когда подвыпивший Кузьмин попытался провести мимо ОМОНа в артистическую гримерку барышень из кабака.

– Ты кто такой? Чего прешься в гримерку? – спросили омовцы, на что Кузьмин лихо ответил:

– Да вы что, ох...ли? Я – Кузьмин!!!

Ему почему-то тут же больно ударили по почкам, приговаривая при этом:

– Мы шо, в Одессе Кузьмина не знаем?!

Через несколько дней после концерта в Сочи подвыпивший Кузьмин жизнерадостно заявил группе, что он ее покидает, так как ему предложили быть директором то ли “Русских Медведей”, то ли “Красных Ястребов”.

Вспоминает Бутусов:

Мы спросили у него: “А кто это? Бандиты, что ли?” На что Кузьмин гордо ответил, что его ждут большие дела, а “Русские Медведи” – это перспективная команда, играющая в американский футбол.

После этого Кузьмин со смаком рассказал музыкантам, как он их обманывал и сколько денег воровал, пользуясь при организации концертов двойными договорами.

Безнаказанно уйдя из “Наутилуса”, Кузьмин оставил в группе своего приятеля Игоря Воеводина. Воеводин оказался порядочным человеком.

Вспоминает Бутусов:

Он был и администратором, и завхозом, и всем, кем только можно.

Вспоминает Копылов:

Воеводин был для нас всем на свете – отцом, братом, другом. Он постоянно мотался с нами по всем городам, таскал на себе барабаны и охранял инструменты. Когда мы поздно вечером

*приезжали в другой город голодные, Воеводин
чуть ли не из-под земли находил для нас еду.*

Более того, когда во время осенних концертов “Наутилуса” в “Зеленом театре” у группы случился неприятный инцидент с “Ночными волками”, Игорь в драке прикрывал телом оказавшегося на земле Сашу Беяева.

Вскоре Воеводин вполне освоился в премудростях директорской деятельности и ближайшие три года проблем с “юридическим фасадом” у группы не возникало.

“Чужая земля”

Летом 1991 года Воеводин договорился с московской студией “Видеофильм”, на которой до этого работали “ДДТ”, о записи нового альбома. Этому предшествовали изнурительные репетиции, которые начались еще во времена зимних полуакустических джемов с Джавадом в Коломьягах. После того как группой были отрепетированы три новые композиции: “Монгольская степь”, “Эти реки” и “Прогулки по воде”, было принято решение сделать их предварительную запись при помощи Андрея Макарова в студии на Фонтанке. Впоследствии следы ее оригинала оказались утрачены (в частности, одна из копий была переправлена через Стингрей в Америку), но многие из участников той сессии сходятся на мысли, что этот прикидочный вариант получился ярче конечной альбомной версии.

Вспоминает Андрей Тарасенков:

На Фонтанке все по-настоящему оттянулись. Возможно, музыканты знали о том, что это их последняя совместная сессия с Джавадом. По-видимому, на “Наутилус” перестал давить груз взаимных претензий и упреков и наконец-то группа психологически расслабилась. А для Джавада это вообще был “Abbey Road”. Любопытно, что из трех композиций: “Монгольская степь”, “Эти реки” и “Прогулки по воде” – наиболее перспективной тогда казалась “Монгольская степь”. Макаров – от Бога наутилусовский звукооператор и прекрасно знает, какой именно звук следует выставлять

для группы. Жалко, что этот вариант записи не попал в альбом.

Вскоре после сессии на Фонтанке “Наутилус” переехал в ДК железнодорожников – место, где базировались “ДДТ”.

Вспоминает Бутусов:

Это был период наших самых сочных перемещений с места на место. Такого количества репетиционных точек у нас не было за всю жизнь. В тот момент мы постоянно находились в прямой зависимости от спонсоров. А с ними ты чувствуешь себя в положении игрушки, которой очень быстро можно наиграться. При этом игрушки из нас не очень хорошие, не очень веселые.

В начале лета группа отыграла в Ленинграде концерт, приуроченный к выходу диска “Родившийся в эту ночь”, а затем, сознательно отказавшись от дальнейших выступлений, сосредоточила силы на создании новой программы.

На одну из репетиций Бутусов принес наброски композиции “На берегу безымянной реки” и, наиграв ее под гитару, сказал: “В идеале она должна быть тропической. Теплой. Хорошей теплой песней”. Музыканты, не сговариваясь, вспомнили о ламбаде. Белкин тут же сочинил симпатичное гитарное соло, и буквально через пару часов песня была готова.

Особенно удачно получилась конечная аранжировка “Прогулок по воде”.

Вспоминает Копылов:

Наконец-то нам удалось разложить партии всех трех гитар по своим местам, благодаря чему в музыке резко поубавилось “смурятины”, так сильно переполнявшей “Наугад”.

В свою очередь, Олег Сакмаров считает, что очевидный прогресс в создании нового саунда произошел благодаря временному взаимопониманию, наконец-то возникшему между Беляевым и Белкиным:

Дело в том, что Белкин по своей натуре – упертый рок-н-ролльщик, воспитанный на группах типа “Led Zeppelin”, а Беляев внимательно следил за тем, что происходит в современном музыкальном мире, и старался играть конструктивную гитарную музыку конца восьмидесятых. Их совместные “поиски истины” нередко сопровождались дикими криками, но именно подобные надрывы в итоге стали давать ощутимые результаты.

В октябре гастрольные ветры занесли группу в Новосибирск на довольно необычный рок-фестиваль с незатасканным названием “Rock Microbiologia”. Новизна ситуации состояла в том, что “Наутилус” выступал в роли хедлайнера после целой обоймы ведущих команд советского рок-индепендента, в число которых входили “Миссия: Антициклон”, “Раббота Хо”, “Восточный Синдром”, “Там! Нет Ничего”, “Классификация Д”. Добрую традицию играть в Новосибирске свои лучшие концерты “Наутилус” не нарушил и на этот раз. Местная пресса отметила “великолепные акустические гитары и духовые уже любимого в Новосибирске Олега Сакмарова”, а рок-музыканты из других команд в первую очередь выделили профессионализм Копылова, Белкина и особенно Полковника.

Действительно, когда на этом аппарате рубились другие группы, все вокруг благополучно шипело и разваливалось. Пока “Наутилус” настраивался в пустом зале, расчищенном ОМОНОм перед выступлением Бутусова и К°, Полковник умудрился без всяких процессоров выставить такой звук, что группа зазвучала со сцены, словно на компакт-диске. По крайней мере, “Прогулки по воде” выглядели на концерте значительно убедительнее последующего студийного варианта. Как ни странно, в этой песне был рок.

Рассказывает лидер и идеолог киевской “Работы Хо” Сергей Попович:

Меня очень впечатлила техника Копылова. Он ковырял на бас-гитаре так, что просто заворачивалась рубашка. То, что он творил с инструментом, не поддается никакому описанию – похоже, что в музыке он умеет практически все. Бросалась в глаза роль в “Наутилусе” Белкина, который не потрясал техникой, но делал для группы очень много в плане аранжировок. Если отождествлять Белкина с западными музыкантами, то ближайшим аналогом мог бы оказаться Дэйв Стюарт. Чувствуется, что они оба очень хорошо знают, как НЕ НАДО играть на гитаре. А это совсем не мало.

Вернувшись из Новосибирска, группа к середине ноября завершила сведение “предвариловки” и, сыграв два концерта с “ДДТ” перед переполненным залом Спортивно-концертного комплекса, отправилась в Москву записывать новый альбом.

Запись на “Видеофильме” продолжалась с декабря 1991-го по февраль 1992 года. С точки зрения Алика Потапкина, на ее конечный результат сильно повлияло досадное происшествие, случившееся с его барабанами. Дело в том, что после концертов в Новосибирске сотрудники “Аэрофлота” по ошибке загрузили часть багажа ленинградского рейса в самолет, который улетал в Ташкент. Дело привычное, но среди прочих пропавших вещей оказались и потапкинские барабаны. Через несколько месяцев они чудесным образом нашлись, но в Москву Алик приехал без собственных барабанов и весь альбом отстучал на электронных плашках “Simmons”, стоявших в студии “Видеофильма”.

Вспоминает Потапкин:

Первые две недели мы с Полковником только тем и занимались, что отстраивали барабаны. Я больше мучился, чем играл, и к концу работы из меня уже были выжаты все соки. На предварительной записи на Фонтанке мы использовали живые барабаны, которые сохраняли эмоции, настроение и драйв. Звук электронных барабанов убил все.

Одним из важных моментов при подготовке “Чужой земли” явилась попытка Бутусова вернуться в отдельных фрагментах к клавишному звуку. Это не слишком афишировалось, но в отсутствие Могилевского все клавишные партии на альбоме написал Потапкин. На синтезаторе, одолженном у Андрея Муратова из “ДДТ”, Алик набросал эскизы фортепианных проигрышей в “Иване Человекове”, “Чужой земле” и “Прогулках по воде” и сыграл их на альбоме, “наложив” партию клавиш в самом конце – уже после записи вокала.

Это были первые студийные эксперименты Потапкина в качестве барабанщика. Незаметно он становился вторым музыкальным центром “Наутилуса”. Во что это выльется, показали дальнейшие события, которые не заставили себя долго ждать.

Окончательно запись “Чужой земли” была завершена в самом начале февраля. В это же время был подготовлен макет обложки, сделанный известным свердловским фотохудожником Александром Коротичем, автором обложки легендарного альбома “15” группы “Урфин Джюс”. Оформление “Чужой земли” почему-то тяготело к интригующей анонимности. Вполне возможно, что эта работа оказалась одной из самых таинственных пластинок “Наутилуса”. Ни на одном из изданий “Чужой земли” не были указаны ни фамилии музыкантов, ни авторы композиций, в результате чего любой образованный меломан автоматически вспоминал про “Residents”. Мало того – хитрые картинки, иллюстрирующие песни альбома, служили темой для небеспочвенных домыслов о том, что в них скрываются разные варианты изображения вагины.

Отдав макет обложки и оригинал альбома на “Русский диск”, группа практически сразу отправилась обкатывать программу. Уже в середине февраля “Наутилус” дал три концерта в Свердловске, характерных появлением Могилевского в “Прощальном письме”, а также забавными рецензиями в местной прессе – с настойчивыми резюме о том, что “концерт стоил этих денег”.

Дальнейшие события развивались следующим образом. По недоброй традиции выпускающая пластинку фирма срывала оговоренные сроки выхода альбома, и “Наутилус” был вынужден самостоятельно заявлять о его планирующемся существовании.

Вспоминает Бутусов:

По возможности мы отдавали новый материал на радио, а приезжая на концерты, глупо улыбались, сообщая при этом, что у нас новая программа.

Из выступлений того времени имеет смысл выделить летний концерт памяти Цоя, состоявшийся 20 июня в Лужниках, под названием “Звезда по имени Солнце” – с “Бригадой С”, “ЧайФом”, “Алисой”, “ДДТ” и фантастически сильно сыгравшим тогда “Калиновым Мостом”.

В тот день в Москве стояла 30-градусная жара: в примерке у музыкантов находился специальный бассейн, а зрителей периодически поливали водой беззлобные солдаты.

“Наутилус” выступал на закате – даже по телевизору это выглядело удивительно красиво. В их короткую программу вошли акустические версии “На берегу” и “Прогулок”, а также вдохновенно сыгранный стоунзовский “Paint it black” и финальная композиция “Все, кто нес” – со словами “все, что нес, я не донес, значит, я ничего не принес”. Эта песня, написанная в 1985 году и сыгранная на бис в Подольске, не входила ни в один номерной альбом и в тогдашнем гитарном изложении (с Беляевым на втором вокале) выглядела значительно проникновенней и душевней, чем в последующем вальсово-клавишном варианте.

Осенью наконец-то появилась долгожданная пластинка, а следом за ней – два видеоклипа, отснятых по песне “Прогулки по воде”, а также видеоверсия композиции “На берегу безымянной реки”. Готикоромантическая музыка “Чужой земли” с “достаточно жесткими, ритмичными, в меру сентиментальными композициями” нашла отклик у самых разных слоев

слушателей. Усложнение поэтических образов опять-таки лило воду на мельницу таинственности. Как бывало уже много раз в истории советского рока, атмосфера вокруг пластинки почти целиком заслонила некоторую аморфность и монотонность музыки. И произошло это несмотря на то, что “Чужая земля” в целом была довольно бескомпромиссной работой – с налетом мистики в текстах и с десятком наслаивающихся друг на друга гитарных партий. Похоже, “Наутилус” сделал именно такой альбом, какой ему давно хотелось записать.

Презентация “Чужой земли”, прошедшая в Москве, Питере и Свердловске, носила чуть ли не истерически-параноидальный характер.

После презентации “Чужой земли” в Свердловске вовремя интервью на местном телевидении *Бутусов* сказал :

Такая пластинка вряд ли могла появиться пять лет тому назад. Все-таки раньше у нас были немного другие музыкальные наклонности и немного другой подход к аранжировкам. Для нашего собственного развития нам надо было в течение двух последних лет немного пошуметь, поэтому этот крен носил чисто экспериментальный характер. Было бы неплохо иногда впадать в какие-то крайности – для того, чтобы до конца пройти все стадии подготовительно-переходного периода. Я считаю, что самое главное у нас впереди.

Для “подготовительно-переходного периода” реакция на альбом превзошла все ожидания. Возможно, свою роль сыграли видеоклипы и раскрученные по радио “На берегу”, “Монгольская степь”, “Чужая земля”, не говоря уже о “Прогулках по воде”. В итоговом хит-

параде за 1992 год сам альбом попал в “топ-10”, Бутусов вошел в десятку лучших рок-вокалистов, а группа несколько неожиданно очутилась в категории “Возвращение года”. Это были неплохие новости, но не они определяли прогноз погоды внутри коллектива. Самым весомым приобретением этого периода оказалось возобновление активного сотрудничества между Бутусовым и Кормильцевым.

Возвращение Кормильцева

После переезда “Наутилуса” в Ленинград Кормильцев еще несколько лет жил в Свердловске. Весной 1990 года он вместе с Леонидом Порохней приехал в Питер, где совместными усилиями ими был подготовлен сценарий фильма о “Наутилусе”. Предполагалось, что картину будет снимать режиссер Виктор Титов. Когда работа над сценарием была завершена, выяснилось, что часть отснятого материала исчезла, а на “Ленфильме” нет средств на дальнейшие съемки. В результате “Наутилус” оказался единственной из эпохальных рок-групп восьмидесятых, так и не запечатленных в кино. Что же касается Кормильцева, то он вернулся домой в Свердловск, где начал издавать журнал культурологической направленности.

В этот период “Наутилус” жил своей динамичной концертной жизнью. Администраторы группы Кузьмин и Милагин Кормильцева упорно игнорировали, не приглашая его ни в Ленинград, ни на концертные туры. Положение изменилось с появлением в группе Игоря Воеводина. Придя к выводу, что “Наутилусу” вскоре понадобятся новые тексты, Воеводин стал способствовать сближению Кормильцева с группой, и в первую очередь с Бутусовым.

Осенью 1992 года Кормильцев переезжает в Москву. Отгородившись от всего мира, он вместе с Бутусовым в пустующей семикомнатной коммунальной квартире на Остоженке в течение двух недель создает ряд новых песен. Среди них – “Тутанхамон”, “Кто еще”, “Железнодорожник”, “К Элоизе”. После того как отношения между Кормильцевым и Бутусовым нормализовались, Илья вместе с Воеводиным начал

разрабатывать проект под названием “Отчет”, приуроченный к десятилетию “Наутилуса”. Идея проекта состояла в том, чтобы раздать московским, питерским и свердловским группам лучшие наутилусовские композиции – с целью выпуска сборника кавер-версий и проведения крупных совместных концертов, приуроченных к юбилею.

По одной из версий, впервые подобная идея пришла в голову Полковнику, который, вычитав о каком-то из юбилейных концертов, посвященных Леннону, бросил мысль: “А почему бы и нам так не сделать?” Акции подобного рода, на которых музыканты разных групп исполняли песни какого-то одного коллектива, были делом новым и непривычным. Но “Наутилус” решил рискнуть.

Московские команды в силу разных причин расшевелить на сотрудничество не удалось. В Питере группа “Выход”, с которой в тот момент сотрудничал Сакмаров, сделала оригинальную трактовку “Прогулок по воде”, а “Аквариум” с большим проникновением записал “Я хочу быть с тобой” – с Бутусовым на втором вокале. Остальные композиции “добили” в Свердловске, причем особенно любопытными получились “Летучий фрегат” в исполнении Насти (с аранжировкой Егора Белкина) и “Эта музыка будет вечной”, которую аранжировал и исполнил Алик Потапкин (с Вадиком Самойловым на подпевках). Новые версии этих композиций так понравились группе, что какое-то время они даже исполнялись на “живых” концертах “Наутилуса”.

Параллельно продюсерской работе над “Отчетом” Кормильцев начал ездить с группой по стране. Находясь в самой гуще свердловского рок-н-ролла 80-х годов, он не питал особых иллюзий на тему образа жизни рок-группы на гастролях. Но то, что он увидел в “Наутилусе”, потрясло даже его.

Хождение по мукам

Вспоминает Кормильцев:

Съездив в несколько городов вместе с группой, я увидел, что ситуация внутри коллектива попросту невыносимая. Работать с новым материалом ни у кого не было ни малейшего желания. Порой даже старые композиции исполнялись “Наутилусом” ниже всякой критики.

Апофеоз наутилусовского “расцвета упадка” произошел весной 1993 года на концерте в Вильнюсе, когда песню “Тихие игры” группа пыталась начать шесть (!) раз. Шесть раз три человека либо начинали играть в разных тональностях, либо Бутусов забывал первый куплет им же написанного текста. Это было сильное зрелище.

В паузах между концертами “Наутилус” напоминал банду анархистов, возглавляемую вечно пьяными гитаристами. Всеобщая озлобленность и истерические демонстрации протеста постепенно становились нормой. В конце концов Кормильцев не выдержал подобного стиля жизни и напрямую спросил Бутусова: “Слава! Ты еще не устал от этого?”

Причиной резкого ухудшения отношений между музыкантами были бесконечные гастроли, следствием которых оказались накопившаяся усталость и раздражение. Основное место в этой нервной обстановке занимал Егор Белкин – с характерной для него прямолинейностью, повышенным чувством справедливости и постоянной нацеленностью на “выяснение отношений”. К тому, что пил он просто

ведрами, добавлялись его непрерывные финансовые подозрения на тему того, что “папики нас обманывают”.

Феномен нервозности Белкина и особенности его тогдашней психологии уходили корнями в почти что сказочные времена создания “Урфина Джюса”. Даже в те беззаботные дни он умудрялся найти повод для политических интриг.

В одном из архивных интервью Белкин вспоминал:

Когда Пантыкин предложил мне попробовать поиграть в его группе, я сначала хотел отказаться. У меня тогда был свой проект, но меня смутило то, что на Пантыкина в то время было множество всяких поползновений. Его тогда дико плющили – и я из принципа решил остаться.

Спустя шесть лет история с защитой угнетенных от угнетателей повторилась почти без изменений – правда, уже в “Наутилусе”. По крайней мере, в версии Белкина причины его появления в группе в 1988 году выглядели следующим образом:

В гробу бы я видел “Наутилус” вместе с его музычкой, если бы не Бутусов. Попробуйте поработать столько концертов, потусоваться с таким говном. Слава остался почти один.

В “Наутилусе” последнего созыва у Белкина почти сразу же резко обострились отношения с Джавадом.

Вспоминает Джавад:

Люди рождаются либо электростанциями, либо лампочками. Белкин был лампочкой, причем достаточно тусклой. У меня с Егором сразу же началась жуткая конфронтация – у него был буйный имидж, и, зная слабые места Бутусова, он постоянно давил на него. Мой уход из группы был во многом предопределен поведением Белкина. Работать с этим человеком вместе было невозможно. У Белкина было просто отвратительное отношение к людям. Он о всех говорил плохо, а команда тогда нуждалась в доброте.

После ухода Джавада всю мощь своей деструктивной энергии Белкин обрушил на Беляева. Саша Беляев, автор очень многих гитарных находок, смузучилищем по классу акустической гитары за спиной и солидным опытом европейских гастролей в составе “Телевизора”, периодически пытался создать в музыке какие-то стилевые рамки – мол, “давайте определимся”. В свою очередь, Белкин, заиклившись на традиционной рок-формуле “Come on, everybody!”, на все предложения Беляева реагировал с поразительной однозначностью: “А на х.. это надо?”

Единственное, что на тот момент объединяло Белкина и Беляева, – это, как ни странно, пассивное неприятие Бутусова. Возможно, это была зависть, возможно, что-то еще. Дело в том, что для любого вымуштрованного рок-музыканта с амбициями непрофессионализм Бутусова был немалым раздражителем. Первоначально все это переводилось в шутки, которые со временем превратились в зависть (“у него почти все песни написаны в двух тональностях”), а затем – в классический невроз из серии “Моцарт и Сальери”. Дров в огонь подбрасывали ночные разговоры и осознание разрыва в общественном статусе – между

музыкантами, которые все умеют, и самим Бутусовым, который вечно забывал слова, не всегда правильно брал ноты или держал ритм, но при этом был талантлив.

Полностью или частично Бутусов чувствовал подобные настроения и не мог не видеть того, что происходит вокруг. В этот период он много пил, хотя прекрасно знал особенность своего организма – если выпивал сверхдозу алкоголя, три последующих дня депрессии ему были гарантированы. Неудивительно, что в подобной психологической ситуации группа выходила на сцену в дискомфортном состоянии. Фотографы жаловались, что “Наутилус” на концертах стало очень сложно снимать – “какие-то они вялые, и глаза у всех как у зомби...”. Другими словами, к маю 1993 года “Наутилус” удерживала на плаву только необходимость отыграть юбилейные концерты и поездка в Израиль.

Перед отъездом на землю обетованную “Наутилус” дал юбилейные концерты в Питере и Москве. Специально, чтобы поздравить группу с десятилетием, в обе столицы приехали ведущие екатеринбургские команды – “Агата Кристи”, “ЧайФ”, Настя Полева, “Апрельский марш”, “Отражение”, “Ассоциация” и ставший к тому времени живой легендой Александр Пантыкин.

Первоначально на юбилейные концерты планировалось пригласить только шесть групп, но на квартире Воеводина беспрерывно раздавались телефонные звонки от других команд с просьбой принять участие в этой акции. Смета концертов начинала разрастаться до астрономических размеров, и осунувшийся Воеводин носился по Москве лишь с одной мыслью: где достать деньги? В конце концов все финансовые проблемы были решены и три планировавшихся питерско-московских концерта все-таки состоялись. Помимо свердловских групп в них

приняли участие Шевчук и Кинчев. Очень сильно сыграла в Москве “Машина времени”, показавшая несколько номеров из своей новой блюзовой программы. Большинство проверенных жизнью хитов продемонстрировал и “Наутилус”. Все юбилейные концерты, состоявшиеся в начале мая во Дворце молодежи в Питере и в ДК Горбунова в Москве, завершались совместным исполнением “Прощального письма”. Со стороны все это выглядело достаточно пристойно, но мысленно “Наутилус” уже находился на пути в Израиль.

Израильский тур “Наутилусу” устраивала местная фирма “Вольф энд Макс Интертеймент”, возглавляемая Владимиром Месхи и Максимом Лейкиным. Об их легендарном коммерческом прошлом можно было бы создать стопроцентный бестселлер. Еще зимой 1987 года Месхи организовал в Киеве четыре аншлаговых выступления “Наутилуса”, которые фактически явились первыми кооперативными рок-акциями, проведенными на территории Украины. Позднее он значительно расширил рамки деятельности, принимая участие в проведении концертов уникального стилевого диапазона – от “Ласкового мая” и Талькова до международных фестивалей “Мисс Рок” и совместных выступлений “Sonic Youth” с “Воплями Видоплясова”, которые британский еженедельник “Sound” назвал “лучшим шоу „Sonic Youth“ в Восточной Европе”. Философским кредо Месхи и Лейкина был тезис “делать всю жизнь то, что хотим”, в результате чего на определенном этапе они увлеклись импортом в Израиль российских рок-групп. “Наутилус” оказался в этой обойме аккурат между визитами “Браво” и “Аквариума”.

Вспоминает Месхи:

Еще встречая группу в аэропорту, мы обратили внимание на то, что “Наутилус” прибыл в Израиль каким-то отмороженным. Но вскоре они вошли в ритм нашей жизни и начался, мягко говоря, многодневный беспредел.

В Израиле группу ждал супервосторженный прием. На пяти концертах в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе публика рубилась так, словно “Наутилус” выступает последний раз в жизни. Несмотря на то что советские репатрианты к тому моменту были воспитаны исключительно на “сидячих” концертах, к финалу выступления в Хайфе забитый под завязку 700-местный зал в полном составе стоял на стульях. Музыканты, окрыленные такой реакцией, впоследствии шутили: “Теперь мы знаем, куда делась вся та публика, которая слушала нас в 1988 году”.

Сверхудачные ближневосточные гастроли были омрачены поведением уже совершенно неуправляемого Белкина. Он явно нарывался на драки – заходил в мусульманские мечети в шортах и с сигаретой в руках, в арабских кварталах Иерусалима орал на местных жителей: “Сволочи! Почему не продаете пиво?”, причем все эти монологи происходили глубокой ночью и на английском языке. Драк не случилось только чудом, так как наиболее пристойное, что слышал в свой адрес Белкин, было вежливое “Fuck you!”.

Самое неприятное началось после возвращения группы из Израиля. “Наутилус” практически без рекламы отыграл два концерта в “России” и юбилейные концерты в Свердловске, но даже там было заметно, что нервы у всех на пределе... Срыв произошел в Калининграде. Если бы волею судьбы кто-нибудь из фотографов запечатлел пьяные трупы, которые валялись ночью в коридорах калининградской

гостиницы, то мир увидел бы куда более душераздирающие снимки, чем фотосессии Энни Лейбовиц с туров “Rolling Stones” двадцатилетней давности.

После концертов Белкин устроил серию безобразных разборок – с пьянством, швырянием стульев, плевками в лицо, матом и оскорблением женщин. Все это выглядело ужаснее, чем шабаши группы “Алиса”. Дальше отступать было некуда.

В поисках выхода

Кормильцев с Бутусовым самостоятельно закрыли финансовые договора тура и наконец-то созрели для решения, что “пора с этим кончать”.

Но, как известно, беда не приходит одна. На этот раз гром грянул с неожиданной стороны. Речь шла об Игоре Воеводине. Человек с необычайно волевым характером, наводивший своей энергией и целеустремленностью тихий трепет на молодых журналистов, находился к лету 1993 года в состоянии явного переутомления и сильнейшего нервного истощения. Окончательно его подкосила организация юбилейных концертов, во время которых он в одиночку выполнял работу целого административного корпуса.

Вспоминает Воеводин:

Для меня питерско-московские концерты “Наутилуса” оказались последней нотой. Нервов после этого не осталось никаких, и голову клинило до смешного. Я почувствовал, что выложился целиком.

В компании наутилусовских гитаристов Игорь все меньше сопротивлялся “стечению обстоятельств” и начал постепенно спиваться. К моменту постизраильских событий его норма дошла до двух бутылок “Распутина” в день, и он уже физически не мог управлять делами группы. Крест на своей директорской карьере Воеводин поставил во время летней гастрольной поездки, включавшей в себя выступление “Нау” на фестивале в Новой Каховке, а также концерты в Сочи и Ялте. Концерты, состоявшиеся в “Зеленом

театре”, прошли в антисанитарных условиях, вместо гостиницы группа ютилась по каким-то частным квартирам... На обратном пути Воеводин прямо на вокзале вручил паспорта всех музыкантов какому-то деклассированному элементу, который клятвенно обещал достать билеты на поезд Симферополь–Москва. Больше этих паспортов никто в группе не видел. В Москву “Наутилус” возвращался в плацкартном вагоне, всем своим видом напоминая неудачливый стройотряд, который обобрал их же собственный бригадир.

Вскоре Воеводин распрощался с “Наутилусом”. К тому моменту у него стали опухать руки и ноги, но на предложение Кормильцева подлечиться и несколько месяцев отдохнуть, он сказал: “Вам самим надо лечиться”, – и из группы ушел.

Перед всеми в “Наутилусе” встал вопрос, что же делать в такой ситуации. Правильнее всего было выдержать паузу, какое-то время отдохнув друг от друга. Бутусов решил предоставить этому составу последний шанс, раздав перед летним отпуском всем членам группы конкретное домашнее задание.

Вспоминает Потапкин:

Скандалили мы страшно, но для Славы в тот момент важнее всего была постоянная продуктивная работа и нормальный конечный результат. Еще весной он купил себе портостудию, на которую набросал эскизы новых песен. Теперь на время каникул Слава предложил каждому из музыкантов подготовить аранжировку одной из песен. Это была своего рода проверка на вшивость.

Саша Беляев взялся работать с “Полиной”, Потапкин – с “Колесами любви”, Белкин – с композицией

“Христос”. Сам же Бутусов отправился в студию на Фонтанке делать пробную запись будущей программы “Титаник” вместе с музыкантами “Аквариума”.

Вспоминает Кормильцев:

У Бутусова сложились удивительно теплые отношения с ребятами из “Аквариума”. Запись продвигалась на редкость удачно, и в студии даже начали вестись разговоры о том, чтобы в таком составе (Бутусов-Сакмаров-Зубарев-Рацен плюс кто-нибудь еще) ездить на гастроли. Узнав об этом, Гребенщиков сказал музыкантам, что они делают большую глупость. Это, мол, означает не просто сменить женщину, а поменяться ею с другом. Бутусов, увидев, что БГ начал высказывать недовольство, тут же отошел в сторону. К Гребенщикову он относился с почти священным трепетом.

Действительно, в тот период Гребенщиков активно общался с Бутусовым и Кормильцевым, вследствие чего их влияние друг на друга было достаточно заметным. Все трое увлекались древнеегипетской мифологией и культурой, культом фараонов и их своеобразным видением мира. Лидер “Аквариума” готовился к работе над альбомом “Любимые песни Рамзеса IV”, “Наутилус” записывал “Тутанхамона”. Даже композиция “Негодяй и Ангел” первоначально планировалась для совместного исполнения дуэтом Бутусов-Гребенщиков, который, увы, так и не состоялся. Зато состоялась осенняя предварительная запись материала для “Титаника”, вышедшего спустя два года в виде альбома, получившего название “„Титаник“ на Фонтанке”. Стоит отметить, что эта сессия впоследствии пользовалась у критиков значительно большими симпатиями, чем

“настоящий” номерной альбом. “Титаник”, записанный на Фонтанке, очень нравился и самому Бутусову – по-видимому, своей прозрачностью, аквариумностью и вневременным спокойствием. Но у такого подхода к подаче материала было немало идеологических противников внутри группы. Одним из них оказался Кормильцев.

Илья понимал, что в “Наутилусе” надо многое менять – и чем скорее, тем лучше. Речь шла не только о грядущих изменениях в составе. О том, что потенциал песен “Титаника” достаточно велик, знали все участники проекта. “„Титаник“ – это триста процентов успеха”, – громогласно утверждал Воеводин, но именно Кормильцев сделал первые шаги к адекватной, с его точки зрения, коммерческой раскрутке демонстрационной записи “Титаника”. С одной стороны, он считал, что нужно немедленно найти людей, готовых заплатить за этот проект столько, сколько он реально стоит. И хотя ему самому нравился камерный вариант записи “Титаника” на Фонтанке, он для себя наконец-то решил, что именно сейчас настал момент “большого прорыва” и дистанцирования от ситуации “1500 американских долларов за концерт”. Исходя из этого, ему удалось сделать, казалось бы, невозможное, а именно – убедить Бутусова в необходимости принципиально упростить аранжировки “Титаника”.

Кормильцев:

За последние три года стало очевидно, что гитарную музыку наш народ понимать либо не может, либо не хочет. Поэтому настал момент дать ему немного ностальгических воспоминаний о 1988 годе. Аранжировки “Титаника” должны были быть узнаваемыми и запоминающимися.

Бутусов долго не соглашался с этими доводами – до тех пор, пока не ознакомился с пресловутыми “домашними заданиями” в исполнении вернувшихся из отпуска музыкантов “Наутилуса”. В итоге выяснилось, что свою аранжировку сделал лишь один Потапкин. Белкин всерьез занялся продюсированием Насти, а ситуация с Беляевым получилась и вовсе запутанная. С точки зрения музыкантов, вопрос о том, чтобы Беляев уходил из группы, все-таки не стоял. Существует версия, что Беляев сам для себя решил: “Все! Я ухожу” – и не приехал на запись. С другой стороны, Беляева туда никто не приглашал – в силу того, что он к этой записи не был готов. Получился замкнутый круг. В конце концов к осени 1993 года стало ясно лишь одно – в группе оказалось на двух гитаристов меньше.

Один из последних концертов в данном составе “Наутилус” отыграл в Питере на концерте памяти Джона Леннона.

Вспоминает Сакмаров:

К этому моменту все отношения себя исчерпали, и сама программа, игравшаяся с 1991 года, всем надоела по максимуму. Так случилось, что кто-то на телевидении записал именно этот концерт – в ситуации, когда “Наутилус” был на излете. Парадокс состоял в том, что спустя пару лет именно это выступление стали постоянно крутить по одному из каналов санкт-петербургского круглосуточного телевидения. Волей случая некий выбранный наобум концерт оказался в массовом сознании чуть ли не самым главным.

В ноябре 1993 года Илья Кормильцев, отчетливо осознавая всю безнадежность ситуации, объявляет себя

продюсером группы, не вынося это решение за рамки коллектива. Основная задача, стоявшая перед ним, заключалась в обеспечении в кратчайшие сроки нормальных условий для записи чистового варианта альбома “Титаник”.

Вспоминает Кормильцев:

Я сделал предложение фирме “Фили”, поставив им довольно наглые по тем временам условия: 15000 долларов аванса, а также неограниченное время работы в студии и гонорарные отчисления от распространения пластинок и кассет.

“Фили” долго тянули с окончательным ответом и в итоге опоздали на два дня. Когда они наконец-то созрели выпускать “Титаник”, группой уже был подписан контракт с “Jeff Records” – фирмой, на которой “Наутилус” издавал “Отчет”, а позднее – “Чужую землю” и “Разлуку”.

Это была ошибка.

Всем тогда казалось, что студия “Jeff Records” устраивает “Наутилус” по всем параметрам.

Она находилась в Свердловске – на первом этаже местной киностудии в комнате под номером восемь – в том самом месте, где более десяти лет назад записывался “Урфин Джюс”. Затем это помещение было выкуплено у государства одним из местных банков, и теперь здесь, на новом современном оборудовании, записывалась масса свердловских рок-групп – в частности большинство альбомов “ЧайФа” и “Агаты Кристи”.

Но когда должна была стартовать запись, вдруг начались неприятности. Между двумя директорами “Jeff Records” разразился грандиозный скандал, в котором

были замешаны и деньги, и женщины, и местные бандиты. Власть над студией переходила из рук в руки. Студию то печатавали, то распечатывали. Никто не знал, кто из двух директоров возьмет верх сегодня и можно ли будет при данной власти работать в студии завтра. В таких условиях 15 ноября в Свердловске началась запись альбома "Титаник".

Запись “Титаника”

По образному выражению Бутусова, “альбом делался с пистолетом у виска и с ножом у горла”. Запись “Титаника” состояла из следующих компонентов. Постоянно врывающиеся в студию какие-то бритоголовые шкафы с оттопыренными карманами и монологами примерно следующего содержания: “Где этот пидорас, который... <цензурная купюра>”. Вслед за ними приезжал отряд охранников банка, в смету которого была заложена студия. С суровыми лицами и без лишних слов они опечатывали помещение.

Музыканты из студии то выгонялись, то снова в нее впускались. Тем не менее, несмотря на непрерывные боевые действия, 40-градусный мороз и больные зубы, сам Бутусов просто излучал вдохновение. За ним уже давно была замечена привычка концентрироваться и обретать второе дыхание, когда вокруг бушует огонь и начинается прессинг.

После того как состав группы оказался усеченным до трех человек: Копылова, Потапкина и Бутусова, – сама жизнь заставляла “Наутилус” писать “Титаник” каким-то комбинированным составом. Избранная форма диктовала соответствующее содержание. Учитывая тот факт, что Бутусов все-таки вернулся к концепции модного электронно-цифрового саунда, было логично пригласить на запись временно находившегося не у дел Вадима Самойлова. Лидер “Агаты Кристи” уже успел зарекомендовать себя в качестве толкового саунд-продюсера во время записи последних альбомов “Агаты Кристи” (“Позорная звезда”) и “Насти” (“Невеста”), и, вдобавок ко всему, он прекрасно знал особенности данной студии.

Вспоминает Самойлов:

До начала работы над “Титаником” я уже успел отслушать альбом в двух версиях. Первый вариант составляли Славины черновики. Второй – запись на Фонтанке – с живыми барабанами, более аквариумная, психоделическая и галлюциногенная... Я знал, что все нюансы аранжировок были продуманы Бутусовым довольно основательно, и вопрос об их переделывании не стоял. Мне предстояло лишь сохранить те штрихи, которые бы характеризовали общее настроение альбома.

Самойлов скромничал. Помимо программирования и работы с цифровой техникой, он предложил более удачную аранжировку к композиции “Негодяй и Ангел”, а также отредактировал концовку в “Колесах любви” – уменьшив ее в размерах и заменив гитару на клавиши.

Вадик работал с энтузиазмом. Дела в “Агате” на тот момент шли плохо, концертов не было, отношения между братьями не озонировали кислородом и не были особенно братскими. Глеб Самойлов также принимал участие в записи и, в частности, пытался подпевать на “Элоизе” – примерно в той же манере, что и на “Маленьком Фрице”.

Большая часть нагрузки выпала на этот раз на долю Потапкина. Пока в одной комнате Бутусов с Самойловым работали с “цифрой”, Алик с Полковником в другой комнате прописывали “живьем” большинство гитарных партий. С точки зрения того же Полковника, “Титаник” фактически записывали три человека – Бутусов (вокал, гитара), Самойлов (клавиши, гитара) и Потапкин, которому, помимо гитар и клавиш, иногда даже приходилось играть партию баса.

Несмотря на организационные проблемы и полувоенную обстановку, именно Потапкин в компании с Самойловым были основными носителями позитивной энергии и оптимистичного подхода к жизни. Во-первых, Вадик умел поднимать всем настроение своим гурманским отношением к пище. Он любил много и вкусно поесть, и окружающие получали немалое удовольствие от того, с какой скоростью и аппетитом он поглощал с подноса заказанный через “home-service” обед. Обед органично перетекал в ужин, который, в свою очередь, превращался в ночную дискотеку.

Дискотеки были для музыкантов отдельной песней. Как правило, проходили они с участием кого-нибудь из администрации студии, Алика, Вадика и приглашенных физкультурниц из местной секции шейпинга. Одна из таких дискотек завершилась опрокидыванием массивных студийных мониторов и очередным приездом бандитов с наганами.

Как пишут в газетах, скучать особенно не приходилось.

Ближе к концу записи подъехал Сакмаров, который наиграл свои партии на флейте и недавно купленном midi-саксофоне. Вскоре он уехал, поскольку был теперь достаточно плотно занят в “Аквариуме”. Участие в записи “Титаника” стало одной из его последних студийных сессий в составе “Наутилуса”.

Из-за переизбытка клавишного баса “живой” бас-гитары Копылова на альбоме оказалось значительно меньше (в сравнении с предыдущими работами). В процессе создания “Титаника” Копылов не в последнюю очередь отличился благодаря “полезным советам” (смотри внутреннюю часть обложки) и знаменитой истории с Воеводиным.

Дело происходило следующим образом. Вся группа сидела в валенках у рефлексора и тщетно пыталась согреться от суровых уральских морозов. Находящийся

спиной к двери Копылов, тягостно вздохнув, сказал: “Эх, хорошо было при Воеводине! Взял бы сейчас и налил полтаху”. При этих словах лица у музыкантов, сидящих лицом к двери, начали медленно вытягиваться в форму Курской дуги. Проследив направление их взглядов, удивленный Копылов развернулся на 180 градусов и неожиданно для себя увидел у входа в студию... Игоря Воеводина. В левой руке у бывшего директора “Наутилуса” находилась недопитая бутылка “Распутина”, а в правой – пистолет. “Я слышал, тут происходят какие-то разборки, – вполне разборчиво произнес Воеводин. – Скажите, кто вас обижает?”

Той зимой Воеводин проходил курс лечения в одной из свердловских больниц. Услышав о беспокойной обстановке вокруг студии, Игорь тут же рванул из больницы на помощь к своим любимцам. Если бы в тот момент Воеводин увидел, что жизнь музыкантов находится под угрозой, остановить его не смог бы никто.

Запись альбома была завершена 18 февраля 1994 года. После ее окончания выяснилось, что в “Титаник” не попало сразу несколько любопытных композиций – “Абсолют” (с рефреном “Я ухожу в абсолютно белое”), “Умершие во сне” (лейтмотив из которой прозвучал в песне “Воздух”) и явный хит “Труби, Гавриил”, исполненный в стиле наутилусовского пика 1987 года. Также в запасниках у Полковника остался не востребовавшийся удлиненный вариант “К Элоизе” – более помпезно сыгранный (в духе квиновской “A Night At The Opera”), с многоплановыми гитарными раскладами, хитрой линией баса и еще одним куплетом, который вскоре пришлось укоротить под планировавшийся видеоклип.

Завершая тему создания “Титаника”, отметим, что отголоски финансового землетрясения, связанные с записью этого альбома, слышны и по сей день. Правда,

сейчас ими занимается Александр Васильевич Новиков, перекупивший помещение студии у ее бывших хозяев и основавший на этом месте студию “Новик Рекордз”, на которой записывается он сам.

Весенние метаморфозы

Выход “Титаника” был намечен на 28 апреля 1994 года. Статус, общественный рейтинг и перспективы группы в этот момент выглядели весьма обнадеживающими. Переизданные “Разлука” и концертный альбом “Отбой” болтались в хит-парадах где-то в районе первой тройки, да и потенциал “Титаника” особых сомнений не вызывал. Все в группе чувствовали, что назревает прорыв.

Пока сам компакт-диск печатался в Германии, генштабу группы надо было срочно решить ряд организационных вопросов, самыми актуальными из которых были поиски “директора в пиджаке” и равноценных замен Беляеву и Белкину.

...Наевшись пельменей и напившись водки на квартире у Славиных родителей, Бутусов с Кормильцевым в два часа ночи раскладывали на столе карточки, на которых были написаны фамилии музыкантов, претендовавших на место в основном составе. Картина получалась следующая:

1) На место лидер-гитариста Бутусов с энтузиазмом предлагал каких-то молодых питерских ребят, но в итоге решили оставить Самойлова – с зыбкой формулировкой “пока будет позволять „Агата Кристи””.

2) На бас рассматривалась кандидатура Сергея Галанина (“Серьга”), но в итоге решили оставить Копылова – несмотря на наличие у последнего синдрома “огненной воды”. Примечательно, что после ухода Умецкого на место басиста планировалось пригласить ушедшего из “Аквариума” Титова, но потом эта идея как-то повисла в воздухе.

3) В очередной раз говорили о Пантыкине.

4) На клавиши сильно рвался Андрей Муратов (экс-“ДДТ”), но ему предпочли Могилевского, который уже был знаком с материалом “Титаника” и даже сыграл саксофонное соло в одном из вариантов “Колес любви”.

Уже с первых чисел марта Могилевский приступил к репетициям, что для фанатов “Наутилуса” обозначало мини-сенсацию – спустя полдесяток лет после развала “золотого состава” трое из пяти музыкантов вновь выступали вместе. Комментируя впоследствии “второе пришествие” Могилевского в “Наутилус”, Бутусов внезапно разоткровенничался:

Тогда (имеется в виду развал группы в 1989 году. – А.К.) ситуация была предельно простая. Все понимали, что остается друг другу только набить морду и последний момент действительно наступит... Сейчас на психологическом уровне очень многое изменилось. В том числе мое и Лешино отношение к работе. И мы оба, воспользовавшись этими выводами, живем сейчас немного по-другому.

На введении в состав группы Могилевского поиски оптимального варианта “Наутилуса” модели “весна-94” были временно прекращены. Значительно сложнее было найти человека, способного толково и с учетом веяний времени запустить эту машину в движение. И тут Бутусов с Кормильцевым вспомнили о Месхи и Ланде.

Владимир Месхи и его старый приятель по Киеву Леонид Ланда появились в Москве осенью 1993 года в связи организацией концертов группы “Браво”. Яркие, как два павлина, в цветастых рубашках, уверенные в себе, они смотрелись как экзотические райские птички.

В столицу тандем Месхи-Ланда прибыл при деньгах. Их последним коммерческим подвигом была успешная операция по реализации целого корабля окорочков в одном из регионов Дальнего Востока. Следующим пунктом в их планах стоял проект превращения кинотеатра “Октябрь” на Новом Арбате в суперсовременный кинематографический центр. Для этого ими планировалось набрать на крупную сумму кредитов и закупить американскую квадроаппаратуру с системой шумопонижений. Но изучив запросы местного кинорынка и осознав, что подобная идея несколько опережает развитие событий, Месхи и Ланда отказались от этой затеи и предложили свою помощь “Наутилусу”. Генштаб группы решил пойти на эксперимент, посчитав, что хватит приглашать на пост директора людей непрогнозируемых или пьющих. В марте 1994 года между обеими сторонами был подписан годовой контракт о сотрудничестве.

Свою деятельность в новом качестве Месхи и Ланда начали с того, что профинансировали съемки клипа на песню “Титаник”, а также оплатили аренду питерской базы “Наутилуса”, на которой буквально с первых чисел марта началась активная работа над концертной версией альбома.

“Мы хотим добиться качественного продукта”, – с лицами уверенных в себе людей декларировали стратегию группы новые директора. Вскоре они организовали в клубе “Карусель” пресс-конференцию, которую активно освещало телевидение и которая была посвящена грядущему появлению “Титаника”. В верхних слоях шоу-бизнеса о “Наутилусе” стали постепенно забывать, и Месхи с Ландой не жалели сил, нагнетая пургу вокруг нового альбома. Они начали вести серьезную работу с прессой, следствием чего стало массовое появление рецензий на еще не вышедший альбом. Хорошо это или нет, но в считанные

недели два молодых человека превратили вечно раскачиваемый из стороны в сторону “Наутилус” в одну из акул только-только зарождающегося в России шоу-бизнеса.

По инициативе новых директоров “Наутилуса” фирмой “JSP” специально для радиостанций был подготовлен первый в России сингл, состоящий из пяти песен и выпущенный коллекционным тиражом в 500 экземпляров. Самым трогательным моментом в выпуске сингла стал сопроводительный текст буклета, в котором, в частности, композицию “Утро Полины” рекомендовалось передавать в эфире (“количество трансляций не ограничено”) поздно вечером, ночью и ранним утром...

На начало июня Месхи и Ланда наметили пафосную презентацию “Титаника” в концертном зале “Россия”. С учетом этих сроков Самойлов и Могилевский оперативно создали концертную версию программы, после чего группа провела разведку боем в Воронеже, Киеве, Белгороде и Алма-Ате. Перед выступлением в Киеве стало известно, что Самойлов возвращается в “Агату Кристи”. К этому моменту его прежнюю группу взял под свою опеку “Росремстрой”, и у “Агаты” появились средства и реальные возможности гастролировать по стране.

Самойлову нужно было срочно выезжать в тур вместе с “Агатой”, и ему в экстренном порядке необходимо было искать замену. Могилевский предложил кандидатуру своего давнего и верного соратника по группе “Ассоциация” Николая Петрова, с которым много лет назад они заканчивали “чайник” – музучилище имени Чайковского.

Вспоминает Петров:

После записи “Титаника” Могилевский дал мне послушать альбом и предложил поработать с гитарными партиями Потапкина и Самойлова. Я уже давно не следил за внутренними делами “Наутилуса” и ничего не знал об уходе Белкина и Беляева. Возможно, поэтому серьезно к предложению Могилевского я не отнесся, предполагая, что найдутся другие кандидаты на их место. Об уходе Самойлова я узнал за три дня до отъезда в Киев.

Покидая “Наутилус”, Самойлов все-таки успел подготовить для Петрова специальную кассету, на одном канале которой была записана вся группа, а на другом – его гитарные партии. Когда “Наутилус” ехал в поезде на концерты в Киев, Петров всю дорогу сидел в наушниках и непрерывно репетировал на гитаре всю программу.

Рассказывает Петров:

Перед началом выступления ко мне подошел Копылов и спросил: “Коля! Ты не волнуешься?” Я помню, как ответил ему: “Гога, отстань! Видишь, мне некогда!”

За три дня Коля Петров выучил все партии и отыграл их в Киеве. После этого концерта таможня дала “добро”. Так в мае 1994 года в “Наутилусе” появился новый лидер-гитарист.

Раскрутка “Титаника”

Презентация альбома должна была состояться в Государственном концертном зале “Россия” 8 и 9 июня. К этому моменту “Титаник”, только-только появившийся в продаже, уже успел попасть в “топ-10”, на телевидении замелькал видеоклип “Титаник”, сделанный Геннадием Акименко, а фирма “Мороз Рекордз” прямо-таки завалила страну ранними альбомами группы, выпущенными на кассетах и компактках.

Появление “Титаника” не было неожиданным для рядового потребителя и вызвало небывалый фурор на рынке. Толпы меломанов хаотично носились по Горбушке, оглашая воздух терминами “камбэк” и “ривайвл”. Они жадно смотрели в глаза оптовиков, у которых невысокая стартовая цена альбома (7–8 долларов) неумолимо провоцировала народные массы на покупку. Специалисты и эксперты понимающе кивали, произносили волшебное слово “саунд” и тыкали пальцами в фамилию Самойлова. Все сходились во мнении, что группа сделала шаг если не вперед, то вправо-вперед, а ее продукция стала более качественной – несмотря на непривычную компьютеризованность аранжировок и некоторую неровность исходного материала.

С учетом подобных настроений Месхи и Ланда всерьез решили “дать гари”, проведя презентацию “по гранд-стилю” – в бродвейском ключе и со всевозможными киевско-московскими брейк-дансами. В тот момент многие из задействованных в акции людей даже не догадывались, насколько бурно и плодотворно могла работать фантазия Месхи в заданном направлении. В его памяти еще были свежи

воспоминания о скандальной церемонии открытия кинофестиваля, организованной им в Киеве в 1989 году. Как гласит легенда, дело происходило следующим образом.

В помпезном зале киевского Дома торговли вяло протекала предшествующая “встрече с прекрасным” торжественная часть. Зал терпеливо дожидался, когда закончат читать по бумажкам заранее приготовленные поздравления заслуженные деятели кино, статные дамы, пожилые артисты и ветераны украинского кинематографа. Незаметно для позевывающих зрителей седеющий дедушка средних лет плавно соскользнул в докладе с темы о достижениях советской мультипликации к особенностям мультфильма “Серая шейка”. И в этот момент стоящий рядом актер хватает огромный киевский торт и втыкает его прямо в лицо докладчику. Вместо занавеса на сцену падает огромный плакат, на котором написано: “Лучше быть маленьким щенком, чем старой райской птицей. Марк Твен”. Под барабанную дробь, пронзая зал, на сцену выходит военный оркестр мореходного училища, после чего раздвигается задний занавес и на зашоренную публику обрушивают всю мощь своих гитарных наворотов непризнанные гении украинской заппообразной психоделики из “Коллежского ассессора”. Искаженный электроникой голос поздравляет публику с началом фестиваля.

Спустя полдесяток лет повзрослевший Месхи решил не искушать судьбу и изначально отказался от подобных сеансов массовой терапии общественного сознания.

Вспоминает Месхи:

Тщательно и долго прослушивая треки “Титаника”, я постепенно приходил к выводу,

что для грамотной подачи альбома необходим определенный антураж. И когда начались мои первые внедрения в творческую кухню “Наутилуса”, я взял в сопродюсеры презентации Самойлова, а также пригласил принять участие в концертах большой детский хор имени Попова (Самойлов расписал им на три голоса вокальные партии), музыкантов из “Браво”, “Машины времени”, профессиональных бэк-вокалисток и т.д.

Но так случилось, что за неделю до начала концертов Месхи пришлось заниматься совершенно другими делами.

Беда пришла неожиданно. В кабинете администрации “России” раздался телефонный звонок из правительства: “На 8 и 9 июня отменить все мероприятия и провести концерты, посвященные Дню независимости России”. По логике это означало, что администрация концертного зала должна отменить презентацию и выплатить группе неустойку. Не спас положения и звонок в Кремль советнику президента по культуре. “Ничем не могу вам помочь, – ответил он. – Нам поступило указание отпраздновать День независимости”.

Идиотизм ситуации усугублялся еще и тем, что за неделю до начала концертов уже было продано около 80 процентов билетов. И тогда в головы наутилусовского директората пришла спасительная мысль. Смысл ее заключался в том, чтобы не объявлять об отмене собственных концертов, в организацию которых уже было вбухано столько денег. “Пусть в „России“ сами объяснят тысячам людей, пришедшим слушать „Наутилус“, о каких-то концертах и о какой-то независимости”, – резонно решили они.

После этого хода в “России” призадумались. Осознав на вторые сутки конфликта, что в воздухе “запахло паленым”, администрация концертного зала активизировала свои действия и перенесла презентацию “Титаника” на 12 и 13 июня, отменив при этом какой-то из своих концертов и передвинув на один день концерты группы “Воскресенье”.

И тогда штаб подготовки презентации “Титаника”, возглавляемый призванным на подмогу Месхи и Ланде одним из директоров “Браво” Александром Пономаревым, заработал на полную силу. Ночью в типографии были напечатаны наклейки с новыми числами, которые уже к утру следующего дня были подклеены по всей Москве на тысячах афиш. С помощью подъемного крана снимались перетяжки по всему центру и на них нашивались новые даты. После того, как к делу были подключены радио и телевидение, все организационные проблемы удалось решить.

Теперь оставалось решить вопросы творческого характера, связанные с тем, что у “Наутилуса” пропал предконцертный день в “России”, отпущенный на монтаж сцены, настройку и репетицию. Еще до переноса концертов на предварительных прослушиваниях много мук было с приглашенным в последний момент отрядом барабанщиц, у которых красивые ноги удачно дополнялись почти полным отсутствием чувства ритма. Принимавший участие в презентации Самойлов успел провести дополнительную репетицию с барабанщицами – но помогло это мало.

Вспоминает Потапкин:

На первом концерте они устроили такое шоу. К примеру, на композиции “Воздух” барабанщицы вступили вовремя, только в

другом темпе. Несмотря на то что ими дирижировал Самойлов, они ритмически “потащили” всю команду назад. На записи второго концерта слышно, как мы заранее замедлили из-за них темп песни.

Стоит отметить, что концерты в “России” получились неравноценными. На первом концерте все члены группы волновались, поскольку “Наутилус” уже больше года не выступал на больших площадках.

Второе выступление прошло более удачно. “Наутилус” играл два отделения. В первом исполнялись композиции “Титаника”, а во втором – классические хиты группы периода 1986–1992 годов.

Выглядело все следующим образом. На сцене стояли два лидер-гитариста – часть сольных партий играл Петров, часть Самойлов, а всю остальную программу Вадик и Николай разложили на две гитары. В центре сцены находился Бутусов – с черной гитарой, одетый во все черное и чем-то смахивающий на Дэвида Бирна. По доброй традиции он застыл намертво у микрофона и в течение всего концерта практически не сходил с места.

Само шоу выгодно контрастировало с принципиальным сценическим минимализмом Бутусова. Причудливый огонь световых эффектов, громкий звук, хор на заднем плане, по-бутафорски эффектные барабанщицы, непривычное для “Наутилуса” обилие бэк-вокалисток и приглашенных музыкантов создавали у зрителей небезосновательное ощущение нового Вавилона. Весь концерт 4000 зрителей смотрели стоя – с визгом и криком. В воздухе что-то искрилось и носилось, а над залом стоял несмолкаемый стон. На сцене все текло само по себе, как будто кто-то сверху всем этим руководил. Все вовремя выходили и уходили, все вовремя включалось и выключалось, барабанщицы

вовремя вступили, шел дым... Со стороны все выглядело так, как будто шоу репетировалось не менее полугода. Был большой праздник. Бутусов пел с вдохновением – какие-то интимные пришептывания, паузы, новые интонации и тембры в голосе. Возможно, его сильно подзаводила публика – во всяком случае, после концерта Бутусов сказал, что не помнит такой аудитории со времен 1988 года.

Вспоминает Могилевский:

Я испытывал состояние наркотического опьянения от реакции зала.

Вспоминает Бутусов:

А мне после одного концерта в “России” нужно неделю ничего не делать, а просто лежать, чтобы выйти из коматозного состояния.

Итоги “российского” концерта были таковы. Его большая часть транслировалась “Программой А”, а запись одного из концертов вскоре вышла на двойном компакт-диске “Titanic Live”.

Вспоминает Месхи:

Поскольку шоу в “России” было основательным и глобальным, мы крайне выгодно продали права на выпуск этой пластинки. Похоже, это был один из первых отечественных концертников, выпущенных на компакт-диске, и сумма, полученная за эту запись, была беспрецедентной.

Что же касается чартов, то к концу лета композиция “Тутанхамон” возглавила сразу несколько хит-парадов.

После спокойного и действительно счастливого лета(из крупных выступлений можно отметить концерт на Красной площади, посвященный 25-летию “Машины времени”), у группы внезапно начались проблемы. Во-первых, крайне неровно прошли периферийные гастроли. Шумное эхо московской презентации “Титаника” застряло где-то на полпути между Уральским хребтом и Среднерусской возвышенностью. Начиная с Зауралья страна все еще жила воспоминаниями о Владимире Ильиче Ленине. Местные дельцы от шоу-бизнеса пожимали плечами: “Откуда вы взялись? Что еще за „Титаник“? А нам говорили, что вы остались жить в Америке!”

Концерты часто отменялись в последний момент. Срывались туры, планы и заряд вдохновения, полученный в “России”.

Во-вторых, Месхи и Ланда настояли на поездке группы в Берлин – на концерт, приуроченный к выводу российских войск из Германии. Пользуясь случаем, директорат “Наутилуса” хотел получить от Министерства культуры сверхвыгодный договор, но ничего из этой затеи не вышло. В дело вмешались Министерство обороны, ряд общественных организаций, а также группа “На-На” и команда Людмилы Зыкиной, сместившие все финансовые акценты в свою сторону. Вскоре под вопросом оказался сам факт поездки группы в Германию.

В итоге тандему Месхи–Ланда пришлось несладко, так как во всех средствах массовой информации уже было заявлено об участии “Нау” в этой акции. В самый последний момент вопрос был решен положительно, но только небеса знают, чего это стоило наутилусовскому директорату.

В Берлин группе пришлось лететь на военном самолете с аэродрома в Чкаловске. Это был последний день официального воздушного моста Чкаловск–Шперенберг (российский военный аэропорт под Берлином), поэтому в загранпаспортах музыкантов не сохранилось никаких отметок о пересечении государственной границы. “Наутилус” напоминал нечто среднее между отрядом десантников и профсоюзом шпионов. На их пути не встретилось ни таможенников, ни пограничников. Кругом царила не поддающаяся описанию неразбериха, и “Наутилус” вместе с “Агатой Кристи” были вынуждены сидеть прямо посреди леса в Шперенберге в ожидании обещанного автобуса. По странной традиции Германия всегда была для “Наутилуса” чем-то вроде Бермудского треугольника, в котором свердловская субмарина с малообъяснимым постоянством сбивалась с истинного пути. Не стал исключением и данный визит.

Попав в Берлин, “Наутилус” узнал, что в городе их никто не ждет. За гостиницу группе пришлось расплачиваться из собственного кармана, да и на концерт они попали в последний момент.

“Наутилус” выступал перед несколькими тысячами зрителей прямо посреди бывшей Маркс-Энгельс-Платц, расположенной недалеко от рейхстага. На взгляд бывалого искусствоведа вся акция представляла собой воплощение концептуального сюрреализма, которой для полной завершенности недоставало только Курехина с его “Поп-механикой”. Концерт открывал хор имени Пятницкого и ансамбль Александрова с актуальным антимилитаристским шлягером “Вставай, страна огромная”. Где-то посередине этого праздника жизни на сцене показался “Наутилус” с программой из семи композиций. На десерт была припасена “Гуд-бай, Америка”, полная аллюзий на текущий момент. Концерт артистов российской эстрады завершали хедлайнеры в

лице группы “На-На” и Людмилы Зыкиной. Под звуки народных мелодий семьи российских офицеров без особого энтузиазма готовились к возвращению на историческую родину.

Непродуманная поездка в Германию сильно подорвала доверие Бутусова к своим директорам.

В то время Бутусов говорил в прессе:

Я человек... не то чтобы очень принципиальный, но если я имею с кем-то договоренность, то стараюсь ее соблюдать. Естественно, может наступить момент, когда я, ничего не объясняя, расстанусь, допустим, со своим администратором, который перестанет меня устраивать. Но до той поры я считаю, что должен выполнять свои обязательства.

В это время группа совершала крупный тур по России, в течение которого за лето-осень 1994 года “Наутилус” дал около 50 концертов. После нескольких из них Бутусов созвонился с организаторами концертов на местах с целью уточнить гонорары, выплаченные директорату, и сравнить их с гонорарами, полученными музыкантами.

Цифры не совпадали.

И Бутусов понял, что добрая школа киевско-израильского менеджмента помимо очевидных плюсов имеет и свои существенные минусы. По версии “Наутилуса”, Месхи и Ланда снимали деньги со счетов “Наутилуса”, чтобы заткнуть финансовые бреши, возникшие в бюджете после презентации в “России” и поездки в Берлин. В свою очередь, Месхи считает данную гипотезу несостоятельной и объясняет события того времени иными причинами. С его точки зрения, Бутусов никогда не вдавался в деловые нюансы и никогда не обладал полной информацией, целиком

доверяя в этом вопросе Кормильцеву. Вдобавок к этому у Месхи резко ухудшились отношения с другими музыкантами группы, поскольку именно по его инициативе в “Наутилусе” была ликвидирована финансовая уравниловка. И, наконец, у Месхи произошла серия мелких конфликтов с Бутусовым, связанная с интенсивностью гастрольного графика (в день приезда из Германии “Наутилус” играл концерт в одном из институтов). Как бы там ни было разногласий оказалось достаточно много, и в конце 1994 года контракт между “Наутилусом” и его директорами был разорван.

Вспоминает Месхи:

Нам не удалось поднять “Наутилус” на тот уровень, на который мы могли бы потенциально его поднять. Для этого нам не хватило полугода. Во всяком случае, жизнь показала, что первые шаги тогда были сделаны нами правильно. Что же касается “Наутилуса”, то иногда группа все-таки должна вспоминать о том, что она находится в шоу-бизнесе. Иначе начинается неадекват.

С 1995 года официальным директором группы стал Александр “Хип” Пономарев, уже работавший с “Наутилусом” во время организации концертов в “России”. Как и большинство предшествующих ему директоров, Хип успел повидать в этой жизни многое. Продвинутый меломан, он начинал свою общественно-полезную деятельность с ведения дискотек, работал экспертом-криминалистом в прокуратуре и фотокорреспондентом газеты “Рязанский комсомолец”, делал квартирные концерты Лозе и аншлаговые выступления “СВ”, “Шанхаю” и “Браво”. В шоу-бизнесе

он умел немало – начиная от заказа и расклейки афиш и заканчивая выпуском пластинок и установлением необходимых контактов со средствами массовой информации.

Для “Наутилуса” Пономарев оказался чем-то вроде талисмана. Если оценивать его работу с точки зрения 1997 года, можно прийти к мысли, что лет тридцать назад Хип был рожден специально для “Наутилуса”, став для группы не столько Брайаном Эпштейном, сколько Малкольмом Маклареном. Во главе администрации появился человек с музыкальным вкусом, который, несмотря на солидный внешний вид, по образу жизни являлся большим рок-н-ролльщиком, чем любой из музыкантов группы. Работая до этого в “Браво”, он начал чувствовать, с какой неумолимой силой затягивает его в свои сети коммерческая паутина.

Вспоминает Пономарев:

С “Браво” мы объездили всю страну, давая по сорок концертов в месяц. Залы ломились, над периферией стоял стон: “О! Стиляги из Москвы!” – но обстановка в коллективе была такая, что говорить об особой дружбе не приходилось. “Браво” превратилось в хорошо отлаженный конвейер по изготовлению хитов и их прокату. Разговоры в основном велись вокруг денег – деньги за концерты, деньги за пластинки, проценты за рекламные отчисления. К моменту ухода Сюткина дело дошло до того, что музыканты встречались, не здороваясь садились в автобус и молча ехали на концерт.

В контексте “Браво” обстановка в “Наутилусе” казалась оторванной от жизни

сказкой – нормальные человеческие отношения, никакой избалованности, суеты и звездной болезни.

Вспоминает Пономарев:

Мне понравилось, что Бутусов имеет слабое представление о том, что сколько стоит. Он всегда берет деньги, не пересчитывая их и даже не интересуясь, какую сумму ему заплатили. Иногда его немелочность и широта граничили с полным раздолбайством и отрывом от жизненных реалий, но мне это показалось симпатичным. Человек, что называется, от Бога – весь в творчестве, в каких-то проектах, далекий от быта и очередей.

Примечательно, что когда Пономарев возглавил хозяйственный сектор “Наутилуса”, доброжелатели неоднократно его предупреждали: “Саша! Куда ты лезешь? „Наутилус“ – это без мазы! Возможно, они и неплохая группа, но поднять их тебе не удастся. После „Разлуки“ их все позабыли... Большие возвращения бывают в рок-н-ролле крайне редко!”

Но “Наутилус” уже стал для Пономарева частью семьи. Он отдавал ему все силы, деньги и время. И результаты не заставили себя ждать.

Запись на “Леннаучфильме”: промахи и ошибки

Каторжная работа над “Титаником” и его беспримерная раскрутка в конце концов принесли ощутимые результаты. По итогам 1994 года “Наутилус” выиграл приз “Овация” как “лучшая рок-группа”, в хитпараде “МК” группа заняла второе место, “Титаник” попал в “топ-10”, а Бутусов и Кормильцев вошли в тройку лучших рок-певцов и рок-поэтов соответственно. К концу года от 35000 экземпляров компакт-дисков “Титаника” не осталось и следа, а количество кассет и пиратских перепечаток, разошедшихся по стране, уже давно потеряло счет. Песни из “Титаника” звучали со всех сторон – начиная от FM-радиостанций и заканчивая телевидением. Сам же “Наутилус”, отыграв в ДК Горбунова итоговый концерт “Песни разных лет”, с марта 1995 года в очередной раз залег на дно – на повестке дня стоял вопрос о записи нового альбома “Крылья”.

Вспоминает Бутусов:

Мы пытались его очень тщательно спланировать, и очень долго все это делали. Буквально сразу же после завершения записи “Титаника” мы начали готовить новый материал. Было стремление сделать как можно больше песен, чтобы было из чего выбирать. Я писал “рыбы” практически до Нового года. Потом шла работа с текстами. И почти полгода мы сидели в студии.

После окончательного отбора выяснилось, что альбом будет содержать только пять новых композиций – “Крылья”, “Дыхание”, “Одинокая птица”, “Живая вода”, “Небо и трава”, причем “Небо и трава” – одна из самых сильных песен альбома – была написана вообще в последний момент. Большинство остальных песен создавались еще в период подготовки “Титаника”, а композиция “Золотое пятно” была написана одновременно с “Бриллиантовыми дорогами” и, похоже, была включена в “Крылья”, исходя из принципа “чтобы добро не пропадало”.

Плотная работа над альбомом началась еще с февраля – в помещении, снимаемом группой в течение последних лет на “Леннаучфильме”. Кроме клавишных партий Могилевского, записанных на компьютер, все остальные инструменты писались “вживую”.

Вспоминает Полковник:

Мне удалось убедить Кормильцева, внезапно увлекшегося новыми технологиями, приобрести не новейшую модель модернизированной компьютерной мини-студии, а традиционную “прописочную студию”. Мы решили не изобретать велосипед, а пойти проверенным путем – так, как это делают на Западе. Нами были приобретены два цифровых магнитофона, на которые и делалась запись.

Вспоминает Кормильцев:

Идея построения записи была в ее неподотчетности. Музыканты вместе с набросками песен получали полную свободу действий. У них было достаточно времени, чтобы подумать над своими партиями, они

работали без постороннего воздействия, как это случалось прежде – в ситуациях с Самойловым или Белкиным. Нам хотелось исследовать резервы и пределы возможностей каждого и группы в целом, чтобы понять на будущее, есть ли необходимость специально приглашать на запись каких-либо посторонних музыкантов.

Вспоминает Могилевский:

Такой подход к записи имеет явные плюсы. Никто не выгонял музыкантов из студии, и каждый работал ровно столько, сколько считал для себя необходимым.

В тот момент всем в “Наутилусе” казалось, что с учетом организационных ошибок, сделанных во время записей предыдущих альбомов, наконец-то найдена панацея от всех бед.

Все оказалось не так.

Первый просчет, допущенный при компоновке альбома, состоял в явном переборе количества песен. Если измерять продолжительность звучания “Крыльев” стандартами виниловых дисков, то получалось, что группа фактически замахнулась на двойной альбом. Если предыдущие работы “Наутилуса” состояли из 8-10 композиций и длились стандартные 40-45 минут, то в предварительную версию “Крыльев” – общей продолжительностью более 70 минут – вошли сразу 18 песен. На конечный вариант альбома их попало 14, но, записав в два раза больше песен, чем обычно, музыканты были здорово вымотаны физически. Ни о каком вдохновении в такой ситуации не могло быть и речи.

Вспоминает Могилевский:

Несмотря на полную свободу, предоставленную нам в студии, я не могу назвать “Крылья” своим любимым альбомом. Я прекрасно помню, с каким трудом рождалась “Одинокая птица”, которая потом летала из хит-парада в хит-парад. В студии мы записали чуть ли не пять ее вариантов.

Часто процесс останавливался из-за каких-то малозначительных деталей. К примеру, Потапкину пришлось переигрывать заново свою партию на “Кто еще”, поскольку Бутусову показалось, что исполненное Аликом соло на щетках получилось малоэмоциональным. Для того чтобы переписать этот фрагмент, пришлось заново выписывать из Москвы всю барабанную установку, которую “Наутилус” арендовал на время записи у Андрея Шатуновского из “Динамика”. Все это требовало времени.

Потапкину данная система записи пришлась не по вкусу. Ему определенно не хватало энергетической подпитки от других членов группы. Он сидел в комнате в полном одиночестве и играл, словно метроном – под музыку, звучащую из наушников. Еще одним музыкантом, не нашедшим себя в данных условиях, оказался Коля Петров. Его беда состояла в том, что, откровенно расстаравшись, он приносил на каждую песню по 3–4 варианта гитарных аранжировок. Этим он усложнял ситуацию, предлагая Бутусову право конечного выбора. Иногда дело доходило до смешного – партии отличались друг от друга лишь звуковыми спецэффектами, через которые была пропущена гитара. В какой-то момент Бутусов, подуставший заниматься их прослушиванием, не выдержал и “сломался”: “Коля! Я тебя умоляю – пиши, пожалуйста, только один вариант”. Сам же Бутусов, несмотря на отсутствие жестких

сроков, проявил удивительную работоспособность, ежедневно находясь в студии по 10-12 часов.

Второй технический просчет, допущенный группой, был одним из самых прискорбных. После того как музыканты в течение четырех месяцев (с марта по июнь) наконец-то прописали свои треки, они были отпущены в отпуск. Последующее сведение и микширование решено было осуществлять на студии питерского отделения “Европы плюс” силами всего двух человек – Полковника и Бутусова. Понадеявшись на собственный опыт и утомленные затянувшейся студийной работой, они свели альбом не лучшим образом. Поскольку остальные музыканты в это время отдыхали, поправить Полковника и Славу было некому.

В конце июля Александр Пономарев отдал DAT-кассету с несколькими песнями из “Крыльев” для трансляции по радио “Европа плюс”, и все последующие претензии к качеству сведения повисли в воздухе. Полковник говорил: “Я делал только то, о чем меня просил Слава”, а Бутусов говорил: “Меня Полковник и близко к пульта не подпускал!”

В итоге получился замкнутый круг. Виноватых не было.

Первоначально альбом планировалось назвать “Усталость” – по названию одной из четырех композиций, так и не вошедших в него. Судьбу “Усталости” разделили еще три песни – “Мальчик-заноза”, “Бегущая вдаль” и “Белая стена”, а “Клетка” и “Золотое пятно” впоследствии вообще не исполнялись на концертах.

Что же касается песни “Усталость”, то с ней произошла небезынтересная история. Это была довольно жесткая по саунду композиция – с гранджевой фактурой, агрессивная по смыслу и резкая по форме подачи. “Усталость” начиналась со слов “Если

встречаюсь с ворами – мечтаю всадить в них свинец”, к которым Бутусов отнесся достаточно настороженно.

“Поздно ты, Кормильцев, собрался панком становиться”, – сказал он, впервые прочитав этот текст.

Это был показательный момент.

Похоже, что Бутусов – с его явной предрасположенностью к фатализму – в очередной раз решил плыть по течению и уклониться от резких движений. “Я не хочу делать никаких заявлений. Мы берем на себя слишком большую ответственность”, – сказал он Кормильцеву, после чего судьба “Усталости” была решена.

Примечательно, что в истории с выбором названия “Крыльев” с достаточно большой точностью повторялась ситуация трехлетней давности. Тогда Бутусов так и не осмелился назвать альбом “Бесы”, выбрав для этого более нейтральный вариант “Чужая земля”. Свою позицию он объяснял “слишком большой ответственностью за такое название”. Уже тогда, в отличие от “молодежного периода”, его очень тяготили подобные ситуации. И по мере сил и возможностей он старался свести их к минимуму.

Возможно, что в случае с “Крыльями” Бутусов в чем-то был прав. Еще раз напомним, что большая часть материала этого альбома создавалась в 1993 году, вследствие чего результирующий вектор всей программы был довольно упаднический. На многих песнях присутствовало чувство опустошенности и чуть ли не затравленности. К примеру, композиции типа “Золотого пятна” могли бы звучать в качестве саундтрека к съемкам Си-эн-эн, демонстрирующим расстрел Белого дома, а не крутиться в ярмарочном FM-эфире периода массового пофигизма последних лет. По-своему показателен тот факт, что в дальнейшем наибольшим успехом у “Крыльев” пользовались именно те четыре-пять песен, которые были написаны

значительно позднее – незадолго до начала записи в 1995 году.

“Крылья” над Европой

Раскрутка еще не вышедшего альбома началась со скандала. Известие о том, что “Европа Плюс” получила на один месяц эксклюзивные права на трансляцию нового материала “Наутилуса”, вызвало бурную реакцию у конкурирующих радиостанций. В частности, “Радио Максимум” решило вообще бойкотировать этот альбом. По своему размаху эта акция соответствовала самым высоким международным стандартам, на полгода предвосхитив аналогичный поступок “BBC Radio 1” в отношении нового альбома группы “Status Quo”.

“Даже если от слушателей поступят заявки на новые песни „Наутилуса“, то, очевидно, пока они выполняться не будут, – заявил программный директор „Радио Максимум“ Михаил Козырев. – Я считаю, что музыка принадлежит всем... И я надеюсь, что наши слушатели отнесутся к этому шагу с пониманием. Я вполне осознаю, что это очень радикальная мера. Но с ее помощью я надеюсь показать музыкантам, что такой метод раскрутки альбома нецивилизован”.

В свою очередь “Наутилус”, не теряя времени на малоэффективные дебаты, провел по истечении месяца пресс-конференцию, на которой представители остальных радиостанций получили экземпляры сингла с песнями из “Крыльев”. Это означало, что начиная с данного момента (24 августа) радио “Европа Плюс” потеряло эксклюзивное право прокручивать в эфире новые композиции группы.

Жизнь тем временем шла своим чередом. Вопреки общепринятой практике обкатку новой программы “Наутилус” начал за рубежом. К этому мини-туру по Англии и Израилю каждый из членов группы

подготовился по-своему. К примеру, Бутусов, которого во время предыдущей поездки в Израиль из-за длинных волос периодически принимали за персидского еврея, не мудрствуя лукаво, постригся наголо. “Новый альбом – новая кожа!” – бодро провозгласил Кормильцев и с дальним прицелом на грядущие пресс-конференции смастерил аналогичную прическу. Теперь Кормильцев скорее напоминал легендарного комдива Котовского, у которого отобрали перед боем то ли коня, то ли последний персональный компьютер. Бутусов непостижимым образом ассоциировался с собственной фотографией десятилетней давности, когда после трех месяцев практики в военных лагерях за ним намертво закрепилась кличка Саид.

У остальных музыкантов были иные проблемы. Могилевскому предстояло за сравнительно короткий промежуток времени перенести на синтезатор все свои партии (записанные на “Крыльях” при помощи компьютера) таким образом, чтобы на концерте их можно было сыграть двумя руками. И при этом каким-то образом умудряться петь и играть на саксофоне.

Вспоминает Могилевский:

Это была каторжная работа. Я собирал песни воедино буквально по кусочкам. У меня уходило по два дня на то, чтобы в рамках одной композиции собрать скрипки, органные звуки, партии рояля и клавишных на одну клавиатуру. Если этого не получалось, приходилось идти на маленькие хитрости. К примеру, если в студийном варианте “Дыхания” играл живой саксофон, то в концертной версии использовался компьютерный саксофон – у меня просто не хватало рук. На “Живой воде” присутствовала технически очень сложная

латиноамериканская партия клавиш, требующая большой беглости пальцев. На компьютере она получалась легко и элегантно, а живьем ее сыграть очень трудно. Ее нужно было разучивать довольно долго, но я ее все-таки выучил.

Премьера программы “Крылья” состоялась в Минске.

Вспоминает Потапкин:

Обычно я очень щепетильно и настороженно отношусь к новой программе. Но, удивительное дело – что касается “Крыльев”, я был уверен, что программа пойдет. Уверенность иногда возникает от страха, но на концерте в Минске мои “неволнения” оправдались.

Конечно, дебют “Крыльев” в Минске отличался от дебюта “Титаника” в Воронеже, где новой была не только программа, но фактически и сама группа. Концерты в столице Белоруссии прошли на большом подъеме и энтузиазме. Возбужденный Кормильцев бегал по сцене Дворца спорта и всех фотографировал. Ночью в гостинице группа была атакована настойчивыми телефонными звонками валютных проституток, которые выражали душевное сожаление на тему грядущего отъезда “Наутилуса”. Для дебютного выезда это был неплохой финальный аккорд.

Во второй половине сентября “Наутилус” отправился в небольшой тур “галопом по Европам”. Начинался он с концерта в Лондоне – в театре “Riverside Studios” на набережной Темзы. На концерт пришло человек восемьсот, но незадолго до его начала внезапно выяснилось, что местные клавиши сломаны (тур организовывали русские эмигранты) и

Могилевскому придется играть всего на трех октавах. Алексей сильно нервничал, но никто ничего так и не заметил.

Сильно волновались и остальные музыканты – все-таки это было их первое выступление в Мекке европейского рок-н-ролла. Бутусов перед началом концерта глотнул для храбрости шотландского виски, Потапкин забыл в гримерной запасные палочки, а Коля Петров уже в самом начале выступления умудрился порвать струну. Через десять минут концерт, по меткому выражению Потапкина, превратился в “шоу без клавиш для пятиструнного гитариста и очень осторожного барабанщика”. Тем не менее в финале концерта зрители устроили жуткий грохот ногами по деревянному полу, и группа выходила три раза играть на бис.

Следующее выступление произошло на радио Би-би-си в программе Севы Новгородцева. “Наутилус” играл в той самой студии, из которой генерал де Голль вещал на оккупированную Францию, призывая народ не сдаваться и оказывать сопротивление немецкому вторжению.

Концерт “Наутилуса” на Би-би-си выглядел довольно экзотично. Это была стопроцентная акустика – без Копылова, с Бутусовым и Петровым на акустических гитарах, Потапкиным, игравшим на двух бонгах и на каком-то бубне, а также с Могилевским, дувшим в сопрано-саксофон. Кто-то из присутствующих в студии фотографировал этот импровизированный “unplugged” в прямом эфире Би-би-си, который напоминал даже не “квартирник”, а настоящий “подземнопереходник”. Со стороны это выглядело достаточно весело. После концерта, проведя дегустацию виски в закрытом клубе для сотрудников Би-би-си, музыканты “Наутилуса” впервые задумались об акустической версии собственной программы.

После недельной паузы группа отыграла несколько концертов в Израиле, на которых в точности повторилась картина двухлетней давности. Несмотря на то что большую часть программы составляли незнакомые композиции из “Крыльев”, ажиотаж во время выступлений в Тель-Авиве, Хайфе и Иерусалиме был неописуем. На один из концертов была даже вызвана местная полиция – с целью успокоить разбушевавшихся поклонников. Все это в совокупности с нежным южным солнцем не могло не греть души музыкантов. Но мысленно группа была уже в Москве, настраиваясь на столичную презентацию альбома, которая должна была состояться с 26 по 28 октября в здании московского Дворца молодежи.

В зоопарке

Неприятности начались задолго до концерта, когда внезапно выяснилось, что московские художники, оформлявшие обложку альбома, не могут справиться со своей задачей. Выпускавшая альбом фирма навязала “Наутилусу” собственных дизайнеров, которые оформляли до этого альбомы Маши Распутиной и слабо представляли себе ситуацию с “Крыльями”. Они сделали неплохие развороты, но фактически провалили лицевую обложку, помпезно изобразив на ней летящего ангела, которого музыканты тут же окрестили не иначе, как “пидор с крыльями”.

Всем было понятно, что подобный вариант никуда не годится. И тут в голову Пономарева пришла идея изобразить на обложке летящее перо. “Что остается от крыльев, если крыльев больше нет? – задумчиво рассуждал директор „Наутилуса“. – Остаются перья. Ведь смысл заглавной песни альбома – в потере крыльев”. В летящем пере также содержалась прямая реминисценция на культовый фильм того времени “Форест Гамп”, эдакое посвящение Тому Хэнксу – любимому киноактеру “Наутилуса”.

Идея, предложенная Пономаревым, была неплоха, если бы не одно “но” – до сдачи макета обложки оставалась одна ночь. Где найти за это время красивое лебединое перо, было непонятно, поскольку птичий рынок и зоомагазины к тому моменту уже были закрыты. Оставался единственный вариант – московский зоопарк. И Пономарев полез в зоопарк за перьями.

Вспоминает Пономарев:

Часов в 10 вечера я перелез через забор. Охраны никакой не было, но звери почувствовали постороннего и начали орать и визжать так, словно сработала сигнализация. Особенно громко орали обезьяны. Я испугался и подумал: “Все. Это конец”.

Но это был не конец. Увидев человека, лебеди повыскакивали на середину пруда и начали гоготать.

Я принялся им объяснять: “Ребята! К чему весь этот кипеж? Никто не собирается вас убивать. Мне перья нужны для дела. Дело-то пустяковое...”

Глупые птицы даже не пытались вслушиваться в столь неотразимые аргументы. Самое обидное состояло в том, что любой уважающий себя милиционер, увидев ночью Пономарева на территории московского зоопарка – в порванных штанах и с разбитым лицом, – ни за что бы не поверил его рассказам о благородной цели подобной экспедиции. Однако, вопреки опасениям, у этой истории случился счастливый конец. Перья были найдены в лебедином лежбище, доставлены домой, и к утру макет обложки был готов.

Приключение с зоопарком, как выяснилось позднее, оказалось лишь увертюрой к тем катаклизмам, которые ожидали группу в процессе готовившейся презентации. Сложностей в ее подготовке было немало, и одна из них состояла в отсутствии у группы не только “черной кассы”, предназначенной для презентации, но даже потенциального спонсора.

Приходилось попросту выворачиваться. “Россию” “Наутилус” осилить не мог – по излюбленному выражению Бутусова – ни физически, ни химически. Место для концертов во многом было выбрано исходя из

того, что администрация московского Дворца молодежи смогла взять на себя большую часть финансовых расходов. Но даже это не до конца спасало ситуацию. К примеру, появление на концерте второго барабанщика объяснялось не только выигрышным визуальным эффектом, но и финансовыми причинами. Помимо того, что Андрей Шатуновский являлся единственным ударником, с которым Алик Потапкин мог сыграть синхронно, он, в случае приглашения на крупные концерты “Наутилуса”, предоставлял свою вторую барабанную установку (для Потапкина) бесплатно.

Экономить приходилось буквально на всем.

Единственный реальный спонсор – компания “Battery Team”, занимающаяся реализацией батареек, была найдена незадолго до начала концертов типично-авантюрным способом. Кто-то из знакомых рассказал Пономареву, что видел на рекламных плакатах батареек до боли знакомые слова: “Эта музыка будет вечной, если я заменю батарейки”. Воодушевленный подобным стечением обстоятельств Пономарев вскоре “нарыл” не только заповедный плакат, но и саму батареечную компанию. Несмотря на то что компания оказалась небогатой, люди в ней работали просто золотые.

Вспоминает Пономарев:

Спонсоры бывают разные. Попадают такие, которые готовы отдать все во имя того, чтобы помочь другим именно в тот момент, когда те в этом действительно нуждаются. Люди из “Battery Team” не могли глобально исправить положение, но, прочувствовав ситуацию, отдали нам последние деньги. Когда я забирал у них коробку из-под батареек,

наполненную деньгами, то чувствовал себя натуральным сборщиком налогов.

Концертам также предшествовало два “мини-ЧП”, связанных с выпуском тиража кассетных альбомов и продажей билетов в городских театральных кассах. И если проблему с кассетами в режиме аврала все-таки удалось решить (первая часть тиража была привезена за час до начала первого концерта), то с билетами произошла невообразимая путаница. По чьей-то нерасторопности около тысячи билетов прозаично оказались запертыми в сейфе и в продажу попросту не поступили. В результате зал был заполнен процентов на 70, зато у входа в МДМ спекулянты подняли цены на билеты в несколько раз.

За два дня до начала презентации в здании МДМ произошла пресс-конференция, на которую представители массмедиа прореагировали крайне своеобразно – начиная от уровня задаваемых вопросов и заканчивая ее последующим освещением в прессе. Из всего общения были выделены только два момента: новая прическа Бутусова и заявление Кормильцева о том, что “мы не можем вас чем-нибудь заинтересовать, так как не являемся ни наркоманами, ни педерастами”. О музыке, естественно, не было написано ни слова.

Непосредственно перед концертом возникли проблемы, связанные с озвучиванием Русского филармонического оркестра под управлением Игоря Кантюкова. Дело в том, что при любом расположении микрофонов звук электрических инструментов заглушал звучание оркестра. Крайним в этой ситуации оказался Потапкин, которого решили посадить на площадку пятиметровой высоты. Увлечшись симфонизацией концерта, организаторы позабыли о том, что в свое время Алик попал в землетрясение в Молдавии и с тех пор откровенно недолюбливал высоту.

Рассказывает Потапкин:

Звукооператоры заревели рогом, что мои барабаны лезут в микрофоны симфонического оркестра и я их безнадежно заглушаю. Это был дурдом. Я до сих пор с ужасом вспоминаю выстроенную на сцене архитектуру. Это образец того, как не надо проводить презентации. Нас всех распихали по ярусам различной высоты, словно по кустам. Такой дизайн вообще нельзя делать, поскольку у группы пропадает чувство локтя.

Ночью перед концертами в номере Алика раздавались непрерывные телефонные звонки с уговорами пересечь с ударной установкой на самый верх. В тот момент оркестр казался важнее. Но Алик упрямо стоял на своем и битву за место на сцене все-таки выиграл.

Презентация “Крыльев” состояла из двух частей и проходила следующим образом. Концерт открывался увертюрой-фантазией на тему суперхитов “Наутилуса” в исполнении оркестра. После “Прогулок по воде” и “Я хочу быть с тобой”, словно гимн с нарастающим крещендо, шла “Гуд-бай, Америка”.

Вспоминает Коля Петров:

Впечатление из-за кулис было такое, что хотелось встать и стоять по стойке смирно.

“Прямо Григ какой-то...” – пробормотал Бутусов и вышел на сцену. Он сильно нервничал – еще с утра его жена уехала в город за покупками и к началу концерта так и не вернулась. Случиться могло всякое, но Бутусов взял себя в руки и открыл программу исполнением

песни “Крылья” в сопровождении оркестра. Следующим шло “Дыхание”, на котором к шоу подключились музыканты “Наутилуса”.

Пока оркестр играл без рок-группы, все инструменты в зале были слышны, словно в Лондонском Королевском Альберт-холле. Но когда филармонический оркестр заиграл одновременно с “Наутилусом”, получилось уникальное представление под названием “фонограмма наоборот”. Симфонисты играли на виолончелях, флейтах и ксилофонах, водили смычками по скрипкам, но со стороны это напоминало немое кино. Оркестра почти не было слышно – на первый план на пульте был выведен “Наутилус”.

Эксперименты по спариванию рок-музыки с симфоническими оркестрами редко дают откровенно выдающиеся результаты. Чаще всего это происходит в студии, но здесь была не “Abbey Road”, да и “Наутилус” был далек от пика собственной формы. В скобках заметим, что, когда после презентации зашел разговор о том, чтобы выпускать концертную запись “Крыльев”, на эту идею сразу же было наложено вето. Одним из поводов для подобного решения явился тот факт, что на фоне симфонического оркестра даже на записи “Наутилус” звучал малоубедительно.

На концерте Копылов, Потапкин, Петров и Могилевский были разбросаны по ярусам МДМ-овской пирамиды, словно новогодние игрушки на иголках предпразднично разукрашенного кактуса.

Вспоминает Могилевский:

На презентации “Титаника” у меня присутствовало чувство праздника. Тут все было по-другому. Возможно, это оказалось связано с тем, что мы знали, как Хип лазил щипать лебедей. Ланда и Месхи не баловали нас своими

проблемами. Я до сих пор не знаю, скольких сил стоило найти для “Титаника” этих барабанщиц и бэк-вокалисток. А здесь каким-то образом нас посвятили во все проблемы – как финансовые, так и организационные, и я не думаю, что это нас веселило и грело. На протяжении всего концерта мы испытывали дикий дискомфорт и чувствовали какую-то свою вину.

Оторванные от земли музыканты держались, словно стойкие оловянные солдатики, но озарение в те три октябрьских вечера находилось явно в другом месте. Со сцены шел холод, куда-то пропали энергия и драйв. Белизна бутусовской макушки и его приблизительный вокал усиливали настроение всеобщей безысходности, а полумандражное состояние группы превратило и без того пессимистичный по настроению материал альбома в 50-минутный похоронный марш. Одиннадцать новых композиций воспринимались из зала как один непрерывный и долгий собачий вой на луну. И публика, которая и без того не испытывала недостатка в отрицательных эмоциях и меланхолии, добровольно усугубила это состояние до полной апатии – с последующим впадением в кому.

Вспоминает Потапкин:

Все планировалось сыграть с “живинкой”, а “живинки” не получилось. Мы выступали в кромешной темноте, и нас спасало только то, что мы более или менее нормально слышали себя в мониторах. Если бы “Наутилус” сыграл этот же концерт в ДК Горбунова, мы бы просто разорвали зал на куски. Мы хотели врезать так, чтобы мало не показалось – ни нам, ни публике. Но не получилось.

Финал концертов состоял из песен “Я хочу быть с тобой” и “Гуд-бай, Америка”, причем во время саксофонного соло Могилевского в воздухе а-ля “Форест Гамп” плавно вальсировали лебединые перья, медленно засыпавшие сцену. В качестве завершающего штриха это была неплохая режиссерская находка. Она была воплощена в жизнь шофером “Наутилуса”, купившим несколько корейских подушек, и работниками сцены, которые, сидя на осветительной рампе, потрошили их с 12-метровой высоты.

После бала

Мне неинтересны чужие слабости.

Лайма Вайкуле

Несмотря на промелькнувшие по телевидению клипы “Кто еще” и “Крылья”, а также транслировавшиеся в “Программе А” фрагменты сравнительно удачного второго концерта в МДМ, ни презентация, ни сам альбом не были восприняты в массах как нечто чрезвычайно значимое или интригующее. Вообще этот период в истории “Наутилуса” прошел в обстановке сильного недружелюбия со стороны средств массовой информации. Для этого существовал ряд причин. И одна из них – принципиальное желание новой прессы похоронить возрожденный “Наутилус” под обломками “Наутилуса” десятилетней давности.

Тенденция атаковать рок-ветеранов существует в мире с незапамятных времен. Нападкам периодически подвергаются “Аквариум” и “Машина времени”, подобных наскоков не удалось избежать и рок-музыкантам на Западе, где ведущие музыкальные издания периодически покушаются то Коллинза (сравнивая его музыку с ранним “Genesis”), то Стинга (в контексте “Police”), то Клэптона и Маккартни. Возможно, эти “наезды” обоснованы неудовлетворенной потребностью в смене имен и в узости музыкального рынка – в особенности постсоветского. Но в отечественном варианте подобное поведение прессы носило определенно вульгарный оттенок. В самом начале девяностых всесоюзная рок-пресса здорово помогла группе, вытащив “Наутилус” из

того места, в котором он находился. Но в дальнейшем массмедиа исчерпали свой энтузиазм.

Кормильцев:

Сегодня наши журналисты чувствуют себя особенно хорошо, только кого-то похоронив, поплясав на его могиле и пописав на нее. Без этого они считаются как бы несостоявшимися. Большая часть их не верит ни во что, кроме денег, да и в те не особенно верит.

Но, как известно, дыма без огня не бывает. Другой вопрос, в какую сторону и с какой силой дует при этом ветер. Почву для беспрецедентных нападок на “Наутилус” (названия статей: “„Крылья“ есть, а не летится”, “Рок здесь больше не живет”, “Усталость”) создали сами музыканты, сыгравшие далеко не лучшие концерты.

Попадание в различные хит-парады “Дыхания” и “Одинокой птицы”, а также первое место альбома в чартах “Музыкального Олимпа” не могли повлиять на общее настроение внутри коллектива. Словно продолжение химической реакции, в группе начался болезненный процесс осмысления происходящего. Бутусов впал в прострацию средних размеров и даже немногочисленные интервью давал словно под наркозом. Находясь под впечатлением тотальной критики “Наутилуса” в прессе, он все чаще стал высказываться о том, что “не реализовал себя полностью”, “реализовал на десять процентов” или начинал выдавать перлы о том, что “занимается не своим делом”. При этом Бутусов прекрасно понимал, что оценки его творчества могут быть разными и как автор он не имеет права вмешиваться в их шкалу. “Мы

должны сидеть тихо и скромно”, – сказал он тогда в одной из телепередач.

Настроение Кормильцева в те дни было не намного лучше.

Спустя несколько месяцев *Кормильцев вспоминал:*

Как это часто бывает с затянутыми альбомами, с выпуском “Крыльев” мы опоздали. “Крылья” давались очень тяжело – как никакой другой альбом. Честно говоря, материал “Крыльев” достаточно достоверно отражал тогдашнее полуистерическое состояние – и Славино, и мое.

Презентационные концерты “Крыльев” стали похоронным аккордом в малологичной попытке “Наутилуса” заигрывать со стандартами промоушн-кампаний, принятыми в постсоветском шоу-бизнесе. Это был финальный аккорд помпезного, ориентированного на столичные нравы периода, начало которого формально можно отсчитывать со времен презентации “Титаника” в “России”. В определенном плане презентация “Крыльев” закрывала собой период уже второго по счету возрождения группы, достигнутого за счет некоторого компромисса с массовым вкусом.

Основной вывод, сделанный после вышеупомянутых компромиссов 1994–1995 годов, был на удивление прост: рок-группе не по пути с поп-исполнителями не только в идеологическом смысле, но и в использовании коммерческих приемов. Это был по-своему трагический опыт, который, исчерпав себя, открывал перед “Наутилусом” новые горизонты свободы.

Кормильцев:

Мы ошибочно поддались инерции, заставлявшей до этого все наши группы проводить презентации в Москве и открывать с них тур. Эта традиция была создана попсовиками, у которых фонограмма звучит совершенно одинаково на первом концерте и на тридцатом, в Перми и в Москве. Мы наконец-то поняли, что не должны оглядываться на этих людей и можем позволить себе идти своим путем. И ничего страшного после этого не произойдет – ни разорения, ни голода, ни вареного риса с уксусом.

Кормильцев как в воду глядел, говоря о том, что “ничего страшного не произойдет”. Благодаря FM-радиостанциям, немало сделавшим (в отличие от центральных каналов телевидения) для пропаганды рок-н-ролла, к лету следующего года в стране было продано более 25000 компакт-дисков и около 270000 кассет “Крыльев” – не считая пиратских перепечаток.

С подобными результатами и настроениями “Наутилус” вплыл в такой обнадеживающий для группы 1996 год.

Акустика

Скорее всего, отсчет событий, произошедших с “Наутилусом” в 1996 году, логичнее начать с презентационного концерта “Крыльев” в Санкт-Петербурге, состоявшегося в начале февраля. Если не учитывать последующих концертов в Красноярске, Вологде, Иваново и Ярославле, выступление в Питере ознаменовало собой окончание тура, приуроченного к выходу “Крыльев”.

Необычность питерской акции состояла прежде всего в том, что по инициативе Бутусова принять участие в концерте были приглашены его друзья из театра “Лицедеи”. Конечно, Слава рисковал. Кому как не ему было знать, что не привыкшая в основной своей массе к подобным экспериментам публика сочетание рок-группы и театра может не понять и не принять. С другой стороны, за годы своего существования “Наутилус” воспитал настолько закаленного в наутилусовских метаморфозах зрителя, что эксперимент с введением в концерт актеров из “Лицедеев” был по-своему необходим.

Питерская газета “Рок-Фузз” в рецензии на этот концерт писала:

Костюмированное шоу “Лицедеев”: корявые старцы, роковые женщины, юродивые рыжие и пикантные сумасшедшие – выразительно проиллюстрировало мелодические и поэтические образы и возродило на сцене беспробудную тоску, неприкаянность, эмоциональную нестабильность и напряженность Времени великих перемен.

Грамотно организованный концерт, аншлаги и овации...

Вскоре после питерской презентации “Крыльев” группа, прервав на две недели гастроли, заперлась на репетиционной базе, готовясь к презентации акустической программы в Москве. Обобщенное рабочее название акустических версий старых и сравнительно новых хитов “Наутилуса” первоначально выглядело как “Деревянные пески”, но затем, не мудрствуя лукаво, программа получила свое истинное название “Акустика”.

Это был один из первых проектов группы, который задумывался задолго до того, как был осуществлен. Еще в начале лета 1995 года музыканты решили выпустить концертный акустический альбом, в котором были бы подведены определенные итоги. Сама жизнь подталкивала “Наутилус” к подобному шагу. С одной стороны, этому способствовала не так давно вспыхнувшая на Западе эпидемия на unplugged, когда альбомы, записанные без электрических инструментов, стали выпускать буквально все – начиная от Дилана и Клэптона и заканчивая “Nirvana” и “Kiss”. С другой стороны, уже несколько раз по прихоти судьбы “Наутилусу” приходилось играть акустику в импровизированных условиях: в эфире “Радио-101” (когда Бутусов на пару с Петровым в две гитары исполняли “Прогулки по воде”), на Би-би-си, во время периферийных выступлений, когда на сцене отсутствовала часть усилительной аппаратуры. После подобных концертов стало окончательно понятно, что в акустике возникла катастрофическая необходимость.

Вспоминает Могилевский:

Электрической программе всегда предшествует достаточно громоздкая подготовка. А нам хотелось быть более мобильными и более подвижными. Мы занялись акустикой с гораздо большим азартом и интересом в сравнении с тем настроением, с которым мы возились с “Крыльями”.

Музыканты ощущали необыкновенный прилив сил, репетируя старые вещи. Похоже, они наконец-то осознали, что можно достаточно свободно относиться к материалу и нет никакой необходимости с серьезными лицами “мочить мейнстрим”.

Вспоминает Коля Петров:

Было очень легко работать. За первые четыре дня мы собрали двадцать песен, а за неделю их в общей сложности набралось около тридцати.

Вспоминает Копылов:

Все происходило на одном дыхании. Песни шли прямо пачками, одна за другой, особенно старые.

Небывалый душевный подъем ощущал Алик Потапкин. Во-первых, для него от большинства песен веяло воспоминаниями той поры, когда он впервые пришел в группу. Во-вторых, именно на репетициях “Акустики” он впервые начал петь в “Наутилусе”.

Вспоминает Потапкин:

Мы репетировали “Падал теплый снег”, и во втором куплете хотелось, чтобы Слава пел на октаву выше. Когда он попробовал, оказалось, что петь так высоко ему сложновато. И тогда я сказал ему: “Если ты не против, давай я попробую”. На следующий день Бутусов предложил мне подпевать в унисон в припевах “Летучей мыши” и “Прогулук по воде”.

К концу февраля программа была готова. В связи с тем, что уже изначально были запланированы ее видео- и аудиозапись, организационную часть подготовки решено было провести максимально тщательно. Специально для акустических концертов были приобретены новые инструменты – бонги, каубеллы, лайнбеллы, шейкер и маракасы. Гоге был куплен акустический бас, Славе – очень дорогой, с великолепным звуком белый “Fender”. Отдельная реставрационная работа была произведена с роялем – был вызван мастер, который к началу концертов практически идеально отстроил его звучание.

За несколько дней до начала акции по Москве поползли разговоры, что “Наутилус” находится в отличной форме и готовится устроить в Горбушке нечто грандиозное. Билеты таяли на глазах. Сами музыканты были настолько уверены в успехе, что, составляя порядок песен, разделили плей-лист на три части: основная, песни на бис и песни “на супербис”. Как правило, раньше о песнях “на супербис” никто не заикался.

Масло в огонь новому отношению к жизни подлил приезд из Праги брызжущего энергией Кормильцева. После презентации “Крыльев” он в течение нескольких месяцев жил в Чехии, писал тексты для новой программы и, по существу, вернулся из загранкомандировки другим человеком.

Накануне концерта *Кормильцев* сказал:

Там я писал стихи, чувствуя, как с меня сходит весь невроз, приобретенный в Москве за последние три года. У меня появились уверенность в собственных силах, необходимая жесткость, образность мышления. Я посетил в Праге кучу рок-концертов и постепенно начал "отмокать". Вернувшись домой, я почувствовал себя как заколдованный и впервые поверил, что никакая сила здесь не сможет меня сокрушить. Впервые за много лет мне все стало по х...

Презентационные концерты программы "Акустика" состоялись 1, 2 и 3 марта в ДК Горбунова. Описать то, что творилось в эти дни в легендарной Горбушке, будет непросто. "Наутилус" выступал после очень тщательной настройки звука. Первое впечатление – будто группу держали взаперти несколько лет, не давали играть концерты, а сейчас наконец-то выпустили на сцену. От усталости предыдущих лет не осталось и следа. Идеальный звук, свет, аскетичный дизайн сцены, очень энергичная подача и правильная драматургия программы. Песни исполнялись в хронологическом порядке – добрая половина "Разлуки", а затем – greatest hits из "Князя Тишины", "Родившегося в эту ночь", "Чужой земли", "Титаника" и "Крыльев". Сразу несколько песен в новых, более теплых аранжировках – с легко узнаваемыми реггей-интонациями, вставками босса-новы, кантри и латиноамериканскими ритмами. Парящий над переполненным залом саксофон. Девственно чисто звучащий рояль.

"Ален Делон" – практически на голом ритме с массовым пением зала и фортепианной концовкой из "Кармен" Бизе. "Рвать ткань" "Наутилус" сыграл с такой неподдельной страстью, что только за одну эту

композицию заслужил отпущения половины былых грехов. В воздухе зависли ностальгические грезы и сентиментальное ретронастроение. Казалось, время внезапно остановило свой бег, недолго потопталось на месте, а затем неторопливо двинулось назад – обратно в восьмидесятые.

Бутусов – предельно отмобилизованный, в зрачках – жизнь и отражение огоньков из зала. Под лучами софитов выглядит так, словно на улице стоит 1988 год. Анонсирует “Ален Делон” как “одиозную песню про вред питья парфюмерных изделий”. Шутит и улыбается. Суетливые фотографы ползают где-то у ног в поисках оптимального ракурса.

Петров, пальцы которого бегают по грифу гитары с обезьяньей ловкостью. Все к месту, без ненужных затянутых соло и перетягивания одеяла на себя.

Ритм-секция словно движущийся строго по графику локомотив.

И, наконец, Могилевский – у человека то ли бенефис, то ли какие-то новые клапаны для дыхания открылись. Это его звездный час. Когда в “Тутанхамоне”, воткнув в себя тенор и сопрано-саксофоны, он играет восточную тему, кажется, что на сцене вот-вот появятся персидские слоны. В “Музыке на песке” и в “Рвать ткань” за три концерта ни одного одинаково сыгранного проигрыша. Очень много вдохновенной импровизации. Похоже, что у всех на виду человек рождается второй раз.

В ответ – фантастический прием зала. Дорожный менеджер “Наутилуса” Виктор Долгоселец купил для зрелищности неоновых палочек, но при этом проявил разумную инициативу и приобрел в немалых количествах палочек с индийскими благовониями. В результате аромат в рокерском до мозга костей зале к середине первого концерта напоминал нечто среднее

между буддийским храмом и растафарианским подвалом.

У сцены шло массовое и интенсивное рубилово. Торсида в угаре. Сопливые тинейджеры знают наизусть все слова – от “Праздника общей беды” и до “Ивана Человекова”. Никаких энергетических ям – партер ходит волнами, салонные дамы пляшут в бельэтаже. Журналисты вспоминают Черноголовку и Подольск. После ожидаемого супербиса гримерка ломится от гостей, комплиментов, поздравлений. “Агата”, “Браво”, Кинчев, Галанин... Это триумф.

Пономареву с огромным трудом удастся обмануть поклонниц и вывезти Мастера не через служебный вход, а через технический проход, расположенный во дворе Дома культуры. Кормильцев в ответ на дежурный вопрос из серии “Ну как?” отвечает в диктофон: “No comments”.

Путешествие в сказку наяву продолжается. В марте еще несколько концертов по московским клубам – и везде полный аншлаг. Слишком много совпадений.

В продаже появляется запись одного из этих концертов, и ее тут же сметают с прилавков. Кто не успел, тот опоздал. Похоже, что альбом “Лучшие песни. Акустика” и вышедшая вслед за ним видеоверсия концерта незаметно стали настоящими раритетами. По крайней мере, почти ни у кого в группе собственных экземпляров пластинок уже не осталось.

Первого апреля увидела свет шикарно оформленная подборка компакт-дисков и кассет, состоящая из шести сборников отечественных рок-групп под общим названием “Легенды русского рока”. Одной из групп был “Наутилус Помпилиус”.

Band on the run

По самым скромным подсчетам, за 1996 год “Наутилус” сыграл более восьмидесяти концертов в тридцати городах страны. Особенно интенсивными получились у группы весенние месяцы и начало лета. Тур по Украине в апреле, тур по Дальнему Востоку в мае, участие в предвыборном туре в июне.

Когда в одном из интервью у Бутусова спросили, в каком городе он больше всего любит выступать, Слава ответил, что в Санкт-Петербурге – “потому что после концертов можно сразу поехать домой”.

Его можно понять: поездки очень изматывали музыкантов.

“Гастроли я связываю с деятельностью таких официальных террористических организаций, как железнодорожный транспорт, „Аэрофлот“, гостиничные комплексы и, собственно, устроители концертов. Эти четыре организации сведут нас на нет”, – любит говорить Бутусов.

После нескольких месяцев разъездов музыканты оказывались настолько вымотаны физически, что по вечерам один и тот же фильм каждый смотрел в собственном номере.

Могилевский:

Времена мессианства прошли. Это ощущаешь особенно остро, когда едешь на концерт по чужому городу и видишь афиши: Сташевский, Овсиенко, “Нэнси”, Буланова. И понимаешь, что просто находишься в обойме.

В майско-июньский предвыборный тур “Наутилус” попал по принципу “эх, занесли кони вороные”. Пропустив первые выступления, “Наутилус” присоединился к делегации рок-групп (в которую входили “Алиса”, “Ва-банкъ”, “ЧайФ” и “Сплин”) накануне третьего по счету концерта – кажется, в Ростове. Отчужденность “Наутилуса” на фоне буйного веселья их коллег по оружию не могла не бросаться в глаза.

Вспоминает Копылов:

На тур мы приехали в состоянии работы. И вдруг попадаем в центр циклона, в котором все ходят на головах.

Вокруг гейзером било веселье – все счастливые, слегка пьяные и слегка обдолбанные. Первой в самолете к музыкантам “Наутилуса” подошла Наташа Пивоварова из “Колибри” и спросила: “Ребята! А почему вы такие пафосные?” Они не были пафосными. Просто за много лет группа изрядно подустала от тысяч километров дорог и придорожного рок-н-ролла.

И все же “Наутилус” вскоре самым что ни на есть органичным образом влился в общую струю веселья и рокерского братства. Настроение в группе за считанные часы изменилось с точностью до наоборот.

Организация быта музыкантов во время переездов напоминала пионерский лагерь на колесах – со своим начальником (функции которого выполнял Стас Намин) и старшей пионервожатой, которая малоуспешно пыталась навести некое подобие дисциплины в стане хаотично перемещавшихся в пространстве музыкантов.

Концерты проходили через день: Омск-Воронеж-Ростов-Волгоград-Самара-Тольятти-Уфа-Челябинск-Екатеринбург-Пермь-Ижевск. Рокеры выступали на

крупных концертных площадках типа дворцов спорта, а движущаяся тем же маршрутом сборная команда киноартистов – в кинотеатрах или домах культуры.

Рок-концерты протекали примерно по следующему сценарию. На фоне огромного плаката “Голосуй или проиграешь” группы гнали хиты, и элемент творческой импровизации был сведен к минимуму. “Наутилус”, как правило, выступал предпоследним (играя не более 5–6 композиций), а закрывала все концерты “Алиса”. Периодически в конце выступления устраивался джем, на котором артисты под пристальным прицелом телекамер бодро исполняли композицию “Мы желаем счастья вам”.

Расстояния между городами приходилось преодолевать на выделенном для тура самолете. Рокеры быстро обжили этот вид надводного транспорта, разделив его внутренность на три части. Вместо люкса, бизнес-класса и экономического класса в самолете появились сделанные от руки таблички: “Казино”, “Курильная”, “Коньячная”. Население аэроплана мигрировало из одной части в другую – в зависимости от душевных потребностей. Всех поразил Бутусов, который перемещался по самолету с целой сумкой лекарств и выполнял функции не только практикующего врача, но и душевного доктора.

Если концертные площадки располагались невдалеке друг от друга, рок-делегация перемещалась из города в город на автобусах. Периодически автобусные марш-броски сопровождались дорожными происшествиями. К примеру, на подъезде к Тольятти у одного из автобусов лопнуло колесо. “Все! Приплыли!” – сказал водитель и принялся за ремонт. Вышедший первым из автобуса Бутусов сделал несколько шагов в сторону близлежащего поля и удивленно воскликнул: “О! Конопля!” Это была не шутка. Посреди сорняков и неопознанной травяной растительности уверенно

пробивались навстречу солнцу листья заветной конопли. Не подававший до этого никаких признаков жизни Кинчев с возгласами “Где?” сорвался с места. Дремавшие в автобусе рокеры, впервые в жизни увидевшие коноплю, тем не менее энергично разбрелись по всему полю. Звукооператоры “Алисы” исчезли где-то за линией горизонта.

Предвыборный тур заканчивался 15 июня выступлением в Нижнем Новгороде. Сразу после концерта состоялась финальная пирушка в расположенной на окраине города двухэтажной “Охотничьей избе”. Все было неправдоподобно мило: Сергей Соловьев произносил теплые тосты о неожиданно сложившемся альянсе рокеров и артистов и наговорил массу добрых слов в адрес рок-музыкантов. Со стороны это напоминало признание в любви. Затем Бутусов пел в дуэте с Пивоваровой какие-то песни из репертуара “Колибри” и что-то общественно-массовое – на тему “Что тебе снится, крейсер „Аврора“?”. Потом все танцевали. По воспоминаниям роуд-менеджера Виктора Долгосельца, таким вдохновенным Бутусов не был давно.

Не меньше Долгосельца был поражен и Пономарев, встречавший группу в аэропорту Внуково.

Вспоминает Пономарев:

Я их такими не видел никогда. Обычно они приезжают абсолютно неживые, сонные и грязные – с одним лишь желанием поскорее доехать до гостиницы, помыться и лечь спать. На этот раз я их встречаю и ничего не понимаю. Прохладно, идет дождь, а они начинают танцевать, качать меня на руках, петь какую-то песню типа “Оле, оле, Хип!”, водить хороводы. Все это очень зажигательно, с танцевальными

“па” и детским восторгом. Обезумевшие от счастья глаза, все обнимаются, целуются, как дети. Бутусов выглядит каким-то окрыленным. “Я тридцать пять лет прожил и ни разу не испытывал подобного кайфа, – признавался он. – Наконец-то меня пробило”. Во время ужина музыканты не могли даже спокойно поесть – все время соскакивали с места и бросались исполнять какие-то чечетки...

Расслабились и отдохнули, таким образом, на славу. Тут совершенно второстепенен повод, который собрал музыкантов в один большой и легкомысленный табор. Забытая или, скорее даже, неизвестная ранее атмосфера праздничного бесконечного карнавала – вот главное ощущение от этого тура.

Вспоминает Алексей Могилевский:

Все было очень душевно. Я помню, как сказал музыкантам: “Ребята! Вы запомните все это. Потому что больше такой поездки не будет”. Действительно, после этого “ура-пафосного” объединяющего тура произошли такие изменения в жизни, что я сомневаюсь, чтобы еще когда-нибудь такой тур был возможен.

На пути в Англию

Тони Висконти доказал на музыке “T.Rex”, а Джордж Мартин на музыке “Beatles”, что только англичане умеют записывать струнные в роке.

Борис Гребенщиков

После концерта на московском стадионе “Динамо” вместе с “Deer Purple” музыканты “Наутилуса” взяли двухмесячный летний антракт – собраться с силами, подумать о будущем. А подумать было о чем: так или иначе, почти все акции последнего года имели характер почти ностальгический: происходило очередное подведение итогов. “Наутилус” готовился к прыжку, хотя вряд ли кто-нибудь из членов команды представлял себе его последствия.

Довольно быстро был написан материал нового альбома, и только потом стало ясно, что делать его по-старому нельзя: нужен был продюсер.

В это время в недрах “Наутилуса” происходила очередная переоценка ценностей, в первую очередь связанная с активным увлечением его идеологов психоделической стороной брит-попа. Новым культовым героем группы стал Джарвис Кокер, вытеснивший в сознании Бутусова и Кормильцева несколько потускневший с годами образ Мика Джаггера. Возродившийся интерес к идеологии неохиппи способствовал возникновению у музыкантов нового психологического оптимизма, который после осенней поездки в Амстердам повлек за собой определенные эксперименты, связанные с расширением сознания.

Кормильцев:

За подобную смену пристрастий огромную благодарность следует сказать группе “Аквариум” и тому культурному посланию, которое она несет в себе и в своих музыкантах, по ряду субъективных и объективных причин не всегда находящих отражение в творчестве самой группы. Традиции духовного наследия 1960-х и 1970-х годов, сохраняемые многими членами этого коллектива, в каком-то смысле являются значительно большим достижением, чем та музыка, которую они в последнее время играют.

В обстановке духовного подъема у Бутусова появилось естественное желание записать новый альбом в Англии. Не последнюю роль здесь сыграл пример Гребенщикова, который, записав два альбома в Лондоне, доказал реальность проведения подобных мероприятий.

На предварительной стадии подготовки альбома Александр Пономарев говорил:

На данном этапе группе надоело вариться в собственном соку. Какое бы в России ни было оборудование, какие бы ни были звукоинженеры, мы сами до конца не знаем, как именно все должно звучать. В поисках истины группа делала в студии множество версий одной и той же песни – и не факт, что при этом выбирался самый оптимальный вариант. “Наутилусу” не хватало продюсера, который взял бы на себя ответственность за звук.

Печальная истина современного положения российского шоу-бизнеса заключается в том, что

практически все поиски в области звукозаписи свелись у нас к приобретению новой, а потом и новейшей аппаратуры. В нее “вбухивались” колоссальные деньги, отчего звук странным образом не улучшался. Слово же “продюсер” до сих пор понимается в контексте не музыкальном, а кинематографическом, если не уголовном – как человек, который заказывает музыку. В то время как на самом деле продюсер музыку создает (музыканты при этом играют).

Поиски продюсера для нового альбома начались довольно давно. По крайней мере, еще осенью 1995 года директорат группы вел предварительные переговоры с одним из продюсеров “Eurythmics” на тему совместной работы с “Наутилусом”.

Бутусов:

Продюсер привносит в работу элемент уверенности. Это человек, который приходит в студию и говорит: “Ребята! Я не берусь утверждать, что это гениально, но я могу гарантировать, что из этого можно сделать что-нибудь стоящее”. Продюсер знает, что именно надо делать и какими средствами этого добиться.

Вскоре такой человек был найден. Им оказался английский музыкант по имени Бил Нельсон, фигура в России малоизвестная – разве что старые меломаны помнят группу “Be-Bop Deluxe” – родоначальницу английского глэм-рока. Однако на родине его знают и почитают достаточно: друг Марка Болана, известный по совместным работам с Роджером Ино, Дэвидом Сильвианом и Харольдом Баддом.

Через сотрудничавшую с “Аквариумом” Кэйт Сент Джон министру иностранных дел “Наутилуса” Ольге

Суровой удалось пообщаться с ним в Лондоне. Нельсон, чья фамилия находится в энциклопедиях “новой волны” и “инди”, аккурат между “New Model Army” и “Napalm Death”, заинтересовался музыкой “Наутилуса”, прослушав самым внимательным образом всю музыку “Нау” (!) от начала и до конца, и начал всерьез рассматривать предложение о сотрудничестве.

Нельсон, проживающий на северо-востоке Англии в 250 милях от Лондона в графстве Восточный Йоркшир, относится к тому разряду людей, которые не любят много говорить. Разговорам он предпочитает дело. За свою двадцатипятилетнюю карьеру музыканта и продюсера им было выпущено более сорока альбомов. В самом начале 1970-х его имя было связано с группой “Be-Bop Deluxe”. Ведомые ироничными гитарными вспышками Нельсона и продюсируемые будущим саунд-группу “Stone Roses” и “Kula Shaker” Джоном Лики, “Be-Bop Deluxe” попали со своими двумя альбомами в английский “Top of the Pop”, после чего Билу игра в рок-н-ролл показалась чересчур монотонной. Нельсон уединился от мирской суеты на собственной ферме, где в домашней студии в течение последних двадцати лет пишет музыку для кинофильмов, спектаклей и телепостановок. Параллельно он приезжает в Лондон, работает с другими музыкантами, продюсирует записи молодых рок-групп (от английских до японских), увлекается амбиентом, сэмплерами и секвенсорами, а также экспериментирует с CD-ROM’ами, считая, что они значительно расширяют визуальный потенциал любого проекта.

Нельсон:

Я получаю удовольствие от работы с правильными людьми. При этом я даже сам не всегда знаю, буду ли я только продюсером или

буду записываться вместе с музыкантами. Для меня это всегда сюрприз.

И далее – по поводу “Нау”:

У вас в музыке все слишком отточено и поэтому немного скучновато, вам надо добавить немного задора и здорового, легкого сумасшествия. В идеале вам надо немного побесшабашничать.

Подобная направленность вполне сочеталась с устремлениями лидеров группы, и общий язык был найден. Оставалось просто сойти с ума – слегка и временно. Основным и необходимым условием была не психбольница, а работа в Англии, в Йоркшире – на студии Била Нельсона.

После того как Нельсон получил переведенные на английский язык тексты нового альбома, состоялась его встреча с приехавшим в Англию Кормильцевым. Следствием их беседы стало решение о том, что Бил Нельсон будет продюсером нового альбома “Наутилуса”.

Записывать альбом в Англии Бутусов собрался с местными студийными музыкантами. Говорят, это решение во многом объяснялось экономическими причинами – день работы в студии с английскими музыкантами стоит значительно дешевле, чем оплата проезда и проживания в Англии членов группы “Наутилус Помпилиус”.

Нельзя сказать, что известие о подобной системе записи было встречено внутри группы с большим энтузиазмом. В принципе, в “Наутилусе” уже стала традицией нервная обстановка накануне подготовки любого альбома.

Незадолго до записи *Могилевский* сказал:

Я не знаю, кто у нас в группе заведует генеральной линией продвижения. Это мне неизвестно. И узнавать подробности я особенно не хочу. Я просто боюсь показаться назойливым.

По словам Бутусова, с английскими музыкантами и продюсером ему записываться психологически легче. Поскольку в подобной ситуации отпадает необходимость решать, какую из версий выбрать и какая гитарная партия записана лучше. Вторая причина состояла в том, что сам факт записи альбома в Англии подразумевал в понимании Бутусова гарантированное качество конечного продукта, гарантированное качество аранжировок и звука.

Лидер “Наутилуса” в очередной раз решил пойти на эксперимент. Возможно, это был его наиболее нестандартный ход за последние полдесять лет. Риск состоял в том, что демонстрационная версия нового альбома имела очень мало общего как со стилем “Наутилуса” последних лет, так и с той трансобразной эстетикой, которую проповедовал Бил Нельсон. К этому следует добавить, что демовариант нового альбома, записанный Бутусовым на домашней портостудии осенью 1996 года, производил сильное впечатление именно своим мелодизмом, простотой и ясностью. Сразу более полудесять композиций – “Апельсиновый день”, “Странники в ночи”, “Большое сердце”, “Три царя”, “Девятый скотч” и “Люди на холме” – носили ярко выраженную хитообразную направленность. На фоне монотонных мелодий последних лет эти песни выделялись именно своей выразительностью – в духе лучших композиций “Наутилуса” 1980-х годов. Написанные Кормильцевым тексты отошли от расплывчатых трактовок библейских образов и стали более тонкими и осмысленными. Другими словами, при благоприятном стечении обстоятельств с этим

альбомом группа могла рассчитывать на настоящий прорыв. Осознание близости желаемого результата и чувство вновь обретенной свободы окрыляли в который раз поверившего в собственные силы Бутусова.

“Это одна из моих самых ответственных работ, – сказал Слава перед отлетом в Йоркшир. – Первый раз в жизни я еду куда-то с нетерпением”.

Александр Кушнир

1996 год

Post Scriptum. О превратностях плавания в эпоху великих географических открытий

*Громада двинулась и рассекает
волны.*

Плывет. Куда ж нам плыть?

А. С. Пушкин. Осень

Читатель! Вот и окинул ты пытливым взором путаную историю “Nautilus’a Pompilius’a”! Понял ты хоть что-нибудь? Зачем столько лет совершалось это безобразие и ради чего оно совершалось? Не понял? И не огорчайся: ты не одинок – этого никто не понимает.

Во всем советском, а там и русском роке не было команды, с которой происходили бы превращения в таком множестве и с такими сокрушительными последствиями. На пике популярности “Наутилус” разлетался вдребезги, вызывая всеобщее разочарование, но собирался вновь, чтобы вызвать разочарование еще большее. С трудом, со скрипом отвоевывал популярность обратно, чтобы с хрустом развалиться опять. Нормальный слушатель, привыкший к некоторой стабильности в ныне устоявшихся, частично поседелых рок-н-рольных рядах, едва успевал очухаться, как возникал перед ним на телеэкране Бутусов, то стриженный, то бритый, а то и вовсе блондин, – и вся петрушка начиналась заново, навевая серьезные опасения на тот счет, что это еще

далеко не конец превращений. Если б еще знать, какой в них смысл...

Но какой смысл требовать от мероприятия, которое начиналось совершенно без всякого смысла?.. Во всяком случае, разумности в нем было не больше, чем в любом другом массивированном выбросе юношеского адреналина. Единожды тронувшись, катилась телега с постоянным ускорением, руководствуясь отнюдь не целеполаганием возчиков, а жесткой логикой движения под горку. А там в горку, а там снова вниз; и так уже пятнадцать лет. И все бы ладно, но рано или поздно встанет вопрос: кто ты и зачем? Пусть даже не от большого ума, а просто в силу определенного возраста. Но трудное это дело – осмысливание рок-н-ролла. Особенно нынешнего: скачут по сцене сорокалетние дядьки, лабают “молодежную музыку с моралькой”... Поневоле задумаешься...

Вот “дядьки” и задумываются, а подумать есть о чем. Хотя бы о природе странного ремесла, именуемого rock-n-roll. Чем он отличается от всего прочего? Раньше было легче, раньше дядьки были высокомерные и занимались гордо-благородным делом для избранных, смысл которого казался тогда вполне понятным, правда на уровне ощущений, а не соображений. А теперь? В конце концов, представители многожды проклятой рокерами “попсы” тоже весьма недурно на музыкальных инструментах играют, умеют и попеть, и тексты порой выдают не самые глупые. А рокеры иной раз такую чушь молотят – оторопь берет. Так в чем разница между теми и другими?

Да простится смелая гипотеза, но единственное, чем, пожалуй, рок-н-роल्लीки отличаются, – это искренностью. Вот не умеет, к примеру, Шевчук врать. Самому тошно, а не умеет, и все тут. Гребенщиков, опять-таки к примеру, тот обычно лукавит, а зачем? Не потому ли, что и правду говорить не хочет, и врать не

хочет тоже? Бутусов отмалчивается, манера такая. Кормильцев любит поговорить, но слушатели, не добравшись до середины, разбегаются, впопыхах теряя личные вещи...

Кто-то из пожилых западных рокеров сказал замечательную штуку: “Рок-группа создается не затем, чтобы переделать мир, а затем, чтобы наорать на мир”. Хорошо, наорали, дальше что? Выпили полторы цистерны водки, рассказали друг другу большую энциклопедию однообразных музыкантских баек (есть такой фольклор, удивительно занудный), пропустили через гостиничные номера два полка девиц, поболели, полечились, дальше, дальше что?! Непонятно.

В конце-то концов, неизвестный герой трудового фронта, который всю жизнь закручивал в цехе гайку, знает, зачем прожил жизнь – чтобы гайка была закручена. А рок-н-ролльщик зачем? Всю жизнь в виде проповеди распевал всякую всячину, подчас полную ахинею, что сам же и понимал если не сразу, то немного погодя... Или на самом деле просто деньги зарабатывал? Но это уже ересь – чур меня!

Однако нас интересует подверженное зигзагам и метаморфозам плавсредство с постфантастическим названием “Наутилус”.

Кстати, о названиях: “Машина времени” работает; на “Аквариум” приятно смотреть, там рыбки плавничками шевелят; “Алиса” – она в “Зазеркалье”; “ДДТ” – оно и в Африке “ДДТ”, правда, в Африке его уже запретили; “Чиж” – птичка; “ЧайФ” – тонизирующий напиток с буквой “Ф”; “Наутилус” должен плыть, и не просто так, а идти по курсу.

Вряд ли кто усомнится в том, что этот корабль всегда гнул свою собственную, особую линию. Но вряд ли кто наберется смелости утверждать, что именно это была за линия и куда ее гнули. Куда ему плыть, неведомо ни капитану, ни второму капитану, ни всем

прочим, кто на борту по делу или от нечего делать. Ни графика следования, ни маршрута, ни порта назначения. Порт приписки неясен. Никаких карт! Даже у Колумба, когда вместо нормальной, приличной Индии сей великий неудачник умудрился открыть какую-то Вест-Индию, была карта; очень смешная, но карта. У Колумба были звезды, а в рок-н-ролле навигация по звездам исключается: в тех краях звезды зеленого цвета и постоянно шастают с места на место. Пространство искривляется, на ближних скалах сидят золотые сфинксы... И грядущие дали таковы, что капитану впору бросить штурвал и разразиться рыданиями. Что случилось, и не раз.

“Наутилус” плывет вслепую, это грустный, но факт. Но плывет – это факт радостный. На борту то ссорятся, то песни сочиняют; и вглядываются в даль, прокладывая курс в новых морях. Может быть, откроют Америку. Или хотя бы Шепетовку – тоже приличное место. А может статься, не откроют ничего. Как знать...

Леонид Порохня

26 января 1997 года

Post Post Scriptum. Про курочку Рябу

Десять лет прошло с тех пор, как были написаны строчки, которые вы прочитали выше. Я их выучил наизусть. Я много раз их перечитывал... И не буду от них отказываться: что написано, то написано.

И вранья в них нет, хотя... В них правда, состоящая скорее из надежды, чем из реальности.

В теории систем есть понятие “информационной задержки”. Сложные системы существуют во многом сами по себе. По своим законам. Часто неизвестным даже их создателям. И о том, что происходит с системой, мы узнаем гораздо позже того момента, когда оно, собственно, происходит. Пример?

Едем в автомобиле. Скорость, допустим, сто сорок. Нарушаем, но приятно. Машина хорошая... А там, внутри, уже продырявилась дырочка, потекло масло, уже что-то обо что-то трется-перетирается, уже разламывается, уже разваливается... Но это там, внутри. А мы – в кабине, настроение хорошее, скорость – сто сорок... Так и едем...

Пока узнаем, что происходит, пока сообразим, что делать... Пока примем решение, потом долго-долго рука тянется к рычагу, нога – к педали... Человеческие возможности контроля над комплексными системами весьма ограничены. Если они вообще у нас есть, эти возможности. И наши действия всегда и с необходимостью запаздывают.

Мало того: мы почти никогда не знаем, что происходит с нами же в данное конкретное время. Потому что каждый из нас – тоже система. Более чем комплексная... Узнаем потом, позже.

В конце 1996-го в группе “Наутилус Помпилиус” все было нетипично хорошо. Свидетельство Кормильцева: “Они только что отдолбали тур „Голосуй или проиграешь“ и были в состоянии братства и близости, которых не было никогда раньше. Они плясали на трапах самолетов... Там была действительно группа. И Слава не сторонился музыкантов, он во всем этом активно участвовал, во всей тусовке, в братаниях, в пьянке... Трудно назвать более беспроблемный период внутренних отношений в коллективе”. (Из интервью 2004 года.)

Но... Из того же интервью Ильи: “Что происходило? С одной стороны, какая-то планомерная деятельность, связанная с записью альбома, с этим проектом („Яблокитай“. – Л.П.), с дальнейшим развитием группы. С другой стороны, вызревала все более твердая убежденность, что любой ценой все это надо закрыть”.

Итак, “трудно назвать более беспроблемный период” и тут же – “любой ценой все это надо закрыть”...

Такая вот “Сказка про курочку Рябу”. В извращенном варианте. Рассказать?

Жили были Дед да Баба, и была у них курочка Ряба. Курочка несла яички. Не простые, а вполне золотые. Давно несла, регулярно, все к тому привыкли. Дед с Бабой жили в достатке... Одна беда: с годами невзлюбили Дед и Баба эту самую птицу... Поначалу терпели, потом стало невмоготу. И замыслили птичку прирезать. Каждый сам по себе... Но друг от друга таились – страшно было признаться в таком отношении к кормилице. А Ряба все несла золотые яички...

Интересно, каково пришлось курице, которая исправно несет золотые яйца и чувствует, что скоро ее прирежут?.. Прирезали.

Кто именно? Да не все ли равно! Или поодиночке, или по очереди, а может, собрались, встали в круг,

занесли разом над пушистой головкой ножи острые... Так или иначе, настал день, нашли в курятнике бездыханное тельце.

Почти в прямом смысле. Из интервью Кормильцева: "...я сказал по какому-то поводу „Наutilus Помпилиус“. Слава говорит: „Никакого „Наутилуса Помпилиуса“ больше нет“. Я говорю, что отношусь к этому известию очень положительно, будет что-то другое... „Нет, – сказал Слава, – ты не понял, ничего больше вообще нет, я его похоронил“. Я говорю: „Да? Где?“ – „Пойдем во двор“...

Показал камень могильный, который он сам вкопал и не поленился краской разукрасить, написать: „Наutilus Помпилиус“ и годы жизни... Я говорю: „Ну, классно, ты дошел до того, что жизнь надо менять кардинально; пусть это будет не „Наutilus Помпилиус“, хотя будет очень трудно в этом убедить инвесторов, но мы попытаемся даже с этим что-то сделать“. Он говорит: „Ты не понял, вообще ничего больше не будет, потому что меня все зае...ло“”.

Слова Славины не следует принимать слишком буквально, будто сам он все и соделал. Остальные хотели того же, а кто именно и что именно предпринимал для кончины группы – дело темное.

Самое забавное, что в то же самое время писался полным ходом альбом “Яблокитай”. Над ним трудились двое немолодых англичан... Слава с Ильей навещали их, давали указания... В Россию вернулись к Новому году.

Что было дальше? Иногда даже жаль, что не пишу я для желтой прессы. Материала хватило бы лет на десять многолистажного пережевывания. Но я пишу только то, что пишу. А что-то не пишу. Не надо. Разве один штрих, характеризующий не столько историю “Нау”, сколько странный космизм бытия нашего...

В окончательном убиении “Наутилуса” участвовали психологи, милиционеры, неразъясненные бандиты и

сотрудники спецслужб, черные и белые маги, нотариусы, адвокаты, жены бывшие и настоящие, случайные товарищи и неопознанный покойник, самостийно заявившийся к одному из членов администрации на празднование Нового года...

– Булгаковщина... – скажет искушенный читатель, применив сарказм.

– А как же!.. – отвечу я. – Она и есть!..

Хоронили “Наутилус” шумно и долго. Были “похороны” на “Радио Максимум”. Цитирую объявление на сайте “НП”: “Похороны по Максимуму! С 0:00 московского времени 5 июля 1997 года по 24:00 санкт-петербургского времени 6 июля 1997 года. Среди участников похорон будут разыграны ценные вещи, принадлежавшие покойному”.

Был “Прощальный тур” – с 28 мая по 14 июня 1997 года: восемь городов, десять концертов.

Дохлая курица продолжала нести яйца – а куда денешься, когда “проект”, “бюджет”, деньги вложены – отбивать надо!..

Последний концерт “Нау” состоялся 14 июня 1997 года в Екатеринбурге. В Ледовом дворце спорта “Юность”. Огромный стеклянный сарай, лед таял с утра, к началу на неровном асфальте стояли лужи, по ним топталась публика.

Что сказать об этом концерте? Умерла так умерла. Кончились золотые яички. Не только в смысле материальном.

* * *

Человеческому сознанию присуще воспринимать каждый шаг как СЛЕДУЮЩИЙ. “Вся жизнь впереди, разденься и жди!” – пели когда-то... И все участники

думали так, строили планы на будущее. В определенном смысле так оно и вышло, но...

Настоящая рок-группа – это нечто большее, чем сумма ее членов и их индивидуальных творческих возможностей. Это нечто сверх того. Потому, наверное, разбежавшиеся творцы до высоты коллективного творчества поодиночке подняться обыкновенно не могут.

Не всякий шаг – следующий. В истории “Наутилуса” это был последний шаг. Что было потом – это совсем другая повесть.

А наша сказочка кончилась. Хорошая была группа. Жаль.

Леонид Порохня

5 августа 2007 года

notes

Notes